

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

2022 Том 27 № 1

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация,
e-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация,
e-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Маркова Е.А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького, ассистент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация,
e-mail: glazkova1992@gmail.com

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЛТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиа-ной коммуникации, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области филологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала — знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и журналистиковедческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся литературного процесса, прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, жанров журналистики, печати, радио и телевидения, рекламы, связей с общественностью. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

Электронный адрес редакции журнала: litjournalrudn@rudn.ru

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 21.03.2022. Выход в свет 30.03.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,43. Тираж 500 экз. Заказ № 17. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2022 VOLUME 27 NUMBER 1

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina A. Markova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: glazkova1992@gmail.com

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, Leading Research Fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Nataliya Panasenکو, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication of the Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising. The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties of the HAC nomenclature: 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, 5.9.2. Literature of the Peoples of the World, 5.9.3. Literary Theory, 5.9.4. Folkloristics, 5.9.9. Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism/index>

E-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Copy Editor *I.L. Pankratova*
Layout Designer *N.V. Markelova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

История русской литературы

- Бабушкина П.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в инсценировках XIX века: история цензуры и постановок 9
- Галимуллина А.Ф., Шаряфетдинов Р.Х.* Рецепция творчества Ф.М. Достоевского в татарской литературе и литературоведении 19
- Аксёнова А.А.* Интерпретация стихотворения А.А. Ахматовой «Муза» 30

Современный литературный процесс

- Анкудинов К.Н.* «Техногенная» образность поэзии Александра Ерёмченко в контексте эволюции его романтического мировоззрения 39
- У Сюэцин, Монисова И.В.* Пьеса А. Арбузова «Старомодная комедия» в Китае: театральная и критическая рецепция 55

Зарубежная литература

- Зарытовская В.Н.* Историко-культурные процессы и периодизация арабской литературы 68
- Малахевич Д.Е.* Образ женщины в китайской лирике периода Шести династий 86
- Петрова С.А., Сю Хунлин.* Трансформация художественных образов прошлого в современной китайской детской литературе 94
- Chakraborty A.* Travelling with Quichotte: Reading Rushdie's Quixotic Reinvention of Cervantes' Don (Путешествие с Кихотом Сервантеса: «переизобретение» Салмана Рушди) 102

ЖУРНАЛИСТИКА

История и теория СМИ

- Simons G., Strovsky D.* Factors Transgressing Journalism's Contemporary Mission and Role (Миссия и роль современной журналистики: факторы трансгрессии) 109
- Shilina M.G., Scolari C.A.* The Evolution of Media in New Normal: Creating Bridges Between the Latin American and the European Research Tradition. An interview with Professor Carlos A. Scolari (Эволюция медиа в новой нормальности: наведение мостов между латиноамериканской и европейской исследовательской традицией. Интервью с профессором Карлосом Сколари) 122
- Мурзина О.В.* Квантитативный анализ динамики распространения слова как фактор выявления значимости молодежных СМИ 126

Аксиология журналистики

- Пронина Е.Е.* Гай Фокс и антиномии цифровой эры 137

Медиаобразование

- Пугачев М.А.* Волны развития медиаобразования: синхронический и диа-хронический аспекты 147

- Ильичева В.В., Кузьменкова К.Е., Громова Е.Б.* Технологии *peer learning* и *edutainment* в развитии профессиональных компетенций студентов медийных специальностей 158

Новые медиа

- Кунич З., Музыкант В.Л., Панасенко Н.* Особенности формирования имиджа России на медиаплатформах Сербии 171

- Грabelьников А.А., Е Чжеюань.* Процесс адаптации контента интернет-газеты *Lenta.ru* к пространству социальных сетей 189

- Mustapha M.J., Shilina M.G. Agyei S.O., Ocansey R.C.* News Media Trust and Sources of Political Information in West Africa: A study of Ghana and Nigeria (Доверие к новостным СМИ как источникам политической информации в Западной Африке: признанные vs. новые медиа в Гане и Нигерии) 200

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Соколов Б.В.* Новая книга о Булгакове. Рецензия на книгу: Урюпин И.С. Творчество М.А. Булгакова в национально-культурном контексте эпохи. М.: Флинта, 2020. 572 с. 209

- Шестерина А.М.* Экология медийного пространства как стратегия современной жизни. Рецензия на книгу: Экосистема медиа: цифровые модификации / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с. 213

- Литвиненко Н.А., Пахсарьян Н.Т., Шевякова Э.Н.* Границы смыслов и единство мира. О научном творчестве Веры Вахтанговны Шервашидзе..... 218

CONTENTS

LITERARY STUDIES

History of Russian Literature

- Babushkina P.V.* Dostoevsky's Novel *The Idiot* in the 19th Century
Dramatizations: The History of Censorship and Theatre Productions 9
- Galimullina A.F., Sharyafetdinov R.Kh.* Reception of F.M. Dostoevsky's Works
in Tatar Literature and Literary Criticism 19
- Aksenova A.A.* Interpretation of the Poem by A.A. Akhmatova *Muse*..... 30

Contemporary Literary Process

- Ankudinov K.N.* "Technogeneous" Imagery of Alexander Eryomenko's Poetry
in the Context of Evolution of his Romantic World Outlook..... 39
- Wu Xuejing, Monisova I.V.* Play by A. Arbuzov *Old-Fashioned Comedy* in
China: Theater and Critical Reception 55

Foreign Literature

- Zarytovskaya V.N.* Historical and Cultural Processes and Periodization of Arabic
Literature 68
- Malakhevich D.E.* Feminine Imagery in Chinese Lyrics of the Six Dynasties 86
- Petrova S.A., Xu Hongling.* Transformation of Artistic Images of the Past
in Modern Chinese Children's Literature 94
- Chakraborty Abin.* Travelling with Quichotte: Reading Rushdie's Quixotic
Reinvention of Cervantes' Don 102

JOURNALISM

History and Theory of Media

- Simons G., Strovsky D.* Factors Transgressing Journalism's Contemporary
Mission and Role..... 109
- Shilina M.G., Scolari C.A.* The Evolution of Media in New Normal: Creating
Bridges Between the Latin American and the European Research Tradition.
An interview with *Professor Carlos A. Scolari* 122
- Murzina O.V.* Quantitative Analysis of the Word Spread Dynamics as a Factor in
Identifying of the Youth Mass Media Significance..... 126

Axiology of Media

- Pronina E.E.* Guy Fawkes and the Antinomies of the Digital Age 137

Media Education

- Pugachev M.A.* Waves of Media Education Development: Synchronous and Diachronic Aspects..... 147

- Ilyicheva V.V., Kuzmenkova K.E., Gromova E.B.* Peer Learning and Edutainment Technologies in the Development of Professional Competencies of Media Students 158

New Media

- Kunich Z., Muzykant V.L., Panasenko N.* Formational Features of the Image of Russia on the Serbian Media Platforms..... 171

- Grabelnikov A.A., Ye Zheyuan.* The Process of Adapting Content of the Online Newspaper *Lenta.ru* Towards the Social Media Space 189

- Mustapha M.J., Shilina M.G., Agyei S.O., Ocansey R.C.* News Media Trust and Sources of Political Information in West Africa: A study of Ghana and Nigeria ... 200

REVIEWS

- Sokolov B.V.* New book about Bulgakov. Book review: Urupin, I.S. (2020). M.A. Bulgakov's Works in the National-Cultural Context of the Epoch. Moscow: Flinta. 572 p. (In Russ.)..... 209

- Shesterina A.M.* Ecology of Media Space as a Strategy of Modern Life. Book Review: Urazova, S.L. (Ed.). (2021). Ecosystem of Media: Digital Modifications. Chelyabinsk: SUSU Publ. 252 p. (In Russ.)..... 213

- Litvinenko N.A., Pakhsaryan N.T., Shevyakova E.N.* The Scope of Meanings and the Unity of the World. On the Academic Work of Vera Vakhtangovna Shervashidze..... 218

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-9-18

УДК 821.161.1-2

Научная статья / Research article

**Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в инсценировках
XIX века: история цензуры и постановок**

П.В. Бабушкина

*Литературный институт им. А.М. Горького,
Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской бульвар, 25*

✉ rectorat@litinstitut.ru

Аннотация. В статье изучен феномен сценической интерпретации творчества Ф.М. Достоевского, в частности, рассмотрены театральные инсценировки романа «Идиот» конца XIX века. Особого внимания заслуживает тот факт, что любые театральные переделки романа встречали упорный отказ со стороны цензуры. Автор статьи ставит своей задачей рассмотрение причин такого «сопротивления». Подробно изучены цензурные рапорты, хранящиеся в архивах, содержащиеся в них аргументы о «неуместности» творчества Достоевского на сцене, о «низком качестве» пьес по мотивам романа. Сделан сопоставительный анализ сценических версий и самого романа. Приводятся причины успеха варианта переделки В. Крылова и Г. Сутугина, которая в итоге была представлена на сценах в Московском Малом театре и Александринском театре в 1899 г. Изучение истории сценического воплощения романа позволяет расширить представление о критической и общественной рецепции романа, о театральной репутации писателя в контексте синтеза различных видов искусства.

Ключевые слова: цензура, Ф.М. Достоевский, Идиот, спектакль

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 1 декабря 2021 г.; откорректирована — 15 декабря 2021 г.; принята к публикации — 5 января 2022 г.

Для цитирования: *Бабушкина П.В.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в инсценировках XIX века: история цензуры и постановок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 9–18. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-9-18>

Dostoevsky's Novel *The Idiot* in the 19th Century Dramatizations: The History of Censorship and Theatre Productions

Polina V. Babushkina

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
25 Tverskoy boul., Moscow, 123104, Russian Federation
✉ rectorat@litinstitut.ru*

Abstract. A staged version by V. Krylov and G. Sutugin of Dostoevsky's novel *The Idiot* (1899) is the only staging of this novel in the XIX century that was approved by censors and directed in two theaters: the Maly Theater and the Alexandrinsky Theater. Other adaptations were banned for scene as a result of low quality and of impropriety of the novel and Dostoevsky in general on the stage. Dostoevsky's work seemed too realistic and pessimistic for stage and mass performances: lack of virtue and chastity in the characters and their actions gave rise to censorship assertions that Dostoevsky was absolutely not a stage author. However, intriguingly, Krylov's play differed little in quality from the previous ones: it was also a compilation of the chapters of the novel, concentrated on the love "triangle" between Nastasya Filippovna, Rogozhin and Myshkin. But the ending of Krylov's text (it is believed that it was Krylov who took the main part in its creation) was full of moralizations and was completely invented by the authors. Perhaps it was this fact that influenced the positive decision of the censors. In this article, we will consider censorial acts and try to puzzle out key to success by Krylov and Sutugin.

Keywords: censor, stage adaptation, Dostoevsky, *The Idiot*

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 1, 2021; revised: December 15, 2021; accepted: January 5, 2022.

For citation: Babushkina, P.V. (2022). Dostoevsky's novel *The Idiot* in the 19th century dramatizations: The history of censorship and theatre productions. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 9–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-9-18>

Введение

Характеризуя особенности научного процесса в отечественной и зарубежной науке о Достоевском, следует признать, что вопросы, связанные с многообразными творческими контактами одного из великих русских писателей XIX в. с театральнo-сценическим искусством, являются недостаточно разработанной сферой в изучении его творческого наследия.

Несмотря на то, что Достоевский не написал ни одной пьесы, он стал одним из самых театральных авторов именно благодаря инсценировкам романов. Сценическая история произведений Достоевского показывает, что все его большие романы и подавляющее большинство повестей привлекают внимание деятелей театра со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней.

Интерес к «Идиоту» обнаружился еще в конце XIX в., когда царская цензура инсценировки произведений Достоевского упорно «к представлению не одобряла», усматривая в них «сплошной протест против существующего общества». И тем не менее за последние тринадцать лет уходящего века было создано девять инсценировок романа.

Обсуждение вопроса

Первая попытка «переделки для театра» романа «Идиот» была предпринята неким господином Познером в 1887 году: драма в пяти действиях имела название «Настасья Филипповна». Цензурный рапорт на эту пьесу начинался следующим образом: «Вся пьеса написана весьма сценично...» Однако далее объяснялось, что в действиях главных героев, а именно — в поступках Настасьи Филипповны и Князя Мышкина «ничего нравственного найти нельзя», не говоря уже об остальных персонажах, которые «выставлены в самом неприглядном виде». Цензора И. Альбединского не устраивало, что «Настасья Филипповна, соблазненная своим богатым опекуном и живущая у него на содержании, должна приковывать к себе внимание зрителей». Заключение было следующим: «Вообще по тяжелому впечатлению, выносимому при одном чтении пьесы и по нравственному безобразию всех выставленных автором лиц, по моему мнению, эта драма на сцену допускаема быть не должна». Таким образом, первая попытка инсценировать роман Достоевского «Идиот» закончилась резолюцией: «Запретить. Е. Феоктистов. 27 августа 1887»¹.

Далее в один 1888 г. были созданы две инсценировки. Первая — Якова Янкевича, вторая — Анатолия Лемана. Обе пьесы не были одобрены все тем же цензором драматических сочинений Альбединским. Докладывая о драме в трех действиях «Идиот» Янкевича, он вспоминал прошлый неудачный опыт Познера, используя его как одну из причин непригодности нового текста. Однако в случае с Янкевичем Альбединский добавлял: «Настоящая пьеса к тому же еще и безграмотно скомпонована и написана»². В итоге все за-

¹ Рапорты цензоров о рассмотренных пьесах и либретто опер; алфавитные списки драматических сочинений; циркуляры по драматической цензуре за 1865–1917 гг. // РГИА СПб. Ф. 776. Оп. 26. Д. 6. Л. 103.

² Рапорты цензоров о рассмотренных пьесах и либретто опер; алфавитные списки драматических сочинений; циркуляры по драматической цензуре за 1865–1917 гг. // РГИА СПб. Ф. 776. Оп. 26. Д. 7. Л. 67.

кончилось новым запрещением начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова. В 1889 г. драматической цензурой рассматривалась драма в четырех действиях «Идиот» Лемана. Новый рапорт Альбединский начинает с того, что вспоминает уже две неудачные инсценировки, а далее объясняет свое решение тем, что «авторство г. Лемана ограничилось лишь выбором мест из романа и разбивкой текста на разговоры между действующими лицами». Сочинение Лемана и предыдущие переделки «Идиота» Альбединский называет «компиляцией», а их неуспех объясняет следующим: «Крайняя реальность произведений Достоевского делает их почти всецело неудобными для сцены. Одно из самых неудобных для этой цели произведений покойного романиста — это „Идиот“. Очередная резолюция Феоктистова гласила: „Запретить“»³.

Следующая инсценировка романа принадлежит А.Г. Краевой. В 1890 г., рассматривая ее драму в трех действиях и семи картинах «Идиот», Альбединский в отчете повторял формулировки о неудобстве «вообще применения к сценическим условиям произведений Достоевского» и в этом же году пьеса была запрещена Е. Феоктистовым⁴.

Далее в 1893 г. Н. Стенсон передал на рассмотрение цензурным органам драматические сцены в пяти действиях и шести картинах под заглавием «Рыцарь бедный». Интересно, что, если в предыдущих рапортах речь идет скорее о несценичности прозы Достоевского как таковой, то в данном отчете цензора И. Литвинова говорится о неприемлемости мировоззрения писателя: «Предлагаемые сцены взяты из романа Ф.М. Достоевского „Идиот“. Автор воспользовался драматическим материалом, коим изобилует названный роман, отличающийся подобно другим произведениям того же автора крайним реализмом и тенденциозностью в изображении человеческих страстей, что уже не раз признавалось уважительным поводом к запрещению. Ввиду того, что г-н Стенсон сохранил характерные черты мировоззрения Достоевского и передал их без всякого смягчения, я полагаю бы пьесу его „Рыцарь бедный“ запретить к исполнению на сцене». Е. Феоктистов поддержал запрет⁵.

Больше года длилось дело о переделке статского советника А.М. Свечина «Идиот». В декабре 1893 г. Александр Михайлович Свечин подал прошение в Главное управление по делам печати с двумя экземплярами пьесы. В январе 1894 г. к Е.М. Феоктистову с письмом обратился брат инсценировщика начальник 1-й Закаспийской стрелковой дивизии генерал-майор Андрей Михайлович Свечин. Он напоминал, что его брат представил на рассмотрение свою пьесу «Идиот» и ждет ответа: «В этой переделке не может встретиться какого-либо затруднения к ее допуску, почему решаюсь обра-

³ Рапорты цензоров о рассмотренных пьесах и либретто опер; алфавитные списки драматических сочинений; циркуляры по драматической цензуре за 1865–1917 гг. // РГИА СПб. Ф. 776. Оп. 26. Д. 8. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 9. Л. 172.

⁵ Там же. Д. 12. Л. 102.

титься к Вам как моему глубокоуважаемому наставнику в Академии генерального штаба с почтительнейшею просьбою не отказать милостивым содействием к скорейшему выпуску упомянутой пьесы»⁶. Феоктистов поручил Альбединскому пересмотреть пьесу, после чего чуть позже цензор написал рапорт о запрете этой инсценировки: Альбединский ссылаясь на предыдущие запрещенные переделки романа, из чего делал вывод, что и рассматриваемая инсценировка должна быть запрещена к представлению «по непригодности вообще сцен из сказанной повести к изображению на театральных подмостках»⁷ Е. Феоктистов пьесу запретил.

В феврале 1894 г. Александр Свечин обращается с жалобой к «Его Высокопревосходительству Министру Внутренних Дел» И.Н. Дурново. Автор просил о пересмотре дела драматической цензуры в связи с «отсутствием мотивов» запрещения его переделки. К письму Свечин прикрепил объяснительную записку, где уверял, что в его пьесе нет ничего, что могло бы оскорбить или пошатнуть «общественную нравственность», здесь он также признался в готовности внести необходимые правки⁸. Однако позиция Главного управления по делам печати оставалась неизменна — следующий документ в деле принадлежит перу неизвестного: «Пессимистический взгляд на жизнь и общество Достоевского проявляется ярче, усугубляется при приращении его творениям драматической формы и делает из них какой-то сплошной протест против существующего общества»⁹.

Несмотря на новый отказ, Свечин вновь обратился в апреле 1894 г. к И.Н. Дурново с просьбой о переоценке решения. Прошение передали Е.М. Феоктистову, который передал в свою очередь пьесу на рассмотрение члену Совета Д.М. Позняку. Вопреки тому, что цензор не усматривал «каких-либо законных оснований для воспрещения к представлению на сцене переложения «Идиота», кроме «удручающей монотонности и несообразной длинноты» пьесы, Феоктистов решил в очередной раз отказать автору¹⁰.

В мае 1894 г. Свечин, недовольный решением, в третий раз обращается к И.Н. Дурново, однако, с ответом автору уже выходит сам Феоктистов. Он пишет, что «причиной запрещения драмы „Идиот“ послужили не некоторые частности в пьесе, а вообще непригодность романа „Идиот“, как и некоторых других сочинений Достоевского, для представления на сцене»¹¹. Однако и этот ответ Свечина не успокоил и в конце мая он высылает новый вариант переделки. В письме к Феоктистову он писал: «...решительно все, что могло бы быть непригодным для сцены в романе, мною, как опытным в

⁶ Рапорты цензоров о рассмотренных пьесах и либретто опер; алфавитные списки драматических сочинений; циркуляры по драматической цензуре за 1865–1917 гг. // РГИА СПб. Ф. 776. Оп. 25. Д. 421. Л. 2.

⁷ Там же. Оп. 26. Д. 13. Л. 7.

⁸ Там же. Оп. 25. Д. 421. Л. 3–4.

⁹ Там же. Л. 5

¹⁰ Там же. Л. 9–10

¹¹ Там же. Л. 12.

цензуре, тщательно устранено... <...> ...пьеса, напротив, изобилует комическими ситуациями, исполнена забавными анекдотами и даже не названа мною драмой, так как она более подходит под рубрику „высокой комедии“»¹². Видимо, новый текст постигла та участь, что и предыдущие, потому что в январе 1895 г. Свечин обращается с жалобой уже к царю, где, называя себя «выдающимся писателем», «потрудившимся пятьдесят лет на литературном поприще», он спекулирует на имени Достоевского, обвиняя цензуру в том, что она «противится, к сожалению, воздаванию должного великому русскому таланту...», так как целью его пьесы было «почтить память» Достоевского¹³. Это прошение было перенаправлено Дурново, а им перенаправлено Феоктистову, который вновь выступил с отказом Свечину в апреле 1895 г.

В июне этого же года Свечин пытался в очередной раз обжаловать решение цензуры, но уже в начале июля последовал ответ министра внутренних дел о том, что роман «Идиот» «по его содержанию и по выведенным в нем характерам совершенно неудобен к переделке для сцены. То тяжелое, безотрадное чувство, которое он вселяет в читателе, становится еще сильнее, когда перед зрителями проходят живые лица»¹⁴. В итоге в июле 1895 г. в деле о переделке Свечина ставится окончательная точка.

В ноябре 1895 г. на рассмотрение цензуры поступила очередная инсценировка романа, драма в пяти действиях «Князь Мышкин» Л.В. Платонова. «Настоящая переделка, ничем не отличающаяся от предыдущих» была запрещена Е.М. Феоктистовым ввиду прошлых запретов¹⁵. В следующем году в Главное управления по делам печати попадает прошение В.Н. Кельш с просьбой уведомить ее, разрешена ли для постановки на сцене ее драма «Идиот». Пьеса была признана неудобной для постановки на сцене, цензор писал: «...разрешение драматической цензурой переделок для сцены романа „Идиот“ представляется ныне уже невозможным»¹⁶. Однако, несмотря на «невозможность», в 1899 г. В. Крыловым и Г. Сутугиным создается новая переделка романа с одноименным названием, и это первая и единственная инсценировка «Идиота» за XIX век, которую одобрила цензура и которая попала на сцену.

Пьеса В. Крылова и Г. Сутугина «Идиот» была опубликована С.Ф. Разсохиным в седьмом выпуске драматического сборника «Сцена» в 1899 г. В этом же году к репетициям переделки приступили сразу два крупнейших театра России: Московский Малый театр и Александринский театр. Спектакль на московской и санкт-петербургской сценах был поставлен в один театраль-

¹² Рапорты цензоров о рассмотренных пьесах и либретто опер; алфавитные списки драматических сочинений; циркуляры по драматической цензуре за 1865–1917 гг. // РГИА СПб. Ф. 776. Оп. 25. Д. 421. Л. 17.

¹³ Там же, л. 14–15.

¹⁴ Там же, л. 22.

¹⁵ Там же. Ф. 776. Оп. 26. Д. 14. Л. 150.

¹⁶ Там же. Л. 26.

ный сезон 1899/1900 гг. Но несмотря на то, что в обеих постановках были задействованы главные актеры двух театров (в Малом — Ермолова, Васильев, Падарин, Яблочкина; в Александринском — Савина, Аполлонский, Дальский, Комиссаржевская), реакция на спектакли была скорее отрицательной, чем положительной, и в основном относилась к тексту инсценировки.

Как и предыдущие авторы, Крылов и Сутугин за основу своей работы над романом взяли принцип компиляции: они урезали сцены и смонтировали диалоги и сделали это таким образом, что в итоге сжали весь сюжет «Идиота» до классического любовного «треугольника», в данном случае — между Настасьей Филипповной, Рогожиным и Князем Мышкиным, что значительно обесценивало идейное содержание произведения Ф.М. Достоевского. Все сценическое действие сводилось к пяти актам — приезд Мышкина к Епанчиным, знакомство с домом Иволгиных, именины Настасьи Филипповны, пребывание Мышкина на съемной даче и убийство Настасьи Филипповны; исчезли не только многие важные события романа, но и значительная часть героев: Аделаида и Александра Епанчины, Ипполит, мать Гани, сын Павлищева, до минимума сведена Аглая и Елизавета Прокофьевна и пр. Московский листок писал: «В центре пьесы поставлены фигуры князя Мышкина, Настасьи Филипповны и Рогожина. Остальные лица и даже Аглая, — этот истинный узел всех нагромождающихся вокруг «идиота» событий, — и она играет роль аксессуара. В пьесе сосредоточены сцены, должныствующие дать как можно более материала для исполнителей трех главных «ролей» — я умышленно ставлю тут это слово. Но и эти роли сделаны плохо и обнаруживают упрощенное крыловское понимание романа» (Московский листок, 1899, с. 3). О том, как «изуродован переделкой в драму прекрасный роман», возмущались многие газеты и журналы, на фоне негодований которых особый интерес представляет собой вопрос: почему эту инсценировку в отличие от предыдущих цензура разрешила?

Предположений несколько. Возможно, потому что к этому времени, к 1899 г., уже сменился Е.М. Феоктистов, «инициатор цензурного террора 80–90-х годов» (Воспоминания Е.М. Феоктистова, 1929, с. 28), человек, который в должности начальника Главного управления по делам печати оставался целых тринадцать лет с 1883 по 1896 г. Второй вариант кроется в самой фигуре В. Крылова, который по версии «Русского слова», «посодействовал проведению переделки в форме будто бы драматического произведения в приятельском ему петербургском отделении «литературно-театрального комитета» (Русское слово, 1899, с. 137). (Крылов с 1893 по 1896 г. возглавлял пост управляющего труппой Александринского театра.) И третий вариант заключается в финале инсценировки Крылова и Сутугина. Как мы помним, в предыдущих рапортах постоянно варьировались формулировки о «безотрадном чувстве», «пессимистическом взгляде на жизнь» и «тяжелом впечатлении», которые производили переделки романа «Идиот». К новой пьесе подобных претензий не было, ее называли чаще «мелодраматической»: «Последний акт, *мелодраматичный*, художественно слабый и плохо составлен-

ный...» (Зограф. 1966, с. 232); «...какого же было мое изумление, когда роман Достоевского окончился на сцене вымышленной Крыловым и Ко *мелодрамой*» (Теляковский, 1998, с. 144). Действительно, последний акт вызывал больше всего претензий (его называли «сапогами всмятку», «скверной стряпней» и пр.), потому что он был полностью сочинен переделывателями.

Однако, возможно, авторы пошли на этот ход умышленно, чтобы цензура одобрила пьесу. Приведем отрывок из пятого действия, которое развивается в комнате у Рогожина и заканчивается следующими словами Князя: «Не подходите, не подходите... не пушу... красота — это страшная сила. Тут Бог с Дьяволом борется, и поле битвы сердца людей. Оставьте их, они добрые... чистые сердцем, младенцы... А? господа, вы согласны быть младенцами? (*Вопросительно оглядывает всех.*) Что же вы мне не отвечаете? <...> Жалеть надо, всех надо жалеть, травку жалеть... деревцо, веточку... цветочек... все родится, цветет и умирает... жалеть надо...» (Крылов, 1899, с. 111). Здесь вспомним финал пьесы Лемана, где Мышкин плачет над мертвой Настасьей Филипповной, а Рогожин в бреду очарованно вспоминает ее живую (Леман, 1889, с. 138); финал Платонова, где Рогожин убивает Настасью Филипповну со словами: «Если ты теперь не моя, так и ему не доставайся!», после чего Мышкин садится рядом с трупом со словами: «Что ты сделал! Что ты сделал! Ведь она с ума сошла!» (Платонов, 1895, с. 104); финал Познера, где нет Князя вообще, и только Рогожин и Настасья Филипповна выясняют отношения, что приводит к ее убийству (Познер, 1887, с. 58); финал Стенсона, где Рогожин на глазах у Мышкина убивает Настасью Филипповну, Князь в этот же момент сходит с ума, ему кажется, что девушка уснула, он обнимает ее и читает стихотворение «Рыцарь бедный» в несколько искаженном варианте: «Полон чистою любовью, Верен сладостной мечте, Н.Ф.Б. своею кровью Написал он на щите» (Стенсон, 1893, с. 128); финал Свечина, где после ссоры Настасьи Филипповны и Аглаи, первая в беспамятстве падает на руки Мышкину со словами: «Я сумасшедшая, сумасшедшая! Поди прочь, Рогожин, ха, ха! Мой! Мой!», а Парфен вдруг достает револьвер и в упор стреляет в Настасью Филипповну (что ново и странно, потому что в остальных инсценировках всегда использовался нож) (Свечин, 1893, с. 244). Сравнив разные развязки, можно предположить, что «мелодраматический» финал Крылова и Сутугина, потому и был полностью сочинен авторами, где Мышкин скорее проповедует мораль, а убийство, как сценическое действие, отсутствует, чтобы попробовать избежать того «тяжелого впечатления», которое производили предыдущие инсценировки.

Заключение

Изучение цензурных источников относительно инсценировок по роману Достоевского «Идиот», а также периодической печати, имеющей критические отклики о спектаклях 1899 г. и крыловской переделке, дополняет и

расширяет наши представления о творчестве Федора Михайловича и его не только литературной, но и театральной репутации в XIX в.

Театр XIX в. отличался однородным восприятием романа Достоевского, что во многом обуславливалось особенностями инсценизации, принятыми в «дорежиссерскую» театральную эпоху. В конце XIX — начале XX в. трудности, связанные с «непереводимостью» эпического произведения на язык театра, почти не беспокоили создателей переделок «Идиота». Принцип инсценизации сводился к переработке прозы на диалогический лад и не претендовал на передачу всей сложности идейно-художественной структуры произведения. Отбор сцен из романа производился с оглядкой на установившиеся сценические стереотипы: понятный всем любовный конфликт и наличие актеров на конкретные амплуа. Однако, несмотря на неоднозначное восприятие единственной одобренной цензурой пьесы Крылова и Сутугина, история этой инсценировки, как и предыдущих переделок романа «Идиот», важна для исследований синтеза искусств русской культурной традиции XIX в. Эта тема обращает наше внимание на мало разработанную проблему драматизации прозаических произведений, а также на связанную с этим читательскую и зрительскую рецепцию.

Библиографический список

- Воспоминания Е.М. Феокистова. Ленинград: Прибой, 1929.
- Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX — начале XX века / АН СССР. Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР. М.: Наука, 1966.
- Крылов В.А. Идиот: драма в 5 д., передел. из романа Ф.М. Достоевского В. Крыловым и Г. Сутугиным. М.: С.Ф. Рассохин, 1899.
- Леман А. Идиот: драма в 4 д. по роману Ф.М. Достоевского. 1889. Деп. в ОРиРК СПбГТб: 23145, Л 440.
- Московский листок: большая еженедельная политическая внепартийная газета. 1899. № 284.
- Платонов Л.В. Князь Мышкин: драма в 5 д.: переделка ром. Ф.М. Достоевского «Идиот». 1895. Деп. в ОРиРК СПбГТб: 40675, П 375.
- Познер Г. Настасья Филипповна: драма в 5 действиях по роману «Идиот» Ф.М. Достоевского. 1887. Деп. в ОРиРК СПбГТб: 39493, П 474.
- Русское слово. 1899. № 286.
- Свечин А.М. Идиот: сцены из романа Ф. Достоевского в 5 действиях и 7 картинах. 1893. 244 с. Деп. в ОРиРК СПбГТб: 1.22.10.26, И 296.
- Стенсон Н. Рыцарь бедный : драматические сцены в 5 д. по Достоевскому. 1893. Деп. в ОРиРК СПбГТб: 45455. С. 887.
- Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1998.

References

- Krylov, V.A. (1899). *“The Idiot”*: Drama in 5 Days, Adapted from the Novel by F.M. Dostoevsky by V. Krylov and G. Sutugin. Moscow: Rassokhin’s publ. (In Russ.)
- Lehman, A. (1889). *“Idiot”*: 4-act Drama Based on the Novel by F.M. Dostoevsky. Dep. in ORiRK SPbGTb: 23145, L 440. (In Russ.)

- Memoirs of E.M. Feoktistov* (1929). Leningrad: Priboi publ. (In Russ.)
- Moskovsky Leaflet: A Large Weekly Political Non-party Newspaper* (1899) (284). (In Russ.)
- Platonov, L.V. (1895). “*Prince Myshkin*”: *Drama in 5 Acts: Adapted from F.M. Dostoevsky’s “The Idiot”*, p. 375. Dep. in ORiRK SPbGTb: 40675. (In Russ.)
- Posner, G. (1887). “*Nastasya Filippovna*”: *Drama in 5 Acts Based on the Novel “The Idiot” by F.M. Dostoevsky*. Dep. in ORiRK SPbGTb: 39493. (In Russ.)
- Russian Word* (1899). Moscow (p. 474). (In Russ.)
- Stenson, N. (1893). “*Poor Knight*”: *Dramatic Scenes in 5 Acts after Dostoevsky* (p. 887). Dep. in ORiRK SPbGTb: 45455/ (In Russ.)
- Svechin, A.M. (1893). “*The Idiot*”: *Scenes from the Novel by F. Dostoevsky in 5 Acts and 7 Scenes*. Dep. in ORiRK SPbGTb: 1.22.10.26, I 296. (In Russ.)
- Telyakovsky, V.A. (1998). *Diaries of the Director of the Imperial Theaters*. Moscow: Artist. Director. Theater publ. (In Russian).
- Zograf, N.G. (1966). *Maly Theater in the Late XIX — Early XX Century*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бабушкина Полина Владимировна, аспирант кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького. ORCID ID: 0000-0003-3523-4344; e-mail: rectorat@litinstitut.ru

Bio note:

Polina V. Babushkina, PhD student of the Department of Russian Classical Literature and Slavic Studies, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing. ORCID ID: 0000-0003-3523-4344; e-mail: rectorat@litinstitut.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-19-29

УДК 821.161.1-3:821.512.145

Научная статья / Research article

Рецепция творчества Ф.М. Достоевского в татарской литературе и литературоведении

А.Ф. Галимуллина¹, Р.Х. Шарьяфетдинов²✉

¹ Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

² Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, Малая Пироговская, 1, стр. 1

✉ rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Аннотация. В статье рассматривается обращение татарских писателей к творчеству Ф.М. Достоевского, диалог с писателем в их произведениях, а также исследуется перевод романа «Преступление и наказание» на татарский язык. Изучение диалогических связей татарских писателей с творчеством Ф.М. Достоевского современными казанскими литературоведами способствует выявлению сложной и многоаспектной истории взаимодействия татарских писателей XX века с русской классикой. Изучив научные труды В.Р. Аминовой, Л.К. Байрамовой, Д.Р. Москалевой, К.С. Миннибаева, Э.Г. Нигматуллина, Ю.Г. Нигматуллиной, М.М. Хабутдиновой, З.З. Шагиахметова, а также перевод романа «Преступление и наказание» Р. Даутова, можно сделать вывод о том, что в творчестве Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, А. Гилязова обращение к художественному и философскому наследию Ф.М. Достоевского проявилось в творческом и оригинальном осмыслении нравственно-философских идей и глубокого психологизма русского классика, стремлением через призму его идей полнее раскрыть явления современной татарской действительности.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, татарская литература, художественный перевод, сопоставительный анализ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 28 августа 2021 г.; откорректирована — 30 ноября 2021 г.; принята к публикации — 1 декабря 2021 г.

Для цитирования: Галимуллина А.Ф., Шарьяфетдинов Р.Х. Рецепция творчества Ф.М. Достоевского в татарской литературе и литературоведении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 19–29. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-19-29>

Reception of F.M. Dostoevsky's Works in Tatar Literature and Literary Criticism

Alfiya F. Galimullina¹, Ramil Kh. Sharyafetdinov²

¹ Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation

² Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119991, Russian Federation

 rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Abstract. The article examines the appeal of Tatar writers to the work of F.M. Dostoevsky, the dialogue with the writer in their works. It also analyzes the translation of the novel *Crime and Punishment* into the Tatar language. The study of dialogical relations of Tatar writers with the work of F.M. Dostoevsky by modern Kazan literary critics helps to identify the complex and multidimensional history of interaction of Tatar writers of the twentieth century with Russian classics. Having studied the scientific works of V.R. Amineva, L.K. Bayramova, D.R. Moskaleva, K.S. Minnibaev, E.G. Nigmatullina, Yu.G. Nigmatullina, M.M. Khabutdinova, Z.Z. Shagiakhmetov, as well as the translation of the novel *Crime and Punishment* by R. Dautov, it was concluded that in the works of G. Iskhaki, F. Amirkhan, G. Ibragimov, A. Gilyazov, an appeal to the artistic and philosophical heritage of F.M. Dostoevsky was manifested in the creative and original understanding of the moral and philosophical ideas and deep psychologism of the Russian classic, the desire to reveal the phenomena of modern Tatar reality more fully through the prism of his ideas.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Tatar literature, literary translation, comparative analysis

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: August 28, 2021; revised: November 30, 2021; accepted: December 1, 2021.

For citation: Galimullina, A.F., & Sharyafetdinov, R.Kh. (2022) Reception of F.M. Dostoevsky's works in Tatar literature and literary criticism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 19–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-19-29>

Введение

В установлении тесных татарско-русских литературных взаимосвязей в XX веке большую роль сыграл художественный перевод, способствовавший взаимообогащению литератур. В 1920–1950-е годы переводы с русского языка на татарский и с татарского на русский язык проводились планомерно: переводы произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького и других русских писателей на татарский язык проводились систематически и пользовались большой популярностью. В отличие от А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого произведения кото-

рых, неоднократно переводились на татарский язык (Нигматуллин, 2002, с. 176), философская проза Ф.М. Достоевского не привлекала татарских переводчиков, за исключением романа «Преступление и наказание» (1974) (Достоевский, 1974). Переводчика Раиса Даутова интересовал психологизм переводимых произведений, переживания героя, поэтому он сделал прекрасный перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Обсуждение

К.С. Миннибаев, высоко оценивая художественные достоинства татарского перевода романа Ф.М. Достоевского, выполненного известным татарским переводчиком Раисом Науширвановичем Даутовым (1928–2007), назвал его основное переводческое кредо: «...чтобы книга читалась, воспринималась как оригинальная, как можно полнее отражала художественно-эмоциональный уровень оригинала и стиль самого автора» (Миннибаев, 2004, с. 147). К.С. Миннибаев отмечал, что сложнейший философско-психологический роман Ф.М. Достоевского переведен адекватно, в нем «...учтены и закон сингармонизма, и традиция повествования классика русской литературы. Продолжая изучать творчество классика русской литературы, Р.Н. Даутов мечтает еще довести до нашего читателя не менее значимый роман того же автора — „Братья Карамазовы“» (Миннибаев, 2004, с. 147). Возможно, по каким-то причинам перевод романа «Братья Карамазовы» не был осуществлен Р. Даутовым, этот перевод нам не удалось обнаружить. В библиографическом указателе переводов произведений русской литературы на татарский язык, составленном и изданном Э.Г. Нигматуллиным, назван только роман «Преступление и наказание в переводе Р.Н. Даутова (Нигматуллин, 2002, с. 31). Заметим, что в романе сохранены русские имена героев, географические названия, деление на главы, переводчик сохранил также и все эпизоды романа. В то же время с целью сохранения аутентичности восприятия переводного текста некоторые слова, вставные элементы, такие, как, например, текст песни оставляется без перевода, а татарский перевод отнесен в сноску, что позволяет передать впечатление от песни (Достоевский, 1974, с. 13). Характеризуя психологическое состояние Раскольникова, переводчик адекватно переводит на татарский язык, находя соответствующую психологически окрашенную татарскую лексику, оставляя непереуведенным только научное название «ипохондрия» (Достоевский, 1974, с. 4).

Переводчик прибегает и к таким выразительным средствам графического акцентирования значения слов, как *курсивное выделение*. Так, в размышлениях Родиона Раскольникова курсивом выделяется словосочетание «ул эшне» («того дела»), «сынап карарга» (в значении «проба»), под которым понимается убийство процентщицы (Достоевский, 1974, с. 4–5, 7). В целом роман русского классика на татарском языке звучит органично, потому что переводчик подобрал аутентичные эквиваленты на татарском языке,

что ярко демонстрирует портретное описание (Достоевский, 1974, с. 255). Безусловно, невозможно такое объемное произведение, как роман, полностью перевести эквивалентной лексикой. Особую трудность в переводе представляют фразеологизмы и библеизмы.

Исследованию специфики перевода фразеологизмов романа Ф.М. Достоевского на татарский и французский языки посвящена статья Л.К. Байрамовой и Д.Р. Москалевой (Байрамова, 2011, с. 155–160). Рассмотрев 400 фразеологизмов, репрезентирующих 274 фразеосемантические группы, среди которых можно указать эмоциональное и физическое состояние человека, внешность, материальное положение, образ жизни, особое место в романе занимают фразеологизмы: библеизмы «нести свой крест», Ноев ковчег и др. В ходе сопоставительного анализа русского текста оригинала с переводами на татарский и французский языки исследователи пришли к аргументированному многими примерами выводу об общезыковой антропоцентрической направленности фразеологии и специфическом отражении действительности носителями русского, татарского и французского языков, при этом «вид эквивалентности перевода фразеологизмов на татарский и французский языки относительно исходных русских фразеологизмов не всегда совпадает. Русский фразеологизм может быть переведен на один язык полным эквивалентом, а на другой язык — частичным эквивалентом, или в одном переводе может фигурировать аналог, а в другом калька» (Байрамова, 2011, с. 159).

В казанском литературоведении конца XX — первых десятилетий XXI века сложилась традиция выявления типологических связей между произведениями татарских писателей XX века и творчеством Ф.М. Достоевского. Так, например, в монографии Ю.Г. Нигматуллиной «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» (1997) творчество Ф.М. Достоевского рассматривается в главе «Полилог культурных традиций в татарской литературе начала XX века» как один из вариантов *полифонического* использования «чужого текста» (Нигматуллина, 1997, с. 126).

Понятие «полифоническое мышление» после трудов М.М. Бахтина ассоциируется с творчеством Ф.М. Достоевского. Исследователи неоднократно отмечали значение принципа доминанты в психологической характеристике героя у Ф.М. Достоевского, обусловленность характера и поведения героя господствующей «идеей-страстью» (Бахтин, 1963, с. 121).

Как отмечает Ю.Г. Нигматуллина, «эта особенность психологического анализа в полифонических романах Ф.М. Достоевского проявляется и в отношении героев романа к образам и фактам другой национальной культуры. „Чужой текст“ дается писателем через восприятие героев с самым различным, „диалогически противопоставленным“ мировоззрением, поэтому оценивается по-разному и, главное, как и все идеологические споры у Ф.М. Достоевского, остается „незавершенным“» (Нигматуллина, 1997, с. 126–127). Эти свои наблюдения исследователь раскрывает на примере осмысления писателем в по-

добном полифоническом плане образа мусульманского пророка Магомеда, интерес к его личности у Ф.М. Достоевского «был вызван не столько „психологией“ болезни, сколько значимостью ее для писателя в решении философских, религиозных, нравственных проблем. Вместе с тем автор использует в своих произведениях имя Магомета и в психологической характеристике своих героев» (Нигматуллина, 1997, с. 132). Рассмотрение природы полифонизма в романах Ф.М. Достоевского позволило казанскому исследователю установить типологические схождения с произведениями татарского писателя, философа Гаяза Исхаки с точки зрения изучения иных вариантов «полифонического отношения к „чужому тексту“ в татарской литературе начала XX века» (Нигматуллина, 1997, с. 133).

Ю.Г. Нигматуллина из многогранного творчества прозаика и драматурга Г. Исхаки, рассматривая специфику проявления полифонизма, анализирует два произведения: роман «Теләнче кызы» («Нищенка»), написанный в 1907–1914 годах, и пьесу «Мөгаллимэ» («Учительница»), произведение 1913 года. Как отмечает исследователь, хотя Г. Исхаки называл среди писателей, оказавших на его творчество значительное влияние, и русских классиков — И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя (Исхакий, 1991, с. 15), но на глубинном уровне художественного творчества к этому списку имен русских писателей следует отнести также и Ф.М. Достоевского, воздействие которого на Исхаки и следы этого воздействия не лежали на поверхности текста.

На примере романа Г. Исхаки «Нищенка» (1901–1908) Ю.Г. Нигматуллина аргументирует свое наблюдение, которое проявляется в раскрытии проблемы счастья, которое не может быть достигнуто подражанием кому-то, кто в данный момент представляется герою идеалом. Подобная полемическая установка (эта идея шла вразрез с идеями татарской просветительской прозы конца XIX — начала XX века) дана в самом начале романа: девочку, родившуюся в семье деревенского бедняка, называли «Сагадат» (счастье) потому, что таким было имя дочери деревенского хозрета (Нигматуллина, 1997, с. 134–136). По мнению Ю.Г. Нигматуллиной, ассоциацию с романом Ф.М. Достоевского вызывает тема молитвы, являющаяся важным средством характеристики обездоленных, и становится символом сострадания, глубокой человечности, способности бедных и нищих прийти на помощь друг другу в трудную минуту (Нигматуллина, 1997, с. 134–139), а также понимание глубины трагедии «падшей женщины», использование Г. Исхаки слова «чистота» применительно к жизни и быту публичной женщины (Нигматуллина, 1997, с. 139–140). Таким образом, выражение «особая чистота» получает множество смысловых оттенков и у Ф.М. Достоевского, и у Г. Исхаки, становясь фокусом трагедийности судьбы.

Современные литературоведы устанавливают *диахронические взаимосвязи* русской и татарской литератур. В этой связи выявляются типологические схождения и влияние Ф.М. Достоевского на творчество писателей второй половины XX века. Так, например, М.М. Хабутдинова исследует роль

Ф.М. Достоевского в формировании известного татарского прозаика и драматурга Аяза Гилязова (1928–2002) как писателя (Хабутдинова, 2011, с. 258–265).

В статье «Роль Ф.М. Достоевского в формировании Аяза Гилязова как писателя» (2011) на основе изучения дневниковых записей и романа «Давайте, помолимся!» (1991–1993) исследователь раскрывает характер влияния Ф.М. Достоевского на становление А. Гилязова приходит к выводу: «Читая исповедь Мармеладова, юноша видел перед собой миллионы своих современников, которым также было „уже больше некуда идти“. А. Гилязов черпал силу и веру в себя в наследии русского классика. „Муки и слезы — ведь это тоже жизнь“. „В несчастье яснее истина“ — вот что он взял на вооружение у Ф.М. Достоевского. Эти ставшие крылатыми слова помогли ему не только пережить трудности послевоенных лагерей, но и сформировать жизненное кредо» (*Подстр. пер. М.М. Хабутдиновой*) (Гыйләжев, 1997, с. 76–77).

Исследователь отмечает, что уже в первых произведениях А. Гилязова обнаруживается не ученическое подражание, не эпигонство, а «сочетание самых разнообразных мотивов и художественных традиций собственно национальной и мировой культуры (Ф.М. Достоевского, Г. Ибрагимова, Х. Такташа). В качестве примера в статье дан подробный анализ новеллы «Гибель гитариста» А. Гилязова, на основе которого сформулирован вывод: «Вслед за автором „Преступления и наказания“ татарский писатель в „Гибели гитариста“ с мучительной болью пишет о царящей в мире несправедливости, размышляет о свободе существования человека. Однако, в отличие от Ф.М. Достоевского, «психологическое письмо» А. Гилязова по цензурным соображениям более зашифровано мифологическими кодами. В 1940–1950-е годы содержание этого произведения могло навлечь на его создателя обвинение в очернении советской действительности» (Хабутдинова, 2011, с. 260).

М.М. Хабутдинова убедительно показывает, что А. Гилязов верен традициям русского классика в изображении сложности и парадоксальности душевной жизни, расщепленности человеческой психики (архетипы двойничества), огромной сфере и роли бессознательного, проявляющегося чаще всего в болезненном состоянии человека, припадках, снах: «Основная часть новеллы посвящена описанию одного дня из жизни юноши, вернувшегося в деревню из города. Данил — ученик музыкальной школы. <...> Данил вернулся домой из-за болезни. Юноша напоминает нам героев Ф.М. Достоевского с мятущейся душой, находящихся во власти аффекта. Татарскому писателю удалось блестяще передать нарастание нервной раздражительности в герое» (Хабутдинова, 2011, с. 261).

Ученый показывает оригинальность и самостоятельность творчества А. Гилязова, который, обращаясь к традиции русского писателя, находит свой путь в изображении сложной и неоднозначной действительности. После возвращения из сталинских лагерей татарский писатель вновь обратился к творчеству Ф.М. Достоевского, прочитал его роман «Записки из мертвого

дома», об этом он написал в романе «Давайте помолимся!». Исследователь первой обратила внимание, что в этом романе А. Гилязов восхищается стойкостью Ф.М. Достоевского: «Взяв в руки перо, подавляя в себе чувство яростной тоски, я читал, затаив дыхание, восхищаясь талантом Ф.М. Достоевского в раскрытии души человеческой. Да, кого-то тюрьма-каторги раздавили, превратили в духовного инвалида, наделили чувством подавленности, а Ф.М. Достоевский вышел из тюрьмы пророком» (Хабутдинова, 2011, с. 264).

Безусловно, писатель, создавая оригинальные произведения на современную тематику, творчески осмыслил в них художественные приемы Ф.М. Достоевского. Об этом свидетельствуют исследования М.М. Хабутдиновой, З.З. Шагиахметова.

Так, например, З.З. Шагиахметов в статье анализирует художественное воплощение мотива *жертвенности* в произведениях Ф.М. Достоевского «Идиот», «Бесы» и А. Гилязова (1928–2002) «В пятницу вечером» (1979) и «За улицами луга зеленые» (1969). По наблюдениям исследователя, сюжетообразующие функции мотива жертвенности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» и в повести А. Гилязова «В пятницу вечером» проявляются в том, что «жертвы героев являются завязкой многих конфликтных ситуаций (например, сталкиваются жертвы мнимые и истинные), само решение героя пожертвовать своей жизнью влечет за собой изменения в судьбах многих героев, берет верх над другими желаниями и стремлениями, помогая им в достижении поставленных целей» (Шагиахметов, 2006, с. 68).

В ходе сопоставительного анализа З.З. Шагиахметов выявляет сужение пространства, связанное во многом именно с изменениями в сознании героев, определяя типологические схождения, выражающиеся в том, что мотив жертвенности выполняет сюжетообразующую функцию и определяет концептуальные мотивировки пространственно-временных отношений в произведениях Ф.М. Достоевского и А. Гилязова. Одновременно З.З. Шагиахметов указывает и на существенное различие в художественном воплощении мотива жертвенности: «Если жертва Бибинур и Мирзахит делает жизнь окружающих лучше, открывает глаза еще не погибшим людям, то жертвы Настасьи Филипповны и Кириллова сеют повсюду хаос и дисгармонию. Это можно объяснить своеобразием мировосприятия людей, представляющих разные культурные традиции, особенностями индивидуально-авторского видения мира, различием культурно-исторических эпох» (Шагиахметов, 2006, с. 71).

В ряде работ казанские исследователи выявляют *типологические схождения* в творчестве татарских писателей с произведениями Ф.М. Достоевского. Так, исследователь В.Р. Аминева проводит сопоставительный анализ романов Г. Исхаки «Телэнче кызы» («Нищенка», 1907–1914) и Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868) в аспекте специфики функционирования в них образов-символов (Аминева, 2010, с. 113–127). На примере символических образов ножа и креста в романе Ф.М. Достоевского она приходит к выводу о том, что в результате «напряженного стяжения составляющих оппозицию семантических компонентов символы Ф.М. Достоевского оказываются по-

тенциальными носителями поля смыслов, размыкающих их границы в пространство, в котором пересекаются любовь и ненависть, искреннее чувство дружбы и смертельная вражда, жалость и ревность, бунт и смирение». В.Р. Аминова на примере символики образа колодца (зиндана) в романе Г. Исхаки «Нищенка» показывает, что в «татарской литературе начала XX века символы не обладают потенциалом смысловой бесконечности» (Аминова, 2010, с. 117). «В тяжелые минуты жизни героиня романа Г. Исхаки — Сагадат чувствует себя брошенной на дно глубокого колодца» (Аминова, 2010, с. 117).

В.Р. Аминова в ходе сопоставительного анализа выявляет сходство и различие в художественно-психологическом методе познания русских и татарских писателей и приходит к следующим выводам: «Интерес к душевной драме личности, ее нравственным исканиям, диалектике внутренних конфликтов сближает русских и татарских писателей. Интерпретация психических структур, эмоций и переживаний дается в сопоставляемых произведениях в экзистенциальном ключе и «подчиняется» философско-эстетической и социально-психологической проблематике. Но если раздвоенность героев Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого является прежде всего следствием неоднородности самой их природной сущности, то двойственность персонажей татарских авторов порождена кризисным состоянием современной им действительности (Ф. Амирхан «Хаят», Г. Исхаки «Жизнь ли это?») или неразрешимыми противоречиями бытия, универсальными коллизиями жизни и смерти (Ф. Амирхан «Когда погасло пламя»), любви и измены, вины и прощения (Г. Исхаки «Нищенка»), счастья и долга (Г. Исхаки «Супруга мульты»)» (Аминова, 2010, с. 313–314).

Исследователь В.Р. Аминова отмечает самостоятельный характер творчества татарских писателей начала XX века, творческий характер усвоения ими опыта русских классиков и приходит к следующим теоретическим выводам: «В татарской литературе начала XX века формируется психологизм как стилевая доминанта, эстетическое образование, определяющее художественное своеобразие произведений и подчиняющее себе строение всей художественной формы, перекликающийся с психологизмом Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского и имеющий свои национальные истоки» (Аминова, 2010, с. 351).

Заключение

В 1970–2020-е годы в трудах казанских литературоведов наметилась тенденция рассмотрения основных этапов развития русской и татарской литератур и отдельных писателей в широком историко-литературном контексте. Вопрос о взаимосвязях национальных литератур, в том числе и русско-татарской межлитературной рецепции, рассматривается сравнительным и сопоставительным литературоведением. В изучении русско-татарских литературных взаимосвязей доминирует типологический тип иссле-

дования, предполагающий определение условий возникновения и развития однородных литературных явлений и процессов. Данный тип исследования позволил казанским литературоведам В.Р. Аминовой, Л.К. Байрамовой, Р.Ф. Бекметову, Р.К. Ганиевой, А.Ф. Галимуллиной, М.И. Ибрагимову, Д.Р. Москалевой, Э.Ф. Нагумановой, Э.Г. Нигматуллину, Ю.Г. Нигматуллиной, Я.Г. Сафиуллину, А.М. Саяповой, М.М. Хабутдиновой, А.З. Хабибуллиной провести анализ русско-татарских взаимосвязей в контексте системно-комплексного изучения литературы и искусства, в рамках интеграционных исследований гуманитарных и социальных наук, взаимодействия концептуалистики, методологии и приемов исследования, свойственных различным направлениям обществознания.

Ретроспективная модель развития (литературы), предложенная Ю.Г. Нигматуллиной (Нигматуллина, 1997, с. 192), позволяет провести типологический анализ произведений, принадлежащих разным периодам развития русской и татарской литератур, делать качественный анализ самого художественного текста и выявить его внутрикультурные (внутрилитературные) взаимосвязи по временной вертикали и определить типологическое сходство с художественными произведениями других литератур. Образец такого подхода дает Ю.Г. Нигматуллина на примере типологического анализа творчества Ф.М. Достоевского и Г. Исхаки. В монографии В.Р. Аминовой диалогические отношения между национальными литературами рассматриваются как формы межлитературного процесса, принципиально отличающиеся от контактных связей и типологических схождений. В частности, природа диалога, его всеобъемлющий характер и активные функции демонстрируются в работе в сопоставительном анализе произведений Ф.М. Достоевского и творчества татарских писателей первой половины XX века (Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Рахима, Г. Ибрагимова).

Проблема рецепции произведений Ф.М. Достоевского в творчестве писателей второй половины XX века на примере А. Гилязова убедительно демонстрируется в трудах М.М. Хабутдиновой, которая активно привлекает в своих исследованиях не только художественные произведения татарской литературы, но и газетные и журнальные статьи, архивные материалы (письма, мемуары), зачастую впервые вводя в научный круг (Хабутдинова, 2011, с. 265).

Таким образом, рассмотренные в данной статье труды современных казанских литературоведов, их теоретические выводы и наблюдения могут стать методологической основой для дальнейшего проведения сопоставительного анализа произведений русской и татарской литератур.

Библиографический список

Аминева В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX века и татарских прозаиков первой трети XX века). Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 476 с.

Аmineва В.Р. Ф.М. Достоевский и Г. Ибрагимов: типы диалогических отношений // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (1–2 апреля 2010 г.). Вып. 4. М.; Ярославль: Ремдер, 2010. С. 41–44.

Байрамова Л.К., Москалева Д.Р. Перевод фразеологии романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на татарский и французский языки // Вестник Татарского государственного гуманитарного университета [Вестник ТГГУ]. 2011. № 4 (26). С. 155–160.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Гыйләжәв А. Йәгез, бер дога! Роман-хәтирә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 448 с.

Достоевский Ф.М. Жинәят һәм җәза / Рәис Даутов тәржемәсе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 690 с.

Исхакый Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Казан, 1991. С. 15.

Каримуллин А.Г. Татарская литература в переводах на русский язык (библиографический указатель. 1917–1960). Казань: Казан. ун-т, 1962. 88 с.

Миннибаев К.С. Перевод — это искусство: золотой век. Казань: Каз. ун-т, 2004. 196 с.

Нигматуллин Э.Г. Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002. 176 с.

Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 192 с.

Хабутдинова М.М. Роль Ф.М. Достоевского в формировании Аяза Гилязова как писателя // Вестник Татарского государственного гуманитарного университета [Вестник ТГГУ]. 2011. № 4 (26). С. 258–265.

Шагуахметов З.З. Мотив жертвенности в произведениях Ф.М. Достоевского и А. Гилязова // Диалог культур: русско-татарские взаимосвязи. Ч. III. Вып. 2. М., Ярославль: Ремдер, 2006. С. 68–72.

References

Amineva, V.R. (2010). F.M. Dostoevsky and H. Ibragimov: Types of Dialogical Relations. *Problems of Philology of the Peoples of the Volga Region. Materials of All-Russian Scientific-practical Conference. April 1–2, 2010.* (Vol. 4, pp. 41–44). Moscow, Yaroslavl: Remder publ. (In Russ.)

Amineva, V.R. (2010). *Types of Dialogical Relations between National Literatures (Based on the Works of Russian Writers of the Second Half of the XIX Century and Tatar Prose Writers of the First Third of the XX Century)*. Kazan: Kazan. GOS. UN-t publ. (In Russ.)

Bayramova, L.K., & Moskaeva D.R. (2011). Translation of the Phraseology of F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" into Tatar and French. *Bulletin of the Tatar State University for the Humanities [Bulletin of the TSU]*, 4(26), 155–160. (In Russ.)

Bakhtin, M.M. (1963). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow. (In Russ.)

Gyileyev, A. (1997). *Yagez, Ber Doga! Roman-khatir*. Kazan: Tatar. kit. nashr. publ.

Dostoevsky, F.M. (1974). *Uninayat hamzaaza*. Trans. by Rais Dautov. Kazan: Tatar. kit. nashr. publ.

Iskhakiy, G. (1991). *Zindan. Sailanma prose ham sahn asarlare*. Kazan.

Karimullin, A.G. (1962). *Tatar Literature in Translations into Russian (Bibliographic Index. 1917–1960)*. Kazan: Kazan. un-t publ. (In Russ.).

Khabutdinova, M.M. (2011). The Role of F.M. Dostoevsky in the Formation of Ayaz Gilyazov as a Writer. *Bulletin of the Tatar State University for the Humanities [Bulletin of the TSU]*, 4(26), 258–265. (In Russ.)

Minnibayev, K.S. (2004). *Translation is an Art: The Golden Age*. Kazan: Kaz. un-t publ. (In Russ.)

Nigmatullin, E.G. (2002). *Dialogue of Literatures: Index of Translations of Works of Russian Literature into the Tatar Language*. Kazan: “Unipress” publ. (In Russ.)

Nigmatullina, Yu.G. (1997). *Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literature*. Kazan: Fan publ. (In Russ.)

Shagiakhmetov, Z.Z. (2006). The Motive of Sacrifice in the Works of F.M. Dostoevsky and A. Gilyazov. *Dialogue of Cultures: Russian-Tatar Interrelations. Part III. Issue 2*. Moscow, Yaroslavl: Remder publ., 68–72. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета. ORCID ID: 0000-0002-2311-3820; e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

Bio notes:

Alfiya F. Galimullina, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga region) Federal University. e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

Ramil Kh. Sharyafetdinov, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Literature XX–XXI Century at the Moscow State Pedagogical University. ORCID ID: 0000-0002-2311-3820; e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-30-38

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Интерпретация стихотворения А.А. Ахматовой «Муза»

А.А. Аксёнова

Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6

✉ AA9515890227@yandex.ru

Аннотация. Раскрытие смысла загадочного диалога между поэтом и Музой в финале произведения мы начнем исходя из последовательного прочтения. Необходимо сразу отметить, что в человеческом и природном мире разделение тьмы и света, сна и бодрствования, праздной жизни и служения отражается в ценностном предпочтении поэтом своей Музы земным почестям, юности и свободе. Это в финале произведения сближает между собой двух поэтов из разных временных сфер: поэт, живущий сейчас, как и поэт эпохи Возрождения, продолжает служить Музе. Муза в этом произведении имеет человекоподобный облик, тело, голос и взгляд. Визуальная подробность образа Музы важна и для лирического героя, и для читателя, поскольку переводит нечто значимое и возвышенное в интимный, личный мир героя. На персональный план коммуникации указывает ценностная и стилистическая оппозиция: «почести» и «милая». Атрибут такой Музы — дудочка (авлос или сиринга в руках богини Эвтерпы) соответствует скорее Пану, чем Аполлону-Кифареду. Поэтому природное состояние мира здесь не враждебно, а, напротив, — репрезентативно в отношении человеческой жизни. В ходе исследования выясняется, что отсылка именно к «Божественной комедии» подтверждается не только очевидным упоминанием Данте в финале, но еще и в самой первой строфе.

Ключевые слова: Муза, А. Ахматова, Данте, Аполлон, Дионис, визуальное в литературе

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 16 июля 2021 г.; откорректирована — 25 августа 2021 г.; принята к публикации — 23 сентября 2021 г.

Для цитирования: Аксёнова А.А. Интерпретация стихотворения А.А. Ахматовой «Муза» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 30–38. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-30-38>

Interpretation of the poem by A.A. Akhmatova *Muse*

Anastasia A. Aksenova

*Kemerovo State University,
6 Krasnaya St, Kemerovo, 650000, Russian Federation*

✉ AA9515890227@yandex.ru

Abstract. The meaning of the mysterious dialogue between the poet and the Muse in the final part of the poem is revealed in the process of consistent reading. It should be noted that in the human and natural world, the separation of darkness and light, sleep and wakefulness, idle life and devotion, is reflected in the poet's preference for his Muse to earthly honors, youth and independence. This brings together two poets from different historical epochs in the finale of the poem: the poet who lives now, like the Renaissance poet, continues to serve the Muse. The Muse in this poem has a human-like appearance, body, voice and look. This visual detail of the image of the Muse is important for the poetic persona and the reader because it transforms something important and sublime into an intimate, personal dimension. The personal communication plane is marked by the stylistic opposition of “laurels” and “dear”. Her attribute (αὐλός) corresponds more to Pan than to Apollo-citharoedus. Therefore, the natural state of the world here is not hostile, but representative of human life. In the course of the study, it turns out that the reference to the *Divine Comedy* is supported not only by the obvious mention of Dante in the finale, but also in the very first stanza.

Keywords: Muse, A. Akhmatova, Dante, Apollo, Dionysus, lyrics, visual in literature

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: July 16, 2021; revised: August 25, 2021; accepted: September 23, 2021.

For citation: Aksenova, A.A. (2022). Interpretation of the poem by A.A. Akhmatova *Muse*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 30–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-30-38>

Введение

Муза

*Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!»*

(Ахматова, 1998, с. 403)

С первой строки читатель обнаруживает актуализацию ценностно-смысловой границы, которая пролегает как в человеческом измерении меж-

ду заботами суетного дня и творчеством, так и в природном как смена дня и ночи. Ночное время суток соответствует спокойному, сосредоточенному, уединенному положению человека, который бодрствует, когда остальные спят. Лирическая героиня произведения — поэт в ожидании ночного прихода Музы. Это изображение, данное читателю в самом начале, влечет за собой весь последующий ряд положений изображенной реальности.

Первая странность состоит в том, что сама жизнь предстает здесь в особом ракурсе: «на волоске», то есть в шаге от смерти. Этот ракурс возникает не буквальным образом, как если бы изображался кто-то над пропастью. Переживание героини происходит на духовном уровне (не случайно здесь стоит слово «кажется», которое разграничивает внешнюю реальность и внутреннюю). Перед нами особое состояние человека, когда меняется само его ощущение жизни. Так открывается сосредоточенность всей жизни смертного существа в одной точке, стяжение в одном напряженном моменте времени и пространства.

Это напряжение возникает благодаря близости к границе разных ценностных полюсов жизни. Жизнь здесь, помимо того что она просто живет, еще и вступает в отношения со сверхжизненными субстанциями: Муза, Творчество. В такой момент происходит встреча героини лицом к лицу со смыслом. Ожидание этой встречи указывает на ожидание появления поэтического слова (то есть ответственного), поэтому и вся жизнь поэта «висит на волоске» в этот момент.

Обсуждение вопроса

Воплощение Музы в персонифицированный образ богини женского рода, которая может приходить, откидывать покрывало, держать в руке дудочку (то есть обладает телесностью), позволяет *показать* это предстояние смыслу как *личную* встречу. Ван Мэнцзяо отмечает, что «Образ Музы в соответствии с традициями акмеизма и ранней лирики Ахматовой опредмечен, овеществлен, воссоздан с помощью бытовых слов, а не торжественных поэтизмов» (Ван Мэнцзяо, 2020, с. 289). В первой строке «Когда я ночью жду ее прихода...», в частности, глаголы несовершенного вида указывают на определенные (привычные для героев произведения) отношения между поэтом и Музой, здесь нет фальшивого поэтического экстаза. Встреча поэта и Музы серьезна, предопределена, и роли каждого из них заранее известны. Как пишет М.Н. Мирза: «У Музы есть определенная цель по отношению к человеку — это превращение его в Поэта» (Мирза, 2019, с. 60). Лирическая героиня в этом произведении спокойно смотрит в лицо Музе, спокойно ведет диалог с богиней.

Все прочее, что лежит за пределами этой встречи, вся остальная жизнь здесь выносятся за скобки: важен лишь момент прихода Музы, поэтому жизнь замирает в такой момент «на волоске». К тому, что уходит на второй план, относятся и земные почести, юность, свобода.

Почести зависят от переменчивого мнения людей, а здесь не ради них поэт служит Музе и передает те смыслы, которые воплощаются через него. Почести указывают на некое прижизненное признание поэта каким-то кругом людей — это условия земной жизни в целом, которые включают его материальное положение, возможности обращения к современникам. Отказ от почестей — это адресованность к потомкам, служение Музе и воплощение своего предназначения, невзирая на условия и препятствия.

Юность обусловлена самой природой человека, течением жизни смертного существа. Ее ценность лежит в несколько иной сфере, чем почести и свобода, поскольку это краткий отрезок жизни, данный человеку от природы (не то, что регламентируется людьми). Отказ от юности — жест предпочтения в сторону вечных истин, готовность посвятить свою жизнь служению Музе. Этот отказ, конечно, не означает, что у поэта буквально отсутствует юность как период жизни, а означает, что это время поэт проводит иначе, руководствуясь другой установкой. В.И. Тюпа справедливо отметил, что: «Муза не только посещает лирическую героиню в качестве монологического вдохновения, но и отвечает ей, открывается в диалоге. Это сопряжение индивидуального „я“ с „Я“ надындивидуальным (трансцендентным) восходит к героическому архетипу подвига» (Тюпа, 2001, с. 135). Следует отметить, что реализация такого пути происходит в уединении (ночью), но не в одиночестве: лирическая героиня здесь не единственный поэт, который пишет под диктовку Музы. Сквозь время ее сподвижником оказывается и другой поэт — Дант.

Свобода, как и почести, зависит от других людей и обстоятельств внешнего мира. Здесь может пониматься двояко: как свобода полномочий человека в сообществе, государстве (внешняя свобода вести тот или иной образ жизни) и как внутренняя свобода человека мыслить, творить, любить. Отказ от свободы отчасти соответствует отказу от почестей и от юности, но репрезентирует еще один смысловой оттенок: отказ от свободы проявлений собственной личности — это осознанная готовность выступать медиатором, посредником, через которого Муза может транслировать смыслы, воплощать их. Перед нами указание на определенную позицию поэта: не поэт-своеволец, а поэт-посредник. Е.В. Меркель отмечает, что «Муза Ахматовой — своевольна, жестка и жестока; она — императивна, повелительна, но, вместе с тем, абсолютно непредсказуема в своем появлении» (Меркель, 2016, с. 165). Отказ лирической героини от свободы (как своеволия) здесь принципиально важен.

Почести, юность и свобода предстают как земные преходящие, временные ценности. Однако важно обратить внимание, что каждая из перечисленных ценностей не случайна и отвечает за определенную сферу земной жизни. Без понимания этих сфер и сам отказ от них останется недостаточно проясненным. На другом полюсе находятся образы вечного: гостя с дудочкой в руке.

Изображенная Муза с дудочкой отчасти ассоциируется с образами вечной юности, свободы, легкости, игры, природы. Отметим, что именно от Муз происходит само слово «музыка», первоначально обозначавшее не только

музыку, но и любое искусство, связанное с деятельностью Муз. Обращение «милая» указывает читателю на характер ожидания: это ценностный жест предпочтения (предпочтение свободе, юности, почестям). Вместе с тем предвкушение этой желанной встречи не лишено ощущения опасности.

Событие встречи наступает не мгновенно, а поэтапно: Муза вошла, откинула покрывало, и только потом — взглянула. В этом месте текст произведения делится на две части (первая часть — ожидание, а вторая часть — встреча и разговор). Приведем наблюдение В.И. Тюпы: «В эпизоде ожидания Муза выступала сверхценным (ценнее почестей, юности и свободы), но — объектом (чаемая фигура милой гостьи с дудочкой). В эпизоде же явления Музы лирическая героиня сама оказывается объектом внимания (внимательно взглянула на меня), тогда как гостья завладевает ситуацией, становясь ее хозяйкой — подлинным субъектом данного коммуникативного события: она явилась диктовать» (Тюпа, 2001, с. 130). Вхождение Музы является высшей точкой того напряжения, которое намечалось в четырех первых строках, когда жизнь висела на волоске. В этом месте читатель уже понимает, что здесь проходит смысловая граница: совершается жутковатая встреча с чем-то потусторонним. Не человек, а божественная гостья оказывается хозяйкой положения. Ее внимательный взгляд — это и есть сама встреча. Внимание богини, обращенное к человеку, указывает здесь на особую серьезность, когда вся жизнь смертного «висит на волоске».

Инструмент в руке Музы в произведении упоминается под общим названием, которое указывает на его принадлежность к семейству продольных флейт. Отсюда можно предположить, что посетившая поэта богиня — это Эвтерпа (покровительница музыки и поэзии). Именно она изображалась с авлосом или сирингой в руках. Такие инструменты наделялись магическим значением, использовались в обрядах, связанных с бурями, сбором урожая, смертью. С происхождением каждого из этих инструментов связано понятие ответственности и расплаты, когда «жизнь, кажется, висит на волоске». Здесь следует вспомнить, что «фригийский силен, или сатир, Марсий, сын Эагра, поднял однажды ту флейту, которую бросила Афина Паллада, пробовавшая на ней играть, но испугавшаяся своих раздутых щек при игре. Над ней смеялись и боги; и сама она убедилась в своем безобразии, когда стала играть на флейте, глядясь в зеркальную поверхность воды. Марсий стал учиться играть на флейте и быстро достиг успехов. Это побудило его вступить в состязание с Аполлоном, который был известен как выдающийся игрок на кифаре. Когда судьи этого спора высказались за Аполлона, то последний содрал с Марсия кожу» (Лосев, 1957, с. 357). Так, смертный человек, поднявший авлос вслед за богиней, платит жизнью.

Необходимо подчеркнуть, что Муза в произведении Ахматовой, входящая с дудочкой в руках, не озабочена вопросом своей красоты или безобразия, как Афина. Это «наивное» наблюдение ведет к констатациям нескольких оппозиций: богини Афины и ахматовской Музы (богини Эвтерпы), Кифары Аполлона (олимпийской музыки) и авлоса Марсия, который стал демоном производительных сил природы (то есть из свиты Диониса). Здесь стоит

иметь в виду, что «античная флейта меньше всего была похожа на тот деревянный инструмент, который у нас называется флейтой. Она издавала резкие, металлические звуки наподобие наших медных инструментов, почему греческое слово αὐλός нужно было бы переводить не «флейта», но скорее «кларнет». Разительная противоположность резкого и порывистого звучания такой флейты спокойно журчащему и умиротворяющему звуку кифары является одним из самых интересных в античности эстетических феноменов» (Лосев, 1957, с. 358). Дудочка в руке перекликается и с тем, что Муза, представшая в произведении Ахматовой, имеет именно телесное воплощение, похожа на земную женщину, а инструмент в ее руке больше соответствует Пану, чем Аполлону.

В случае с сирингой Эвтерпы происхождение и название инструмента связано с именем нимфы Сиринги, которая, спасаясь от преследования Пана, превратилась в болотный тростник. Следует отметить, что само произведение входит в книгу стихов «Тростник». Образ явившейся Музы с дудочкой в руке не случайно внушает лирической героине чувство ответственности за слово.

Серьезность и острота момента подчеркивается образом покрывала, которое разделяет собой общий облик Музы и ее направленный взгляд. Покрывало возникает здесь не случайно, ведь кроме самого прихода Музы нужна еще и состоявшаяся встреча. Сама встреча происходит здесь не тогда, когда вошла Муза, а в тот момент, когда взгляды их встретились.

Покров тайны в виде этого покрывала разделяет границы зримого и незримого присутствия. Перекликается с той функцией, которую выполняет граница дня и ночи, молчания и слова, неизвестности и смысла в начале произведения. Этот покров подчеркивает разницу общего облика входящей фигуры и ее лица, что делает событие встречи не мгновенным, а поэтапным. Внимательный взгляд, встреча взглядов — это сигнал к разговору, первый шаг к предстоящему диалогу. Муза обладает не только человекоподобным обликом, телом, но еще взглядом и голосом. Образ покрывала напрямую взаимодействует с событием взгляда: покрывало — символ преграды и обезличенного, расхожего образа Музы. Поэтому откинутое покрывало — это указание на важность момента персональной и сокровенной встречи.

В статье «Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой» Л. Г. Кихней указывает на то, что «выявленный «дантовский слой» как подоплека образа ахматовской Музы проясняет политические и — одновременно — «пророческие» подтексты сборника «Тростник». Ведь Муза-Беатриче просит Данте описать все, что он вскоре увидит, а увидит он прошлое, настоящее и будущее» (Кихней, 2014, с. 171). Творчество Данте и творчество лирической героини оказываются таким образом связаны между собой самим источником — этой Музой:

*Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!»*

(Ахматова, 1998, с. 403)

Ответ Музы является одновременно оправданием жизни и творчества, обретением смысла этого труда. Поэтому здесь так важно подтверждение Музы: «Я!». В этом ключе В. П. Казарин и М. А. Новикова выделяют характеристику следующего рода: «Муза должна подтвердить то, чего не может подтвердить ни один смертный: избранничество, сверхчеловеческие полномочия (но и обязанности) этих поэтов» (Казарин, Новикова, 2014, с. 16). Ответ богини в данном произведении не столько подтверждает избранничество, сколько указывает на ответственность и сближение этих служителей Музы: поэтессы и Данте.

Отсылка именно к «Божественной комедии» подтверждается не только на очевидном в финале уровне упоминания Данте, но уже и в самой первой строфе. Отмежевание лирической героини от суеты земных дел и ее ночное ожидание явно перекликается с текстом бессмертной комедии:

«О Беатриче, помоги усилью
Того, который из любви к тебе
Возвысился над повседневной былью» (курсив наш. — А.А.).

(Данте Алигьери, 1967, с. 16)

По выражению Р.И. Хлодовского, «Данте не просто вошел в поэтический мир Ахматовой — но стал как бы соавтором ее трагической темы» (Хлодовский, 1992, с. 85). Еще раз эта перекличка произведения Ахматовой и Данте Алигьери подтверждается и в другом фрагменте второй части «Ада»:

*День уходил, и неба воздух темный
Земные твари уводил ко сну
От их трудов; лишь я один, бездомный,
Приготовлялся выдержать войну
И с тягостным путем, и с состраданьем,
Которую неложно вспомяну.
О Музы, к вам я обращаюсь с воззваньем!
О благородный разум, гений свой
Запечатлей моим повествованьем!*

(Данте Алигьери, 1967, с. 14)

Обращение к Музам можно констатировать в обоих текстах: близится наступление ночи, а день уходит. Не только одиночество лирической героини произведения Ахматовой и лирического героя произведения Данте подтверждает их сходство, но и схожая напряженность самого ожидания: «Приготовлялся выдержать войну» и «Жизнь, кажется, висит на волоске». В том и в другом случае — за этим ожиданием следует встреча поэтов с духом или божеством, затем исполнение своего поэтического долга: запись всего увиденного / услышанного, то есть воплощение для всего мира той истины, которая приоткрылась им.

Муза, которая появилась здесь не с кифарой в руке, а с авлосом (дудочкой) внушает поэту и соответствующий такому образу характер мыслей: не схоластические сладкозвучные восторги, не идиллические картинки призывает воспеть Муза с авлосом, а земную, человеческую, природную и телесную реальность. Это гораздо ближе к изображению «Ада», в котором герой «Божественной комедии» встречает исторических персонажей, когда-то известных своими реальными деяниями и злодеяниями на Земле.

Заключение

Исходя из рассмотренных выше сопоставлений и приведенных здесь наблюдений, мы можем констатировать, что смысл финала в этом произведении начинает проступать еще в самом начале текста, будучи последовательно уточненным в ходе прочтения.

Смысловая граница, пролегающая в человеческом и природном мире как разделение сна и бодрствования, праздной жизни и высокого служения, дня и ночи, отражается в ценностном предпочтении, которое совершает поэт. Для лирической героини произведения Ахматовой и героя произведения Данте реализация своего поэтического дара и предназначения стоит выше всех земных почестей, юности и свободы. Это указывает на внутреннюю готовность поэта пережить при жизни хулу, изгнание, посвятить юность труду, а всю свою работу — потомкам. В финале произведения это сближает между собой двух поэтов из разных временных зон: поэт живущий сейчас, как и поэт эпохи Возрождения, продолжает служить Музе.

Муза в этом произведении не случайно обладает подробной телесностью, а ее атрибутом является авлос (дудочка), который соответствует скорее Пану, чем Аполлону-Кифареду. Такая деталь определяет характер Музы и подтверждает, что природное состояние мира здесь не враждебно, а скорее репрезентативно по отношению к земной человеческой жизни.

Библиографический список

Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941 / сост., подгот. текста, коммент: и статья Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998.

Ван Мэнцзяо Образ музы в стихотворениях «Муза» А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой и М.С. Петровых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 287–294.

Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; Изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967.

Казарин В.П., Новикова М. А. Ахматова. Данте. Крым (к постановке проблемы) // Вопросы русской литературы. 2014. № 29(86). С. 5–22.

Кихней Л.Г. Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой // Русская литература: историко-литературный журнал. 2014. № 2. С. 156–176.

Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР (Учпедгиз), 1957.

Меркель Е.В. Антропоморфные образы творчества в поэзии Анны Ахматовой // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 162–168.

Мирза М.Н. «Тайны ремесла» А.А. Ахматовой: творчество — природа — муза // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 2. № 11. С. 57–61.

Тюпа В.И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. М.: Лабиринт, РГГУ, 2001.

Хлодовский Р.И. Анна Ахматова и Данте // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Наследие, 1992. С. 75–92.

References

Ahmatova, A.A. (1998). *Collected Works. Poems. 1904–1941*. (Vol. 1). Moscow: Jellis Lak. publ. (In Russ.)

Dante Aligh'eri. (1967). *The Divine Comedy*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)

Hlodovskij, R.I. (1992). Anna Akhmatova and Dante. *Secrets of Craft. Akhmatova Readings* (Vol. 2, pp. 75–92). (In Russ.)

Kazarin, V.P., Novikova, M.A. (2014). Akhmatova. Dante. Crimea. (To the Formulation of the Problem). *Questions of Russian Literature*, 29(86), 5–22. (In Russ.)

Kihnej, L.G. (2014). The Functions of Shakespeare's and Dante's Motifs in the Poetry of Anna Akhmatova. *Russian Literature: Historical and Literary Journal*, (2), 156–176. (In Russ.)

Losev, A.F. (1957). *Ancient Mythology in its Historical Development*. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR (Uchpedgiz) publ. (In Russ.)

Merkel', E.V. (2016). Anthropomorphic Images of Creativity in the Poetry of Anna Akhmatova. *Pushkin Readings-2016. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text: Materials of the XXI International Scientific Conference* (pp. 162–168). Saint-Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina publ. (In Russian).

Mirza, M.N. (2019). "Secrets of craft" by A.A. Akhmatova: Creativity-nature-muse. *Bulletin of the Student Scientific Society of the State Educational Institution of Higher Education "Donetsk National University"*, 2(11), 57–61. (In Russian).

Tjupa, V.I. (2001). *Art Analytics: An Introduction to Literary Analysis*. Moscow: Labirint publ. (In Russ.)

Wang, M. (2020). The Image of Muse in the Poems "Muse" of A.S. Pushkin, A.A. Akhmatova and M.S. Petrovykh. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 287–294. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Аксёнова Анастасия Александровна, преподаватель кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета. ORCID ID: 0000-0001-5048-6019; e-mail: AA9515890227@yandex.ru

Bio note:

Anastasia A. Aksenova, Lecturer of the Department of Russian language and literature of the Kemerovo State University. ORCID ID: 0000-0001-5048-6019; e-mail: AA9515890227@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-39-54

УДК 821.161.1-1

Научная статья / Research article

«Техногенная» образность поэзии Александра Ерёмченко в контексте эволюции его романтического мировоззрения

К.Н. Анкудинов

*Адыгейский государственный университет,
Российская Федерация, Республика Адыгея, 385000, Майкоп, ул. Первомайская, 208*

✉ ankudinovkirill@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается недостаточно изученная специфика «техногенной» образности в поэзии Александра Ерёмченко. В стихотворениях 1984–1986 годов поэт часто сопоставлял образы техники и науки с природными объектами. Исследователи давали этим образам различные этические оценки. В признании неправомерности этих подходов кроется актуальность поставленной проблемы. Позднее, в 1987–1989 годах, стихи поэта будут транслировать политическую повестку. Цель статьи — определить причинно-следственную связь двух периодов творчества А. Ерёмченко. Задача статьи — выявить идейную направленность этих периодов. Автор статьи выдвигает тезис: два периода в творчестве А. Ерёмченко соответствуют двум стадиям разворачивания его романтического мировоззрения. Поэт сначала абсолютизировал механистичность внешнего мира («Не-Я»), а потом локализовал из него политический «образ врага». В постсоветский период (после 1991 г.) поэт отказался и от политической, и от поэтической деятельности. Причина этого — исчерпание авторского романтического конфликта и «образа врага». Литературоведческая наука недостаточно изучает вопросы романтического мировоззрения в современной литературе, его политическую и образную специфику, их взаимосвязь.

Ключевые слова: Александр Ерёмченко, образ, техника, природа, культура, романтизм, Я, Не-Я, романтический конфликт, политическая поэзия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 15 сентября 2021 г., откорректирована — 17 ноября 2021 г.; принята к публикации — 25 декабря 2021 г.

Для цитирования: *Анкудинов К.Н. «Техногенная» образность поэзии Александра Ерёмченко в контексте эволюции его романтического мировоззрения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 39–54. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-39-54>*

“Technogeneous” Imagery of Alexander Eryomenko’s Poetry in the Context of Evolution of his Romantic World Outlook

Kirill N. Ankudinov

*Adyghe State University,
208 Pervomayskaia St, Maykop, 385000, Russian Federation*

✉ ankudinovkirill@rambler.ru

Abstract. The article deals with “technogeneous” imagery in the poetry of Alexander Eryomenko. In his texts of the 1984–1986 period technical and scientific images are often compared with natural objects. This topic has been understudied. Various statements have been made by philologists about the ethical dimension of this imagery. The main aim of this article is to disprove these statements. Poetic texts of the later period (1987–1989) are devoted to politics. The purpose of this article is to identify the link between the two periods of his work. The task is to reveal the ideological orientations of these periods. Poet actively opposed his art to Soviet ideology and Russian nationalists. The author of the article suggests the following thesis: the two periods correspond to two stages which show how his romantic world outlook unfolded. Alexander Eryomenko first absolutized the mechanistical nature of the outside world (“Non-I”), and later singled out the “image of the enemy” in it. In the post-Soviet period (after 1991) the poet gave up both political and poetic activities. The reason for it is the exhaustion of the romantic conflict and the “image of the enemy”. Philology has studied the issue of the romantic world outlook in contemporary literature insufficiently. The methodology of this article reveals its potential results.

Keywords: Alexander Eryomenko, image, nature, culture, romanticism, “I”, “Non-I”, romantic conflict, political poetry

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: September 15, 2021; revised: November 17, 2021; accepted: December 25, 2021.

For citation: Ankudinov, K.N. (2022) “Technogeneous” imagery of Alexander Eryomenko’s poetry in the context of evolution of his romantic world outlook. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 39–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-39-54>

Введение

Ушел из жизни Александр Ерёменко, незабвенный «Ерёма», «морячок», «король поэтов». Он оставил важную веху в истории русской поэзии 1980-х годов прошлого века, с чем согласны почти все исследователи данного периода. Пришла пора разобраться, в чем именно выражается значение наследия Александра Ерёменко, какие смыслы были привнесены им в литературную и социокультурную ситуацию.

В поэзии Александра Ерёменко 1984–1986 гг. встречается огромное количество образов из сфер техники и механики, физики, химии, геометрии (а также тригонометрии и стереометрии), биологии, кибернетики, лингвистики. Поэт упорно сопоставлял с научными и техническими явлениями природу: неодушевленные стихии (*«разрушается воздух», «в болоте стиснута вода, // как трансформатор силовой»*), флору (*«в густых металлургических лесах, // где шел процесс создания хлорофилла...»*, *«корабельные сосны привинчены снизу болтами»*, *«взлетала черемуха над огородом, // большая и белая, как водород»*), фауну (*«последний филин сломан и распилен»*, *«рабочая лошадь прошла, // и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила, / лошадиная сила вращалась, как бензопила»*) (Ерёменко, 1991). В эту же «техногенную» парадигму он помещал и то, что относится к человеческому миру индивидуальному (*«человек похож на термонару»*, *«и в белой душе расцветает диод»*) (Ерёменко, 1991) и общественному (*«мучительно гений плывет над народом»*) (Ерёменко, 1991). Все это воспринималось советским читателем скандально (хотя по нынешним временам такая реакция может вызвать недоумение — что ужасного в сравнении черемухи с водородом? Тем более что подобная методика была не нова, она многократно практиковалась в отечественном и зарубежном модерне первой половины XX века, к примеру, в экспрессионизме или в текстах «Пролеткульта»).

В период «собственно перестройки» (1987–1991 гг.) в советской литературе велась яростная идеологическая война между «патриотами» и «демократами». Поэт самозабвенно включился в войну на стороне «демократов». Александр Ерёменко писал политические стихи в самом прямом смысле. Он декларировал в этих стихах собственную программу, полностью совпадающую с программой «демократов» (но поданную в более эмоциональной, радикальной, активной форме по сравнению с «демократическим» мейнстримом). Ее пункты таковы: осуждение проявлений сталинизма и отвержение советской семантики вообще, прославление диссидентства и самиздата, демонизация государственных спецслужб, обличение советско-партийного истеблишмента вкупе с возвеличиванием Ельцина, неприятие официальных кампаний (например, горбачёвской «борьбы за трезвость»), крайне отрицательное отношение к «патриотическому стану» и к тогдашним русским националистам (к обществу «Память», связывавшемуся у поэта с инспирациями спецслужб), критика имперской экспансии — как за пределами

СССР, так и внутри СССР — доходящая до оправдания сепаратизма национальных меньшинств.

Перед исследователем поэзии А. Ерёменко встает вопрос: связаны ли как-то две стадии творчества поэта — «пантехницистская» и «политическая» — или нет? Постановка этого вопроса может показаться некорректной: характер образности у автора и идеологические взгляды данного автора — не пересекающиеся плоскости. Но все же иногда встречаются исключения. Для того чтобы понять, почему Владимир Маяковский принял Октябрьскую революцию, необязательно изучать образы его ранней поэзии; достаточно знать, что Маяковский задолго до 1917 года вступал в партию большевиков. Приятие Октября Валерием Брюсовым или Сергеем Городецким также не требует исследования образной системы в их стихах: оно вызвано внелитературными факторами. Но для того, чтобы объяснить политический выбор Александра Блока, придется обратиться к специфике образов его поэтического творчества. Выбор Блока связан со структурой его личности (во многом, с ее бессознательными элементами); и образы лирики Блока, начиная со «Стихов о Прекрасной Даме», свидетельствуют о структуре личности поэта, и в частности о ее бессознательных элементах. Когда поэт пишет от лица своего «я», возникает единство между его идеологическими взглядами и выбираемой им образной парадигмой (не всегда рационально мотивированной). Чтобы понять идеологию поэта, иногда необходимо взглянуть в смысл его образности (хотя такая связь возникает далеко не всегда, не во всех случаях). Связь между идеологией и образностью поэтической личности представляет сложную научную проблему, но ее надо решать (несмотря на недостаточную методологическую разработанность вопроса).

Получив ответ на вопрос о существовании (или несуществовании) связи между «политическим» и «пантехницистским» периодами в поэзии Александра Ерёменко, необходимо задаться еще одним вопросом: какое содержание несет в себе этот странный «пантехницизм»? Для чего он понадобился поэту? Что он привнес в пространство культуры (и социокультуры)? Ведь любой образ — это знак, предполагающий в себе и означающее, и означаемое. По мнению Ю.М. Лотмана, знаки не только порождены реальностью, но и сами обладают способностью моделировать реальность и поэтому не могут быть полностью лишены означаемого: «Язык создает свой мир. Возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, миру, существующему вне связи с языком, лежащему за его пределами» (Лотман, 2019, с. 8).

«Техногенная» образность в поэзии Александра Ерёменко. Ее интерпретации и характер

Исследователи-литературоведы объясняли специфическую образность поэзии Александра Ерёменко различно. Они именовали ее то «метаболической» (Масалов, 2019), то «метареалистической» (Токарев, 2016). А. Токарев считал,

что «*техническая начинка*» поэзии Ерёменко, «*как ни странно, выполняет скорее продуктивную роль, оказывается там, где прорезживается, разрушаясь, натуральная действительность*», а «*миры природы и техники взаимодействуют гармонично, дополняя друг друга*» (Токарев, 2016, с. 50). А. Масалов, напротив, полагал, что «*каскад метаболических образов... отражает искусственность мира*» (Масалов, 2019, с. 146), «*родной мир не становится выходом из абсурдной, искусственной действительности*» (Масалов, 2019, с. 147) и в этом «*выражается крайняя степень насмешки над окружающей действительностью и социалистическим научным аппаратом, а именно над крайне материалистским пониманием пространства*» (Масалов, 2019, с. 149). О пародичности методологии А. Ерёменко, направленной в первую очередь на советские идеологические штампы, также общал автор публикаций «Нового литературного обозрения» Илья Кукулин (Кукулин, 2003).

В пособии «Современная русская литература — 1950–1990-е годы (Том 2. 1968–1990)» Н. Лейдерман и М. Липовецкий, подробно рассматривая поэтику Александра Ерёменко, блуждают в лабиринте тех же концептуальных схем, раздающих произвольные этические оценки образам поэта. По мнению Н. Лейдермана и М. Липовецкого, Ерёменко «*понимает систему, насаждающую свои симулякры ради контроля над жизнью, как главный источник распада, абсурда, уродства, безумия, одним словом, хаоса... Этот взгляд распространяется у А. Ерёменко не только на социальную систему, но и на любые попытки насильственного подчинения мира неким жестким структурам*» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 462).

Н. Лейдерман и М. Липовецкий утверждают, что «*„металлургический лес“ у Ерёменко — это образ псевдореальности, где жизнь замещена глобальными конструкциями*» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 462). Однако на следующей странице учебной книги Н. Лейдерман и М. Липовецкий рассказывают нам, «*как трогательно подробен образ корабельных сосен, привинченных снизу болтами „с покосившейся шляпкой и завинченной снизу резьбой“*» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 463) (это объяснимо, ведь «*лирические образы обладают суверенностью по отношению к холодным законам разрушения, разлитым в электрическом воздухе*» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 463). Авторы пособия задаются резонным вопросом: «*Но как отличить удушающий хаос насилия от родного хаоса единственного данного человеку пространства осуществленной свободы?*» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 463). Н. Лейдерман и М. Липовецкий отвечают на вопрос так: «*Ерёменко знает только один инструмент для такого различения — поэтическое слово. Но особого рода... Подлинно мое — это то, что сопрягается с памятью культуры*» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 464). Это заявление иллюстрируется обращением поэта к «*трагическому стихотворению Мандельштама „Мы поедем с тобою на А и на Б“*» с его «*темой преодоления смерти*». «*Лирический герой Ерёменко знает о том, что ему не суждено вынырнуть из хаоса... но обступающий его хаос перестает быть*

чуждым пространством, он насыщается памятью, болью, светом похороненного солнца. Он становится „родным хаосом“. А следовательно — пространством свободы» (Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 464).

Ответ Н. Лейдермана и М. Липовецкого на вопрос о «различении двух хаосов» в поэзии А. Ерёмченко неубедителен. В «пантехницистской лирике» Александра Ерёмченко *нет* «двух хаосов», «двух пространств», точек «продуктивности и гармонии» и противонаправленных им локусов «абсурда искусственности», мест «холодных законов разрушения» с их «хаосом насилия» и тайных куц «осуществленной свободы». Мы, читатели, «вчитываем» все это в тексты по воле наших априорных установок, но мир образов Ерёмченко принципиально не дуалистический. А «поэтическое слово особого рода» с его «памятью культуры» не играет в нем никакой роли. Конечно, *лично для поэта* такие образы, как «жена моя вяжет на длинном и скучном диване» или «там бредет моя мать», неизмеримо предпочтительнее «запрограммированного уродства» советской семантики. Но *в парадигме* «пантехницистской лирики Александра Ерёмченко это не меняет ничего. Эта парадигма *вообще не поддается оценкам в бинарной системе «хорошо — плохо»*. Ее невозможно как-либо этизировать, оценивать. Подтверждение тому — короткое стихотворение «Человек похож на термопару»:

*Человек похож на термопару,
если справа чуточку нагреть —
развернется слева для удара...
Дальше не положено смотреть.
Даже если все переиначить —
то нагнется к твоему плечу —
в позе, приспособленной для плача...
Дальше тоже видеть не хочу.*

(Ерёмченко, 1990, с. 22)

Для обычного социального восприятия дерущийся человек — это плохо, а ситуация исповедального плача, сочувствия, эмпатии — напротив, хорошо. Но в «ерёмченковской парадигме» и драка, и исповедь равны (и равно неприятны) предсказуемостью, подчиненностью общим законам природы, идентичным законам механики. «Техногенные образы» Александра Ерёмченко могут имплицитно наливать «положительными» или «отрицательными» коннотациями, но они *нейтральны*, как нейтрален закон всемирного тяготения. Природа так же законосообразна и механистична, как техника, и человек (будучи индивидуальностью либо частью общества) неотличим от природы/техники.

Один из идеологов «метаметафоризма» Михаил Эпштейн объяснил взаимоотношения между семиосферами «природы» и «техники» в лирике Александра Ерёмченко наличием объемлющего их сверхсемиозиса «культуры». По мнению М. Эпштейна, «природа» и «техника» в этой лирике не

противостоят друг другу, поскольку объединены культурой, имеющей естественные противоречия («швы») внутри себя. Диалог этих сфер носит семиотический характер, и конфликт между ними также семиотичен, то есть не антагонистичен, разрешим в поле культуры с её разными (но не враждебными) кодами: «У Ерёмченко мы не найдем ни одностороннего культа природы, ни восхищения могуществом техники. Для него то и другое — составные элементы культуры, которые, будучи частями единого целого, могут переводиться с языка на язык, так что знаки природы (лист, мушка, филин) войдут в нерасторжимое сочетание с техническими знаками (металл, бензовоз, бинокль), образуя некую «мерцающую» картину... объемля столь многое, культура не может и не должна скрывать собственных „швов“, искусственных наложений, той эклектики, какую часто достигает ее целостность, и тех парадоксов, без которых было бы невозможно ее движение... А. Ерёмченко специально демонстрирует искусственность разнообразных культурных кодов, „вживляя“ их в чужеродный материал» (Эпштейн, 1989, с. 144–145).

Для того чтобы верифицировать это утверждение, необходимо рассмотреть, как поэт Александр Ерёмченко относится к локальной семиосфере «собственно культуры» (с ее «памятью»), не включающей в себя ни природу, ни технику, ни общественные взаимоотношения, а ограничивающейся исключительно «знаками культуры». Подспорьем для такого небезынтересного занятия могут послужить стихотворения Ерёмченко, представляющие еще один блок — так называемые «тексты-центоны». Ведь центон — жанр, построенный на игре с различными кодами «собственно культуры».

*Я пил с Мандельштамом на Курской дуге.
Снаряды взрывались и мины.
Он кружку железную жрал в кулаке
и плакал цветами Марины.*

*И к нам Пастернак, по окопу скользя,
сказал, подползая на брюхе:
«О, кто тебя, поле, усеял тебя
седыми майорами в брюках?»*

*...Блиндаж освещался трофейной свечой,
и мы обнялись спросонок.
Пространство качалось и пахло мочой —
не знающий люльки ребенок.*

(«Я пил с Мандельштамом на Курской дуге...».
Ерёмченко, 1991, с. 114)

Поначалу может показаться, что мы имеем дело с перестроечным соц-артом. Это не так. Представители соц-арта различали в теле современной им

отечественной культуры две противоположные «культуры» — советский суррогат, подлежащий деконструированию, глумлению, моральному уничтожению, и культуру подлинную, вечную, вневременную. Знаковыми фигурами «настоящей культуры» для них были Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Борис Пастернак (и иные альтернативные советскому миру писатели, например Владимир Набоков). Особенно заметно это разделение в раннем творчестве Тимура Кибирова, противопоставлявшего суетливую «политику» (вне отношения к ее векторности – охранительной или прогрессивной) культурным святыням, даровавшим личности реальную свободу. По их воле *«можно Делии звучные гимны слагать, / перед Скинией Божьей плясать! // С Цинциннатом в тряпичные куклы играть, / цвет любимых волос и небес описать, // эту клейкую зелень к губам прижимать, // под Ижоры легко подъезжать!»* («От автора». Предупреждение к циклу «О любви») (Кибиров, 1994, с. 208–209). Для Тимура Кибирова Пушкин, Достоевский, Батюшков, Набоков, Библия и вольное творчество рассеивают ядовитый советский туман. Но в творчестве Александра Ерёмченко нет такого разделения; нет в нем и вычленения Великой Отечественной войны из общей советской семиотики. С одинаковой бурлескной (квазипатетической) интонацией он повествует как о войне («Покрышкин», «Памяти неизвестного солдата»), так и о предшествовавших ей советских событиях-мемах («Штурм Зимнего», «Сильный холод больничной палаты...»).

Хронотоп «Курской дуги» в тексте Ерёмченко предстает гибридом шаблонного фронтового бытописания и номенклатурного фарса с «седьми майорами в брюках». Мандельштам, Пастернак и Марина *вписываются* в амбивалентный «военно-героический» нарратив (если что из него выпадает, предъявляя нам лирическую подлинность, то — безличное «пространство»). Такую же картину рисует и стихотворение «Ночная прогулка», в котором Н. Лейдерман и М. Липовецкий углядели насыщение хаоса *«памятью, болью, светом похороненного солнца»* и превращение хаоса в *«пространство свободы»*. В действительности это стихотворение являет трагикомичную культурную амальгаму на основе официозного поэтического текста Александра Межирова «Коммунисты, вперед!» и строк Осипа Мандельштама, взятых из разных стихов; пожалуй, есть основание считать, что иронической деконструкции здесь подвергается не Межиров, а, скорее, Мандельштам:

*Вот уже еле слышно сказал комиссар:
мы еще поглядим, кто скорее умрет...*

*...Мы еще поглядим, кто скорее умрет.
— А чего там глядеть, если ты уже труп.*

*...и вчерашнее солнце в носилках несут
из подвала в подвал.*

(Ерёмченко, 1990, с. 5–6)

«Вчерашнее солнце» — это образ «реабилитированного» Мандельштама, превратившегося из подпольного (подвального) объекта поклонения в присяжную тему перестроечных газетных «подвалов» («мрачных „Известий“, где воздух речист»). Также в стихотворении-коллаже «Переделкино» из всех многочисленных претекстов — классических, фольклорных, попкультурных — авторскому осаживанию подвергается только «Вторая баллада» Бориса Пастернака, сначала намеренно снижаемая («*Льет дождь. На даче спят два сына, // допили водку и коньяк*»), а затем вызывающая критический комментарий («*И днем, и ночью, как ученый, // по кругу ходит Пастернак*») (Ерёменко, 1990, с. 12–13).

Разницы между «громоздкой оперой» советских мифологем и «подлинной культурой» с ее «вечными ценностями» для Ерёменко нет. В его мире «культура» во всей целостности не объединяет и примиряет «природу/технику», а является ее нераздельной частью и живет по ее законам. Все это — «*филология*», которая «летит к черту с моста».

Многие отечественные литераторы конца 80-х — начала 90-х гг. претендовали на тотальную деконструкцию литературы, культуры в целом, социума с его культурными кодами, языка (языков). Как показала дальнейшая эволюция этих авторов, их «деконструктивные программы» оказались не абсолютными, не тотальными. Они ограничились лишь некоторыми сегментами культуры, языка и социума, оставляя за собой «неприкосновенные ценности» — либеральные (Владимир Сорокин, Лев Рубинштейн, Игорь Иртеньев), христианско-либеральные (Тимур Кибиров), буддийские (Виктор Пелевин) или иные. Оно и понятно: стопроцентная деконструкция речи, социума или культуры (и даже литературы) невозможна. Любой «деконструктор» проводит свои операции с какой-то личной «площадки», которая непременно попадет в его «слепое пятно», оставшись «недеконструированной». Не был исключением и Александр Ерёменко. Его «деконструкционная программа» была многостороннее и глубже смежных установок; ценности «смежников» вовсе не воспринимались им как ценности (и как залог спасения).

Проклятие законосообразности «природы/техники» не могло быть избыто, исцелено «поэтическим словом», пускай даже «поэтическим словом особого рода» — слово безропотно подчинилось все той же законосообразности: Мандельштам вписался в «комиссарскую речь», Пастернак пошел по кругу, подобно лошадиной силе в лошади. Не воспринимал Ерёменко в качестве избавления от морока законосообразности ни религиозную веру (по крайней мере, христианскую, о чем свидетельствует очень жесткая миниатюра «На Бога, погруженного в матерью...»), ни любовь. Стихотворение «Я смотрю на тебя из настолько глубоких могил...» (Ерёменко, 1991, с. 12–13) — исповедь влюбленного лирического героя с невеселым резюме «*мы играем комедию в лицах*».

Для того чтобы понять, с какой точки Александр Ерёменко деконструирует действительность, надо выявить, что он *любит*. Не притворно-теат-

рально «признается в любви» (читай в ненависти) — как к «гипсовому шоку и запрограммированному уродству» или к «мыслей железобетону», где гнездится «животный болезненный страх», — а *любит по-настоящему*, всерьез:

*в чулане вечности противном
над безобразною планетой
летала ласточка активно,
и я любил ее за это.*

(Ерёменко, 1991, с. 93)

Это концовка стихотворения Ерёменко «В глуши коленчатого вала...» (Ерёменко, 1991, с. 92–93), сопровождаемого хрестоматийным эпиграфом из Алексея Плещеева «Ласточка с весною». Острие авторской иронии направлено не столько на Плещеева, сколько на образ ласточки в русской поэзии двухвекового периода (от Гавриила Державина до наших дней). Этот образ всегда был позитивен. Его позитивность сохранена и в тексте Ерёменко — проблема в *источнике* позитивности, в ее семантическом обеспечении.

Для всех поэтов, воспевавших ласточку, было ценно то, что она *живая*. Даже в лирике Осипа Мандельштама, в которой образ ласточки принимал сложные символичные и спиритуалистические смыслы, для автора важно то, что ласточка — «живая» в бесплотном чертоге теней (это слово — авторский эпитет: «и живая ласточка упала...»).

«Густая ласточка» Александра Ерёменко пребывает в мироздании «природы/техники» («в глуши коленчатого вала, / в коленной чашечке кривой»). Она сама является порождением этого мироздания («и вылетала из лекала»), и ее полет по характеристике — вполне «механистичный» («по возмутительной кривой»). Никакой бинарной оппозиции между «живым» и «мертвым» здесь не наблюдается. Более того, смысл полета ласточки в том, чтобы *снять* все бинарные оппозиции («не оставить зазора»). Интересен длинный список снимаемых оппозиций. Он относится к географическим («между Севером и Югом») и геометрическим («как и диаметром и кругом») понятиям, к флоре («как между кедром или дубом») и фауне («между кошкой и собакой»), к частям корабля («между ютом или баком»), к историческим деятелям («между Дарвином и Брутом») и к актуальным поэтам («между Беллой и Новеллой», «между Женей и Андреем», «между Юнной старой или юной»). В ход идут противоречия между живым и мертвым («как и термометром и спрутом»), между мифологическим персонажем и техническими («между Харибдой и калибром») и литературоведческими («как между Сциллой и верлибром») терминами, между личностью и жанром («как и новеллой и Новеллой»), между эстетически («как между глазом или задом») или этически («между детсадом или адом») противоположено окрашенными образами, между последствием травмы и ее орудием («между кровью и стамеской»), между религиозными знаками («между Богом или чертом») — и даже разрывы слова («между гипер- и бореем»). Каковы же

характеристики ласточки? Она вылетала «в том месте, где она хотела», «летала как попало», «ничего не извлекала / ни из чего, там где летела», ей «дела было мало / до челнока или затвора», и ее кривая была «возмутительной».

Поэт в этом стихотворении славит самостановящуюся из «Не-Я» и самоутверждающуюся *личность* («Я»). Именно движение «Я» — хаотическое, своевольное и самодостаточное — есть единственная альтернатива «чулану вечности противному» и «безобразной планете», живущим по своим законам. Момент оценки, точка этики в поэзии Александра Ерёмченко появляется *только там*, где есть «Я», страдающее от ран, нанесенных ему миром «Не-Я».

*Карабкайся и пой,
Барахтайся и веруй.
И прижимай рукой
разрезанную вену.
Карабкайся и пой.
Барахтайся и веруй,
Что сам ты не такой,
как все на карусели.*

*Барахтайся, ломай,
карабкайся – и – вену.
И пальцем прижимай
разрезанную веру.
Разрезанную пой.
Удачно раскромсали,
затем, что не такой,
как все на карусели.*

(«Карабкайся и пой». Ерёмченко, 1991, с. 23)

Для Ерёмченко ни эмпатия, ни любовь, ни родственные чувства, ни слово не тормозят «карусель» и потому не до конца настоящие; подлинны только рана и боль — следствие инакости (а значит, и инакость как таковая).

Особенности романтического мировоззрения

Мировоззренческую систему, построенную на конфликте «Не-Я» и противостоящего ему самостановящегося «Я», придумал немецкий философ XVIII–XIX вв. Иоганн Готлиб Фихте, а проекция этой системы в культуре определяется понятием «*романтизм*».

Поэзия Александра Ерёмченко — *крайний случай* романтического мировоззрения. По уровню «романтизмонасыщенности» она приближается к

«Песни погибающего пловца» Александра Полежаева с ее «нулевым» героем-рассказчиком, бесконечно одиноким в пространстве и во времени, не знавшим любви, довольствующимся заменами общения и обладающим единственным смыслом – противоборством с «Не-Я» и неизбежной гибелью (*«Парус белый / Перелетный, / Якорь смелый / Беззаботный, / Тусклый луч / Из-за туч, / Проблеск дали / В тьме ночей – / Заменяли / Мне друзей!»*) (Полежаев, 1990, с. 57–60).

Точно так же законы «природы/техники» трагически **заменяют** лирическому герою Александра Ерёмченко человеческие отношения. Полежаевский герой одинок потому, что физически лишен контакта с людьми и вынужден довольствоваться парусом, якорем и лучом солнца. Герой Ерёмченко не оторван от социума, однако всякая его попытка вступить в диалог с социумом оборачивается квазидialogом с «природой/техникой»: собеседник обращается в «термопару», любовь делается «комедией в лицах», ласточка оказывается «механической». Возможностью самооживления (собственного выхода из мира «природы/техники») может быть лишь самостановящееся действие «Я» (хаотический и бесцельный полет «густой ласточки»), а единственно реальный контакт «Я» с «Не-Я» — романтический **конфликт** между этими началами.

В третьем номере журнала «Юность» за 1987 год вышла статья Александра Ерёмченко «Двенадцать лет в литературе», произведшая в литературном сообществе эффект разорвавшейся бомбы. В этой статье поэт в очень резких (для того времени) выражениях выступил против раздачи произвольных эпитетов необычным поэтическим феноменам (*«Как только не определяли мои стихи: „научные“, „металлические“, „модернизм“, „абсурдизм“, „гротеск“, просто „ерничество“!*»), реабилитируя «литературную школу» (*«...у нас в один день забыли старое доброе понятие „школы“»*), а также против этицирования поэтической образности (*«Один такой любитель „белозубых стишков“ заявил, что я со своими метафорами способен совершить отцеубийство»*) (Ерёмченко, 1987, с. 54). Все это Ерёмченко воспринимал как уловки бюрократического «аппарата», о котором он писал в inferнальных тонах: *«Автор, кладущий дрожащей рукой рукописи на столы редакторов, думает еще по наивности о том, насколько талантливы его стихи, и напечататься для него — утвердиться в своих надеждах... Но чем талантливее автор, тем мощнее отталкивает его аппарат. И наоборот, чем посредственнее, тем аппарат сильнее притягивает. Гения аппарат не принимает вовсе, поскольку не принимает всерьез. То есть просто не замечает, он для него не существует. Так же как аппарат не существует для гения. Аппарат и гений не нуждаются друг в друге...»* (Ерёмченко, 1987, с. 55).

Ерёмченко с гневом говорит о *«противоречии между марксистским мировоззрением в одном кармане и ксерокопиями астрологических таблиц и прочей литературы — в другом»* и разоблачает то, как *«определенный круг писателей, критиков и поэтов, объявив себя держателями акций»*

национальной идеи, насаждают политику травли в литературе» (Ерёменко, 1987, с. 56). Само по себе марксистское мировоззрение у Александра Ерёменко не вызывает противодействия. Гневу подвергаются «держатели акций национальной идеи» и «астрологические таблицы». (Квази)диалог между «автором» и «аппаратом» показан как сюжет о «Я» и «Не-Я» в романтическом нарративе. Нельзя не обратить внимания на определение враждебного «автору» начала — «аппарат». Оно омонимично слову политического жаргона перестроечной поры («аппарат» — «партийно-номенклатурный аппарат»). Ерёменко пользуется этой омонимией; в его лексиконе слово «аппарат» несет иной смысл: механистичным «аппаратом» для него является *весь мир*, включающий природу, культуру, общественные отношения.

Зададимся еще одним вопросом: литдеятель, который сказал Ерёменко о том, что он «со своими метафорами способен совершить отцеубийство», — ссылаясь на марксистское мировоззрение? Конечно же, нет. Уже в советской социокультуре 1970-х гг. марксизм стал мертвой оболочкой, парадной ширмой, будучи вытесненным иным, альтернативным ему дискурсом. Он называется *«позднесоветский неоруссоизм»* и выстроен на моральном противопоставлении «природного», «естественного» «техническому» и «искусственному». Согласно неоруссоизму, все, что исходит от «природы», от «корней», от «сердца», от «голоса предков», — как в обществе, так и в личности, — «добро и свет»; то же, что было создано искусственно, неоруссоисты объявляли «злом и тьмой». Под сомнение ставилось понятие «прогресс» (что противоречило марксизму). Разумеется, высшей концентрации такое мировоззрение достигало в почвенническом сегменте советской культуры; но оно не ограничивалось только им (роман Чингиза Айтматова «Белый пароход» или цикл мультфильмов о деревне Простоквашино не имели отношения к почвенничеству и к «русской партии»). Неисчислимый массив стихотворений, прозаических произведений, публицистических высказываний, спектаклей, художественных фильмов, мультипликационных фильмов, эстрадных песен, произведений живописи и других культурных проявлений методично и мощно транслировал неоруссоистские установки. Можно сказать, что ими было насквозь проникнуто советское общество 1970-х — первой половины 1980-х гг.

У Александра Ерёменко были *личные причины* ненавидеть неоруссоизм: апелляции к «природе», «изначальной гармонии», «зову предков», «бегству от цивилизации», «духовному стержню» сопровождали неприятные вехи его творческого пути — отказы в публикациях и критические нападки. Приравнивание «природы» к «технике» било в самую болезненную точку позднесоветского Логоса. Понятно, почему оно воспринималось так болезненно советской читательской аудиторией. И не менее понятно, отчего оно было важно Александру Ерёменко — романтик получал конфликт с большинством, являющийся топливом для романтического творчества. При этом он мог присутствовать в советском поле — публиковаться в официаль-

ных изданиях, обсуждаться критиками. Ведь официальной идеологией советского государства оставался *марксизм*, учение, в чем-то синергичное картине мира, демонстрируемой гиперматериалистской поэзией Ерёменко. Неоруссоизм был *неофициальным*, стихийным веянием позднесоветского общества, и он не мог быть заявлен открыто; Ерёменко мог сражаться с ним легально.

А позже, когда в СССР стала возможна политическая борьба, Александр Ерёменко самозабвенно ринулся в нее. Он продолжил свою войну «Я-монады» с «Левиафаном». «Не-Я» в этот период для него локализовалось и материализовалось, представ суммой концептов «большинства как такового», «советского большинства», «советской партократической системы», «советских репрессивных органов» и «русской партии». Необходимо отметить, что эти концепты могли быть восприняты поэтом как проявления «Левиафана», потому что они были поняты им как акторы большинства и несли в себе внеиндивидуальность. После 1991 года Александр Ерёменко почти прекратил поэтическую деятельность. Ситуация изменилась, соратники по борьбе с «аппаратом» стали победителями, образ врага размылся, растворился в бушующем море девяностых, романтику стало не с чем и не с кем воевать, в машину романтического творчества перестало поступать горючее конфликтов «Я» и «Не-Я», «романтический сюжет» исчерпался.

Заключение

Научной проблемой, поставленной в данной статье, является сложная диалектика взаимоотношений между объективными предпосылками к формированию у автора романтического мировоззрения и творчеством автора. Романтическое мировоззрение характеризуется тремя базовыми чертами: для него бытие разграничивается на два антагонистических начала — на «Я» и «Не-Я» (романтический дуализм), при этом самостоятельность «Я» обеспечивается безусловным признанием свободы «Я» (романтическое свободополагание), а центральным предметом рефлексии авторского сознания становится трагическое взаимодействие между «Я» и «Не-Я» (романтический конфликтоцентризм). Романтическое мировоззрение не привязано к какому-либо конкретно-историческому времени, в частности, оно не привязано к эпохе романтизма, продлившейся от последнего десятилетия XVIII века до середины XIX века. Произведения, проникнутые романтическим мировоззрением, создавались во всем мире и в нашей стране, где вторая волна романтизма пришлась на период Серебряного века, а третья — возникла в 1960-е годы XX века и длится поныне.

Романтическому «Я» для самоосознания (в качестве «Я») необходимо оттолкнуться от «Не-Я». «Романтический сюжет» строится на противопоставлении одинокой «Я-монады» и окружившего ее «Левиафана». «Не-Я» в этом сценарии наделяется определенными чертами: оно беспощадно к «Я»,

внеиндивидуально, опирается на установки (внеиндивидуального) большинства и тотально. Все попытки найти «светлые начала» в «Левиафане» воспринимаются романтиком как лицемерие, хотя сам по себе «Левиафан» может быть для романтика не «злым», а «объективно наличествующим» (достаточно констатации его отчуждения от «Я»).

Базовый романтический конфликт между «Я» и «Не-Я» может разворачиваться как в социокультурной сфере (когда поэту разрешено живописать его), так и в семиозисе абстрактной образности (если цензурные условия мешают выразить данный конфликт в более открытой форме). Когда предпосылки к романтическому конфликту прекращаются, творчество поэта-романтика также сходит на нет — его «Я» не от чего отталкиваться.

Библиографический список

- Ерёменко А. Двенадцать лет в литературе // Юность. 1987. № 3. С. 54–56.
- Ерёменко А. Добавление к сопромату. Стихи. М.: Правда, 1990. (Серия Библиотека «Огонёк». Вып. № 35). 32 с.
- Ерёменко А. Стихи. М.: ИМА-пресс, 1991. 144 с.
- Кибиров Т. Сантименты. Восемь книг. Белгород: Риск, 1994. 384 с.
- Кукулин И.В. «Сумрачный лес» как предмет ажиотажного спроса // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 359–381.
- Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Издательский центр Академия, 2003. С. 463–464.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Беседы о литературе. М.: Изд-во АСТ, серия «Классика лекций», 2019. 256 с.
- Масалов А.Е. Функционально-семантические особенности метаболы в метареалистической поэзии Александра Ерёменко // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Екатеринбург, 2019. № 3. С. 142–155.
- Полежаев А. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Воспоминания современников / сост и подг. А.Н. Версовин. М.: Правда, 1990. 480 с.
- Токарев А.А. Метареализм как творческий метод Александра Ерёменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во Грамота, 2016. № 11(65) С. 48–51.
- Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1989. 416 с.

References

- Epsteyn, M. (1989). *The Paradoxes of Novelty. On Literary Development of the XIX–XX Centuries*. Moscow: Sovetskij pisatel publ. (In Russ.)
- Eryomenko, A. (1987). Twelve Years in Literature. *Jynost*, (3), 54–56. (In Russ.)
- Eryomenko, A. (1990). *In Addition to Resistance of Materials. Poems*. Moscow: Pravda publ. (In Russ.)
- Eryomenko, A. (1991). *Poems*. Moscow: IMA-press publ. (In Russ.)
- Kibirov, T. (1994). *Sentiments. Eight Books*. Belgorod: Risk publ. (In Russ.)
- Kukulin, I. (2003). “Dreary Forest” is a Subject Strong Demand. *New Literary Observer*, (59), 359–381. (In Russ)

Leyderman, N., & Lipovetsky, M. (2003). *Contemporary Russian Literature: 1950–1990*. Vol. 2 (1968–1990). Moscow: Akademia publ. (In Russ.)

Lotman, Y. (2019). *Culture and Explosion. Conversations about Literature*. Moscow: AST publ. (In Russ.)

Masalov, A. (2019). Functional-semantic Features of Metabola in the Metarealistic Poetry of Alexander Eryomenko. *Ural Philological Bulletin*, (3), 142–155. (In Russ.)

Tokarev, A. (2016). Metarealism as a Alexander Eryomenko's Method. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, (11), 48–51. (In Russ.)

Versovin, A. (1990). *Alexander Polezjajev: Poems. Translations. Contemporaries' Memoirs*. Moscow: Pravda publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Анкудинов Кирилл Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и массовых коммуникаций Адыгейского государственного университета. ORCID ID: 0000-0002-3474-672X; e-mail: ankudinovkirill@rambler.ru

Bio note:

Kirill N. Ankudinov, Candidate of Philology, Docent, Adugion Governmental University, Department of Literature Science and Journalism. ORCID ID: 0000-0002-3474-672X; e-mail: ankudinovkirill@rambler.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-55-67

УДК 821.161.1-2

Научная статья / Research article

Пьеса А. Арбузова «Старомодная комедия» в Китае: театральная и критическая рецепция

Сюэцин У^{id}, И.В. Монисова^{id}✉

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 51*

✉ monisova2008@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема восприятия русской драматургии XX века в Китае на материале театральной и критической рецепции пьесы А. Арбузова «Старомодная комедия», которая неоднократно ставилась в театрах страны на разных культурно-исторических этапах и в последние годы снова оказалась востребованной театральными деятелями и аудиторией. Анализ постановок известного текста, рецензий и читательских реакций на него позволяет не только проследить изменения в восприятии хрестоматийной для русской сцены пьесы в инокультурном пространстве, но и судить об общественных процессах, обуславливающих такие изменения, а также коснуться собственно театральной жизни и сценических экспериментов в Китае. Делается вывод о том, что общечеловеческое содержание пьес драматурга, вневременные ценности, которые утверждаются в его творчестве, и присущая ему сценичность, органичность драматургического языка помогают успешно адаптировать произведения автора не только для современного русского, но и для иноязычного театра. Примером успешного диалога культур в театрально-драматургической сфере может служить сценическая история пьесы «Старомодная комедия» в Китае.

Ключевые слова: А. Арбузов, «Старомодная комедия», рецепция, постановка, русская драматургия в Китае, диалог культур

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 10 марта 2021 г.; откорректирована — 21 апреля 2021 г.; принята к публикации — 17 мая 2021 г.

Для цитирования: У Сюэцин, Монисова И.В. Пьеса А. Арбузова «Старомодная комедия» в Китае: театральная и критическая рецепция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 55–67. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-55-67>

Play by A. Arbuzov *Old-fashioned comedy* in China: Theater and Critical Reception

Xuejing Wu^{ID}, Irina V. Monisova^{ID}✉

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskije Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

✉ monisova2008@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issue of reception of Russian drama of the 20th century in China on the basis of the theatrical and critical reception of A. Arbuzov's play *Old-Fashioned Comedy*, which was repeatedly staged in theaters of the country at different cultural and historical stages and in recent years has again been in demand among theatrical figures and audiences. An analysis of the performances of a well-known text, reviews and readers' reactions to it make it possible not only to trace changes in the perception of the play in a foreign cultural space, but also to examine the social processes that cause such changes, as well as to touch upon the theatrical life itself and stage experiments in China. The conclusion is made that the universal human content of the playwright's plays, the timeless values that are affirmed in his work, and the inherent scenicity, the organic nature of the dramatic language help to successfully adapt the author's works not only to the modern Russian theater, but also for the foreign language ones. An example of a successful dialogue of cultures in the theatrical and dramatic sphere is the stage history of the play *Old-Fashioned Comedy* in China.

Keywords: A. Arbuzov, *Old-Fashioned Comedy*, reception, staging, Russian drama in China, dialogue of cultures

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: March 10, 2021; revised: April 21, 2021; accepted: May 17, 2021.

For citation: Wu, Xuejing, & Monisova, I.V. (2022) Play by A. Arbuzov *Old-fashioned comedy* in China: theater and critical reception. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 55–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-55-67>

Введение

Творчество Алексея Арбузова — одного из наиболее востребованных советских драматургов на мировой сцене — не могло не привлекать внимание китайских театральных деятелей и критиков в разные эпохи. Еще в пятидесятые годы его жизнеутверждающие пьесы приобрели популярность у китайского зрителя не в последнюю очередь благодаря созвучности бодрой атмосфере социальных преобразований того времени. В 1956 году драматург посетил Китай в составе иностранной делегации театральных деятелей из соцстран для участия в первом китайском национальном театральном фестивале. В репортаже об этом событии Арбузов фигурирует в ряду театральных экспертов, приводятся его слова о том, что незнание китайского языка

осложняет его задачу при оценке пьес, среди которых он выделяет трагедию «Вань Шуй Цянь Шань» («Через тьмы рек и тысячи гор» 万水千山, Чэнь Цитун). В то же время в своем выступлении Арбузов указал на натурализм современной китайской драмы как ее главный недостаток, отметил прямолинейность в создании характеров и затянутость диалогов. Он напомнил, что «настоящий писатель должен уметь не только выражать свои желания, но и скрывать их», давая зрителю пищу для раздумий: «Если бы кто-то спросил меня, у кого китайский современный театр должен учиться, я бы ответил, что у великой китайской театральной традиции и у великой китайской живописи» (Жи Ан, 1958, с. 93)¹. Таким образом, в 1950-е годы Арбузов был желанным и авторитетным гостем в Китае.

Однако в период «культурной революции» (1966–1976) творчество мастера было отнесено к произведениям, «вредным для народа и прогресса общества» и получившим метафорическое название «ядовитый плющ»². Литературные власти посчитали, что драматург нередко представляет в пьесах героев слишком несовершенных (особенно часто упоминалась в этой связи «Иркутская история»), избирает преимущественно частный ракурс и поэтому влияние его произведений на зрителя будет, скорее всего, негативным. Вообще идеологический критерий при отборе произведений для печати и формировании репертуара театров в Китае становится определяющим.

В 1990-е годы Арбузов возвращается на китайскую сцену в связи с актуализацией проблематики его пьес, связанной с внутренним ростом человека, его участием в общей жизни, его индивидуальными поисками счастья и места в мире: темой времени в этот исторический период в Китае становится строительство новой жизни после пройденных страной сложнейших десятилетий, и светлая тональность творчества драматурга импонирует на этом этапе деятелям театра и зрителям. Сейчас творчество советского классика сцены по-прежнему востребовано, новые спектакли по его произведениям появились в самые последние годы в ведущих театрах страны.

Одна из выдающихся зрелых пьес Арбузова — «Старомодная комедия» (1975) о случайной встрече на рижском взморье немолодого врача и его тоже далеко не юной эксцентричной пациентки — герои проходят путь от резкой неприязни до любви и совместного обретения душевного покоя. Это «сходство непохожих» — ибо при всей разнице характеров и темпераментов они люди одного поколения, которые прожили очень непростую жизнь, вку-

---

¹ Цитируется из репортажа о первом китайском фестивале драмы в 1956 году (1 марта — 5 апреля 1956 г.). Для просмотра спектакля в Китай были приглашены театральные деятели и критики из 12 стран, включая СССР, Румынию, Югославию и Северную Корею. Среди них был и Арбузов.

² Термин «ядовитый плющ» («ядовитая трава») был позаимствован из выступления Мао Цзэдуна «О правильном разрешении противоречий внутри народа»: «Если есть ошибки, надо осуждать их, если появляются ядовитые травы, надо бороться с ними» // Жэньминь жибао, 19 июня 1957 г.).

силы горя, но сохранили свою светлую сущность и способность радоваться жизни. По меткому замечанию исследователя, «эта пьеса... про обретение рая. Советского рая, почти булгаковского («не свет, но покой»)» (Эюбова, 2019, с. 78). Представляется точной характеристика П. Руднева, который определяет эту пьесу Арбузова с ироничным авторским названием как «высокую мелодраму», тем самым указывая на сопряжение в ней камерности, легкости, лиризма, мягкой иронии и элементов комизма, а также счастливого финала — с одной стороны, и не сразу явленного подлинного драматизма переживаний и судеб героев — с другой (Руднев, 2018, с. 35). «Нелепой сумасбродкой», как писалось в одной из первых рецензий на спектакль в театре им. Ленсовета (1975), предстает Лидия Жербер, бывшая актриса, а ныне кассирша в цирке, перед врачом Родионом Николаевичем, почти пуританином, и ничто не предвещает «обыкновенного чуда» их запоздалой любви. Комичные препирательства героев, отсылающие к теме цирка прыжки из окна, оторванные пуговицы, «клоунские штаны» и «чалма... себе на уме» создают игровую атмосферу, а пробуждение взаимного интереса и нежности между немолодыми героями вносит мелодраматический акцент, усиленный в некоторых театральных постановках.

Однако в пьесе присутствует и значительно усложняет ее пафос скорбная тема войны и травматической памяти о ней, хотя эти мотивы звучат приглушенно и нарастают постепенно: мы узнаем о гибели сына героини, а место одной из последних мизансцен — братское воинское кладбище под Юрмалой, где похоронена жена Родиона Николаевича. Душевные раны героев не изжиты, «и, возможно, война виновата в этой болезненной эксцентричности Жербер... живая боль должна компенсироваться искусственной „самонакруткой радости“... Нельзя допустить, чтобы эта травма повторилась; чтобы ее хоть как-то залечить, понадобилось 30 лет, — вот интонация, ради которой „Старомодная комедия“ и была написана» (Руднев, 2018, с. 36).

С момента выхода «Старомодная комедия» несколько раз появлялась на китайской сцене, а совсем недавно к творчеству Арбузова обратился один из самых авторитетных театров Китая — Пекинский народный театр: в августе 2019 года режиссер Бан Цан поставил «Старомодную комедию» (спектакль был возобновлен в прежнем составе в июле-августе текущего года и прошел с аншлагами); а режиссер Линь Цзонг в апреле 2021 года представил китайским зрителям спектакль по другой пьесе Арбузова — «Мой бедный Марат».

Театральная и критическая рецепция «Старомодной комедии»

На наш взгляд, наиболее репрезентативными являются постановки пьесы 1985, 1997 и 2019 гг., которые были с энтузиазмом приняты публикой и имели широкий резонанс в театральной критике. При этом и интерпретация постановщиков, и реакция зрителей, и критическая рецепция спектаклей разных лет значительно отличались. Их анализ отражает динамику развития китайского общества, заметные изменения в менталитете театрального зри-

теля, доминантные темы времени, диалог с другими культурами и различными эстетическими системами, специфику театральную жизни и театрального рынка в стране.

Постановка 1985 года

К моменту первой постановки «Старомодной комедии» (сентябрь 1985) переводы арбузовских пьес, публиковавшиеся с начала 1950-х годов, вышли отдельной книгой в Шанхайском издательстве (1983). Пьеса была переведена Бай Сыхуном³. Сборник способствовал популяризации и распространению драматургии Арбузова в Китае. Именно этот перевод и был использован в первом театральном проекте по пьесе, осуществленном студентами режиссерского факультета Китайской центральной академии драмы. Ставила пьесу Цао Цицзин — известный театральный режиссер и художник, преподававшая там. В главных ролях возрастных героев выступили студенты. Эта постановка была некоммерческой, она позволяла молодым специалистам попробовать свои силы и продемонстрировать профессиональные навыки на непростом для них современном инокультурном материале, извлекая из него общечеловеческий смысл. Зрителями в основном тоже были студенты творческих вузов и театральные профессионалы.

Создатель сценической версии стремился уловить явные и скрытые смыслы пьесы и использовать сцену и актеров, чтобы максимально убедительно представить концепцию драматурга и передать особую лирическую атмосферу текста. В маленьком театре перед сценой были размещены картины маслом и цветы, что позволило режиссеру создать ощущение камерности и душевности, сопутствующее истории зарождающейся любви двух молодых людей. В то же время сцена с зеркальным обрамлением увеличивала и углубляла пространство, внося ощущение «свободного дыхания» жизни и сопрягая с камерностью идею погруженности героев в историю. Молодые исполнители должны были преодолевать возрастную дистанцию с персонажами исключительно игровыми и психологическими средствами при минимуме грима, который в камерном театре при постановке психологической пьесы не мог быть тяжелым. Судя по отзывам на спектакль и работам, в которых эта постановка в дальнейшем упоминалась, творческие задачи молодым коллективом были успешно решены, а текст пьесы практически полностью сохранен.

Попутно отметим, что имя Арбузова стало известно китайской публике еще в 1950-х годах благодаря пьесе «Таня» о горькой истории любви молодых людей, сумевших обрести настоящее счастье только тогда, когда нашли свое общественное и профессиональное назначение. Такие темы были созвучны времени и вызвали заинтересованную реакцию зрителей, особенно

---

³ В книге шесть пьес: «Таня», «Годы странствий», «Иркутская история», «Мой бедный Марат», «Сказки старого Арбата» и «Старомодная комедия».

молодежи. Тридцать лет спустя это же поколение увидело «Старомодную комедию», в которой прозвучала мысль драматурга о том, что стремление к радости любви и к счастью не является прерогативой только молодых людей — пожилые люди также имеют на это право, хотя их отношения складываются более сложно, а чувства разгораются не спеша, им приходится преодолевать груз разочарований и потерь, считаться с общественными стереотипами. Эта мысль отчетливо выражена в спектакле Цао Цицзин.

С 1977 года, после разрушительной культурной революции, китайская драма возрождалась и испытывала большое влияние со стороны советской «оттепельной» культуры. На китайской театральной сцене появилось много пьес, отражающих реальные проблемы современности и современника, — в Китае они нередко именуется пьесами оттепели, а некоторые являются частью так называемой «литературы шрамов» («театра шрамов»)⁴. В самом названии подчеркивается внутренняя связь с соответствующей русской традицией. Литературные аналогии объясняются сходством социально-политической ситуации и близким направлением эстетических поисков. В это время в Китае происходила смена политического курса, а в области культуры постепенно восстанавливались эстетические подходы к оценке явлений искусства и стремление к отражению реальных противоречий жизни. Как в свое время в СССР, в Китае резко критиковался культ личности и «теория бесконфликтности», особенно разрушительно повлиявшая на драматургию и театр.

В конце 1970-х годов началась полемика о «правде жизни» в литературе, писатели и драматурги сосредоточились на изображении судеб простых людей в повседневной реальности, а также на ценностях частного человека, его внутренней жизни и психологии. Именно эти моменты отражаются и в «Старомодной комедии». Описание и представление на сцене противоречивости и сложности человеческой личности в ее стремлении к счастью, самореализации, познанию мира и себя стало важной задачей китайских деятелей театра и драмы. Творчество Арбузова снова становится востребованным, критики утверждают, что он «освободил драму от пережитков старого сознания» (Чен Баочень, 1985, с. 15).

⁴ «Пьесы раненых», «литература шрамов», «театр шрамов» — закрепившиеся в критической мысли Китая термины, прилагаемые к корпусу произведений, созданных во время или после культурной революции и отразивших болезненную реакцию на нее. Период «оттепели» отмечен быстрым ростом таких произведений, среди которых пьесы «Дань Синь Пу» («Горячее сердце» 丹心谱, Су Шуян), «Юй Ву Шэн Чу» («В тишине» 于无声处, Цзун Фусянь), отразившие катастрофу культурной революции и художественное осмысление варварской политики по отношению к интеллигенции; «Бао Чунь Хуа» («Цветущая весна» 报春花, Цуй Дэчжи), «Вей Лай Зай Жао Хуан» («Будущее зовет» 未来在召唤, Чжао Цзысюн), «Хуэй Сэ Ванг Гуо Де Ли Мин» («Рассвет серого царства» 灰色王国的黎明, Чжун Цзяин) и др., в которых утверждались ценности человеческой личности и критиковалось отсутствие заботы о людях и доверия к ним со стороны бюрократии.

Театр в Китае этого времени переживает кризис, однако в деятельности молодых мастеров открываются перспективы серьезного обновления. Успех постановки «Старомодная комедия» 1985 года может служить одним из примеров такого культурного сдвига как в области проблематики и прочтения иностранного материала, так и в сфере камерной сценографии. «Старомодная комедия» Цао Цицзин, с одной стороны, является режиссерской удачей и примером тонкой адаптации материала для китайской аудитории, а с другой — отличается максимально бережным отношением к первоисточнику и умением передать не только его «букву», но и дух (отметим здесь тщательность самого перевода). В постановке учитывался в первую очередь психологический план, присутствовали музыкальные врезки в текст, подчеркивалась поэтичность языка. «Любовь на закате жизни, нерешительная, робкая, с оглядкой на стереотипы и пережитые драмы, — как писалось в одной из рецензий, — по самой своей сути поэзия» (Лю Цзя, Ван Ши, 1985, с. 34).

Критики сравнивали текст пьесы со «сладкими горными родниками», «свежими овощами, только что снятыми с грядки» (Лю Цзя, Ван Ши, 1985, с. 35), подчеркивая тем самым искренность и безыскусность чувств героев. Отмечалось, что автор не мог бы написать такой текст без большого жизненного опыта. Китайцы считают, что самый высокий уровень литературы — та, что создана «без специальной техники», основана на глубинных авторских переживаниях и знании жизни. Именно к таким произведениям, по мнению критиков, принадлежит «Старомодная комедия», напоминающая о том, что поэзия существует в обыденности, что важно жить не только воспоминаниями. Комментировалась также гражданская тема как важный социально-исторический фон пьесы Арбузова: его герои, как и он сам, принадлежат к поколению, прошедшему сложный путь лишений, военной молодости, но не утратившему надежд и оптимизма, любви к жизни (Чен Баочень, 1985, с. 15). Можно сказать, что спектакль Цао Цицзин озаменовал на китайской сцене возвращение к теме частного человека, в судьбе которого отразилась эпоха.

Постановка 1997 года

Ситуация в китайском театре 1990-х годов меняется. Огромное напряжение, пережитое обществом в предшествующие периоды истории, приводит к потребности прежде всего в развлекательном искусстве, возможности для зрителя полноценного отдыха. Сцены это коснулось напрямую, особенно если учесть конкуренцию со стороны кино и телевидения, куда все чаще уходили работать театральные актеры. С одной стороны, в девяностые годы активно заявляют о себе темы, которые долгое время находились в тени: внимание писателей и зрителей смещается на семейно-бытовые и психологические проблемы, перипетии частной жизни, в меньшей степени рассматривается влияние истории, идеологии и общества на судьбу отдельного человека. Отмечается заметный рост театральной аудитории, которая, как уже говорилось, устремляется в театр в поисках развлечений и отдыха. Этот

«социальный заказ» приводит к заметному оживлению жанра мелодрамы, с ее облегченными сюжетами, связанными с семейными и любовными перипетиями, яркой и эмоциональной передачей чувственного мира героев, ожидаемым счастливым разрешением конфликта и, что немаловажно, музыкальным сопровождением, усиливающим эмоциональное наполнение пьесы. О востребованности мелодраматических спектаклей в это время пишут многие критики, и именно мелодраматический потенциал пьесы Арбузова актуализируется в первую очередь. «Почему „Старомодная комедия“ снова популярна у китайской аудитории?.. Публике сегодня нужен отдых. «Нагруженные» пьесы увеличивают напряжение... именно камерные мелодрамы с легкомысленными сюжетами стали так популярны среди китайской аудитории», — пишет Инь Йонхуа, утверждая: «...тот факт, что зрители смотрят с удовольствием, уже сам по себе успех» (Инь Йонхуа, 1998, с. 4). С другой стороны, при всем отличии последнего десятилетия XX века от его середины они в чем-то очень похожи: снова на повестке дня строительство нового общества. Бодрость и оптимизм — именно то состояние духа, которое востребовано новой эпохой, и это то настроение, которым насыщены многие пьесы Арбузова.

В 1997 году отмечался 90-летний юбилей китайской драмы (Тянь Бэнсан, 1999, с. 6)⁵. Осенью того же года в Шанхайском драматическом центре был осуществлен спектакль в восьми частях по пьесе «Старомодная комедия». Исполнителями были Цао Лэй и Лу Чжичэн — известные китайские драматические актеры. Аудитория имела широкий возрастной и социальный диапазон и при этом тепло поддержала спектакль, который снова отозвался в сознании зрителя современным звучанием. Надо сказать, что в этот период перехода к рыночной экономике, когда повысился материальный и образовательный уровень жизни граждан, в погоне за удобствами люди нередко игнорировали ценности духовные, что очень точно уловили и вынесли на обсуждение театральные деятели. Трогательный сюжет и чистосердечные отношения героев «Старомодной комедии» как будто напоминали людям о той стороне жизни, которая не измеряется материальными благами и карьерным успехом. Способность немолодых героев пьесы стремиться к счастью, несмотря пережитые ими трудности и небольшой запас времени, действовала вдохновляюще на аудиторию, что и было отмечено в критике (Инь Йонхуа, 1998, с. 4).

Еще одним фактором успеха постановки стал высокий уровень профессионализма актеров, которые стремились не только постичь индивидуальные характеры персонажей, но и вписать их в мировой драматургический

---

⁵ Историки искусства связывают начало современного китайского театра и драмы с деятельностью театрального клуба «Чунью» («Весенняя ива»), который был организован в 1907 году в Токио китайскими студентами, приехавшими учиться в Японию. Спектакли «Дама с камелиями» и «Черный раб взывает к Небу» стали своего рода символами этого начала, когда театральное искусство Китая обратилось к западной традиции.

контекст. Так, Цао Лей, исполнительница роли Лидии (напомним, роль предназначалась Арбузовым для актрисы Марии Бабановой, которая сыграла ее в радиоспектакле 1979 г.) перед тем играла Нору в спектакле «Кукольный дом» по пьесе Г. Ибсена и высказала мнение о парадоксальной близости для нее, как актрисы, этих совсем на первый взгляд несхожих героинь: несмотря на их разную национально-культурную принадлежность, возраст и разведенность во времени, актриса находит много общего между ибсеновской героиней и Лидией «в их человечности» (Цао Лей, 1998, с. 7). Более того, оглядываясь на свою собственную жизнь, она обнаруживает внутренние связи с героиней — идеалы и энтузиазм юности, невзгоды, принесенные тяжелыми историческими обстоятельствами, а также боль от потери близких. Актриса полагает, что два человека могут выглядеть великолепно только в том случае, если они очень хорошо сотрудничают и чувствуют друг друга, как фигуристы на льду, — эти слова не только о работе с партнером по сцене, но и о взаимоотношениях арбузовских персонажей. Она пишет, что героиня пьесы «светится» и притягивает внимание, но это во многом благодаря герою, который «поддерживает ее снизу» (Цао Лей, 1998, с. 8).

Сценография этого спектакля более реалистична: в декорациях преобладают бытовые предметы, закрепляющие происходящее во времени и пространстве. Статуи в саду, растения в горшках, скамейки, надгробия на кладбище, одежда и причудливые украшения Лидии, пирожные и напитки в кафе — все это позволяет зрителю ощутить героев как своих современников. Насыщен звуковой фон спектакля, особенно его музыкальная составляющая: звучит музыка в кафе во втором акте, орган в третьем акте, джаз и танец чарльстон в пятом — во всех случаях используется оригинальная западная музыка. А в начало седьмого акта вносится «русский акцент»: Цао Лэй поет песню на русском языке.

Критики сравнивали спектакль и пьесу с фильмом Э. Рязанова «Вокзал для двоих» (1982). Оба произведения почти одновременно стали известны в Китае и заслужили признание. Так, театральный критик Лю Пинг указывает на сходную символизацию пространства в этих произведениях: вокзал в фильме и санаторий в пьесе — это «рай» для героев, в котором утихает их душевная боль (Лю Пинг, 1998, с. 30). Критик полагает, что творчеству обоих художников свойственны трагикомический пафос, лиризм интонаций, реалистичность в передаче быта и психологии героев, а также общее гуманистическое звучание и забота о человеке.

Среди многочисленных рецензий на спектакль есть заслуживающая внимания точка зрения, связанная с психоаналитическим подходом. Сравнивая арбузовских героев с персонажами китайских пьес о пожилых людях «Тонг Чуан Гун Ду»⁶ («Вместе в одной лодке» 同船共渡, Шэнь Хунгуан) и «Диао Инг» («Ловец ястребов» 釣鷹, Чан Чихуа), критик обнаружил, что у

---

⁶ В Китае есть поговорка: сто жизней надо, чтобы двое людей в одной лодке переплывали реку, тысяча лет требуется, чтобы двое людей разделили ложе.

этих героев проявляются детские черты — радость жизни, непосредственность реакций, тяготение к игровым формам поведения. Во всех этих пьесах присутствуют отсылающие к детству образы кукол, цирка, танца юности (чарльстон) и т.п. Таким образом, не только исторический, но и детский опыт на уровне подсознания является «манипулятором всего поведения взрослого» (Лю Пинг, 1998, с. 30).

Постановка 2019 года

Китайский театр в XXI веке переживает подъем. Древние национальные сценические традиции были значительно ущемлены в процессе социальных преобразований. Стремительная трансформация общественного сознания, социальной психологии и эстетики, переживаемый «футур-шок», а также законы рынка во многом определяют ритм театральной жизни в современном Китае, получившей «второе дыхание». У китайской аудитории тысячелетняя традиция просмотра сценических представлений — этот спрос лежит в сфере национальной психологии. Потребность в театральном зрелище не вытесняется доступностью кинематографа — тому доказательство строительство в современном Китае большого числа новых театров, стремление сегодняшней публики к более глубокому осмыслению современности. Китайский театр отошел от служения идеологии, восстановил свою развлекательную и игровую функции. Особенно популярны спектакли в небольших театрах, которые стали распространенной формой проведения досуга многих молодых людей. В целом театральный ландшафт Китая сегодня включает идеологически ангажированные театры, пропагандирующие идеи социализма (они поддерживаются и финансируются государством); коммерческий театр; чисто театральные проекты, не ставящие на первый план коммерческие цели.

В августе 2019 года «Старомодная комедия» была поставлена в Пекинском народном театре. Исполнителями главных ролей были Ли Юбин и Ши Лан-я, супруги и народные артисты КНР. Авторы спектакля использовали минималистичные условные декорации: занавес из пеньковых веревок, два кресла с подлокотниками, уличный фонарь и зонтик. Простой сценический дизайн фокусирует все внимание на актерам. Однако ему придается символический смысл: так, пеньковый занавес по мере движения действия понемногу расплетается, и к финалу веревки полностью распутываются, визуализируя мысль о том, что отношения между двумя людьми становятся яснее, а «узлы» (психологические зажимы) исчезают. Сценический дизайн спектакля целостный и динамичный, небольшая перестановка предметов позволяет зрителю вообразить изменение места действия: стена комнаты, сад, городская площадь, кладбище. Режиссер работает также с реквизитом, посредством которого усиливает психологическое звучание спектакля: например, пять раз в постановке фигурируют конфеты. Их сладость призвана контрастировать с горечью жизни героев, за спиной у которых война, потеря близких, одиночество. Вместе с тем конфеты напоминают об удовольствиях дет-

ства, о беспечности и счастье, которое последним лучом освещает поздние годы героев.

Большой успех постановки сопровождался многочисленными репортажами и критическими рецензиями. Отмечались обращение к общечеловеческим проблемам автора пьесы и сосредоточенность на них создателей спектакля. В ситуации, когда политический энтузиазм в обществе и идеологические критерии в искусстве угасают, комедия трогала людей обращенностью к теме любви, для которой нет возраста. Для китайского менталитета характерны сдержанный и осторожный подход к любовным отношениям, поощрение верности и преданности. Такой взгляд на любовь консервативен и в то же время координируется с системой ценностей в «Старомодной комедии». Пьеса показывает любовь одиноких и процесс преодоления одиночества. В книге «Искусство любить» Э. Фромм пишет: «Переживание отделенности рождает тревогу... Быть отделенным — значит быть беспомощным, неспособным активно влиять на мир — на вещи и на людей; это значит, что мир может нападать на меня, а я неспособен противостоять. Следовательно, отделенность — источник напряженной тревоги» (Фромм, 2007, с. 11). Умение героев жить полноценно, стремиться к счастью даже в финале жизни придает пьесе Арбузова жизнеутверждающее звучание; мастерски построенные остроумные диалоги при минимуме внешнего действия объясняют легкость ее восприятия (в том числе в переводе) и возможность адекватной рецепции в иной культурно-языковой среде. Счастье понимается драматургом не только как личное счастье, но и как важный критерий общественного бытия человека, смысл его существования: «Поиски смысла бытия — бесконечны; в поисках счастья проходит вся жизнь. Художник верит в то, что вне этих поисков жизни нет» (Василинина, 1983, с. 33).

Была также сделана попытка сопоставления арбузовской пьесы для двух актеров с Дуйци (对子) — одним из жанров китайской оперы, где сюжет рассчитан на двух персонажей и потому присутствуют два исполнителя. Критик сравнивает «Старомодную комедию» с пьесой «Сердце Миндального тофу» (杏仁豆腐のココロ) японского драматурга Тэй Ёсинобу и сопоставляет художественные принципы двух произведений (Ли Сяомэнь 2020, с. 23).

Популярность «Старомодной комедии» в Китае имеет и социально-психологическую мотивацию. В последние годы проблема старения выдвигается на передний план в стране. Прогнозируется, что доля пожилых людей в возрасте старше 60 лет достигнет 20% населения примерно к 2027 году. Традиционно для этой категории подавлять свои сексуальные желания, отношения пожилых часто пресекаются из-за сопротивления детей, неблагоприятных экономических условий и общественного мнения. В этот период смысл существования для человека утрачивается легче, как и радость жизни. «Старомодная комедия» обращает внимание молодых людей на психологические потребности и экзистенциальные проблемы в пожилом возрасте и может помочь пожилым людям пересмотреть свою жизнь и быть достаточно смелыми, чтобы признать свое право на счастье.

Заключение

Таким образом, рецепция «Старомодной комедии» в Китае обусловлена многими факторами — как общественно-политическими, так и эстетическими и ментальными. Приведенные постановки могут служить наглядным примером успешного бытования на китайской сцене инонационального (особенно российского) материала и трансформации современного китайского театра и зрителя.

Библиографический список

Василинина И.А. Театр Арбузова. М., 1983. 264 с.

Ван Юэюй. Переводческие исследования в Китае 20 века: «Желтая книга» как культурное явление // Вестник Гондунского университета иностранных языков и внешней торговли. 2010. № 3. С. 44 [王友贵《20世纪中国翻译研究：特殊年代的文化怪胎“黄皮书”》载于广东外语外贸大学学报，2010年第3期第44页].

Жи Ан. «Забота» друзей: Несколько театральных экспертов из братских стран о спектакле // Популярная медицина. 1958. № 1–12 [治安：朋友们的关怀——几位兄弟国家话剧专家对话剧会演的观后感 载于大众医学，1958年第1-12期93页].

Инь Йонхуа. «Старомодная комедия» на все времена // Сычуаньская драма. 1998. № 2. С. 4 [尹永华：不老的老式喜剧 载于四川戏剧 1998年第2期第4页].

История китайского театрального искусства / под ред. Тянь Бэнсан. Пекин, 1999. [田本相主编：《中国话剧》，文化艺术出版社1999年版，第6页].

Лю Цзя, Ван Ши. Непростая простота. Впечатления от советской драмы «Старомодная Комедия» // Театр. 1985. № 6. С. 34 [刘佳，王石：非凡之凡——看苏联当代话剧《老式喜剧》所受的启示 载于戏剧杂志 1985年第6期第34页].

Ли Сяомэнь. Краткий анализ художественного метода Дуйций // Дом театра, 2020. № 10. С. 23 [李晓萌“对子戏”的创作技巧简析 《戏剧之家》2020年第10期第23页].

Лю Пинг. Навстречу друг другу. Мысли о Старомодной комедии // Дом драмы. 1998. № 6. С. 29 [刘平：走近你我——由《老式喜剧》联想的 载于戏剧之家 1998年第6期第29页].

Руднев П. Драма памяти: очерки истории российской драматургии. 1950–2010-е. М., 2018. 266 с.

Фромм Э. Искусство любить / пер. Э. Спирова. М., 2007. 224 с.

Цао Лей. Приближение к Лидии. О репетиции «Старомодной Комедии» // Шанхайская драма. 1998. № 1. С. 7 [曹雷：走近丽吉娅——《老式喜剧》排演有感 载于上海戏剧 1998年第1期第7页].

Чен Баочень. «Старомодная комедия» Арбузова // Драма. 1985. № 6. С. 15 [陈宝辰：《老式喜剧》与阿尔布卓夫 载于戏剧，1985年第6期第15页].

Эюбова Р.Г. Жанровые особенности лирико-психологической драмы А. Арбузова «Старомодная комедия» // ELMİ İŞ. 2019. № 1. С. 76–82.

References

- Cao, L. (1998). Approaching Lydia. On the Rehearsal of the “Old-Fashioned Comedy”. *Shanghai Drama*, (1), 7. (In Chinese). [曹雷：走近丽吉娅——《老式喜剧》排演有感载于上海戏剧 1998 年第 1 期第 7 页].
- Chen, B. (1985). “Old-Fashioned Comedy” by Arbuzov. *Drama*, (6), 15. (In Chinese). [陈宝辰：《老式喜剧》与阿尔布卓夫载于戏剧，1985 年第 6 期第 15 页].
- Eyyubova, R.G. (2019). Genre Features of A. Arbuzov’s Lyric-psychological Drama “Old-fashioned Comedy”. *ELMI İŞ*, (1), 76–82. (In Russ.)
- Fromm, E. (2007). *The Art of Love*. Trans. by E. Spirova. Moscow: AST MOSCOW publ. (In Russ.)
- Liu, J., & Wang, S. (1985). Difficult Simplicity. Impressions from the Soviet Drama “Old-Fashioned Comedy”. *Theater*, (6), 34. (In Chinese). [刘佳，王石：非凡之凡——看苏联当代话剧《老式喜剧》所受的启示载于戏剧杂志 1985 年第 6 期第 34 页].
- Liu, P. (1998). Towards Each Other. Thoughts on an “Old-Fashioned Comedy”. *House of Drama*, (6), 29. (In Chinese). [刘平：走近你我——由《老式喜剧》联想的载于戏剧之家 1998 年第 6 期第 29 页].
- Li, X. (2020). A Brief Analysis of Duytsiy’s Artistic Method. *Theater House*, (10), 23. (In Chinese). [李晓萌“对子戏”的创作技巧分析《戏剧之家》2020 年第 10 期第 23 页].
- Rudnev, P. (2018). *Drama of Memory. Essays on the History of Russian Drama. 1950–2010*. Moscow. (In Russ.)
- Tian, Bensan. (Ed.). *History of Chinese theatrical art*. Beijing, 1999. (In Chinese). [田本相主编：《中国话剧》文化艺术出版社 1999 年版，第 6 页].
- Vasilinina, I.A. (1983). *Arbuzov Theater*. Moscow. (In Russ.)
- Wang, Y. (2010). Translation Studies in 20th Century China: The Yellow Book as a Cultural Phenomenon. *Bulletin of the Hordung University of Foreign Languages and Foreign Trade*, (3), 44. (In Chinese). [王友贵《20 世纪中国翻译研究：特殊的文化怪胎“黄皮书”》载于广东外语外贸大学学报，2010 年第 3 期第 44 页].
- Yin Y. (1998). “Old-Fashioned Comedy” for All Seasons. *Sichuan Drama*, (2), 4. (In Chinese). [尹永华：不老的老式喜剧载于四川戏剧 1998 年第 2 期第 4 页].
- Zhi A. (1958). “Caring” Friends: Several Theater Experts from Fraternal Countries about the Play. *Popular Medicine*, (1–12). (In Chinese). [治安：朋友们的关怀——几位兄弟国家话剧专家对话剧会演的观后感载于大众医学，1958 年第 1–12 期 93 页].

Сведения об авторах:

У Сюэцин, аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. ORCID ID: 0000-0002-1564-1834; e-mail: wxj2020@mail.ru

Монисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. ORCID ID: 0000-0002-3072-4267; e-mail: monisova2008@yandex.ru

Bio notes:

Xuejing Wu, postgraduate of Faculty of Philology, Moscow State University. ORCID ID: 0000-0002-1564-1834; e-mail: wxj2020@mail.ru

Irina V. Monisova, Ph.D. Candidate of Philology, assistant Professor of Faculty of Philology, Moscow State University. ORCID ID: 0000-0002-3072-4267; e-mail: monisova2008@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

FOREIGN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-68-85

УДК 821.411.21

Научная статья / Research article

Историко-культурные процессы и периодизация арабской литературы

В.Н. Зарьтовская

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10*

✉ widaad@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретической проблеме периодизации арабской национальной литературы. Вопрос деления арабской литературы на периоды уже давно находится в фокусе как арабских, так и западных, а также российских исследователей-литературоведов. Несомненно, анализа требуют такие приобретенные за последнее время в связи с ростом интереса к современной арабской литературе актуальность вопросы, как множественность и вариативность имеющихся периодизаций, причины несопадения периодизаций европейских и арабской национальных литератур, различные подходы к составлению периодизации арабскими и европейскими специалистами. Цель данной работы была обозначена как попытка продемонстрировать, прибегнув к анализу и сопоставлению, а также методу историчности, избыточность либо, наоборот, недостаточность некоторых периодизаций и использованных в них терминов, найти различные именованья одних и тех же периодов с теми же художественными принципами и временными рамками, а также установить факторы, которые оказали наиболее сильное влияние на пути развития арабской литературы. В ходе исследования делаются выводы о нецелесообразности соотнесения периодизации арабской литературы с общеевропейской, а также ключевой роли в истории арабской литературы ряда факторов. Во-первых, языкового (минимальные изменения в литературном языке с момента кодификации Корана в VII в.), который обеспечил преемственность и традиционность арабской литературы, веками сохранявшей и культивировавшей образные системы и стилистические приемы еще доисламского времени. Во-вторых, национального доминирования — чисто арабского или общемусульманского характера об-

щества. В условиях последнего произошло взаимообогащение литератур народов, включенных в халифат, что повлекло коренные изменения в жанровой системе и тематике арабской литературы. Автор таким образом проводит мысль о том, что самобытность арабской литературы обусловлена особенностями арабской доисламской культуры вообще и словесной культуры в частности и историческими процессами Средневековья на Ближнем Востоке, в первую очередь — стремительным становлением халифата в качестве государства имперского характера и пребыванием большинства арабских стран в составе Османской империи, где арабский язык не был государственным, с XIV в. и до территориального передела по результатам Первой мировой войны.

Ключевые слова: арабская литература, периодизация мировой литературы, доисламская поэзия, арабский язык

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 15 октября 2021 г., откорректирована — 3 ноября 2021 г.; принята к публикации — 18 ноября 2021 г.

Для цитирования: Зарытовская В.Н. Историко-культурные процессы и периодизация арабской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 68–85. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-68-85>

Historical and Cultural Processes and Periodization of Arabic Literature

Victoria N. Zarytovskaya

*Peoples' Friendship University of Russia,
10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ widaad@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical problem of the periodization of the Arab national literature. The issue of dividing Arabic literature into periods has long been in the focus of both Arab and Western, as well as Russian literary researchers. Undoubtedly, such issues, which have recently acquired relevance in connection with the growing interest in modern Arabic literature, require analysis from such points of view as the multiplicity and variability of existing periodizations, the reasons for the discrepancy between the periodizations of European and Arab national literatures and various approaches to the compilation of periodization by Arab and European specialists. The purpose of this work was designated as an attempt to demonstrate, using analysis and comparison, as well as the method of historicity, the redundancy or, conversely, the insufficiency of some periodizations and the terms used in them, to find different names for the same periods with the same artistic principles and time frames, as well as to establish the factors that had the strongest influence on the development of Arabic literature. In the course of the study, conclusions are drawn about the inexpediency of correlating the periodization of Arabic literature with general European, as well as about the key role of a number of factors in the history of Arabic literature. First, linguistic (minimal changes in the literary language since the codification of the Qur'an in the 7th century), that ensured the continuity and tradition of Arabic literature,

which for centuries preserved and cultivated figurative systems and stylistic devices of pre-Islamic times. Secondly, the factor of national domination — a purely Arab or general Muslim character of the society. Under the conditions of the latter, there was a mutual enrichment of the literatures of the peoples included in the caliphate, which entailed fundamental changes in the genre system and themes of Arabic literature. The author thus holds the idea that the originality of Arab literature is due to the characters of Arab pre-Islamic culture in general and verbal culture in particular and the historical processes of the Middle Ages in the Middle East, first of all — the rapid formation of the Caliphate as an imperial state and the including of most Arab countries a part in the Ottoman Empire, where Arabic was not the state language, from the XIV century and before the territorial redistribution of the results of the World War I.

Keywords: Arabic literature, periodization of world literature, pre-Islamic poetry, Arabic language

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: October 15, 2021; revised: November 3, 2021; accepted: November 18, 2021.

For citation: Zarytovskaya, V.N. (2022). Historical and cultural processes and periodization of Arabic Literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 68–85. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-68-85>

Введение

Арабская литература уходит корнями в раннее Средневековье. Самые древние из дошедших до нас памятников арабской словесности создавались в доисламскую эпоху, т.н. аль-Джахилию (от слова *джахль* — невежество, т.е. «язычество, время неведения истинной веры») и датируются VI веком н.э., когда мусульманское летоисчисление еще не было начато. При этом доисламские поэтические тексты, прежде всего т.н. муаллаки (досл. *подвешенные, нанизанные (как жемчужины)*) — избранные лучшие произведения Имрулькайса, Тарафы, Лябида, Зухейра, Антары, Амбра ибн Кульсума и Харисы ибн Хиллиды (Муаллаки), вывешенные по легенде в свое время на священной Каабе в Мекке, которой поклонялись еще в языческие времена, — представляют собой образцы уже зрелой поэзии и сегодня признаны шедеврами мировой литературы. Академик И.Ю. Крачковский писал: «Эта, оказавшаяся такой могучей и жизненной, поэзия встает перед нами... в полной законченности и совершенстве одинаково со стороны языка, метрической формы, объема тем и композиционных приемов... Некоторые лингвисты не без основания видят в ней апогей семитского языкового творчества: при первом взгляде бросается в глаза колоссальный запас слов, разработанность форм, гибкость синтаксических оборотов» (Крачковский, 1956, с. 247). Художественные достоинства этих произведений свидетельствуют скорее в пользу более раннего начала арабской словесности, чем тот временной задел, наследие которого мы можем документально предъявить. Учитывая

также тот факт, что доисламская поэзия бытовала в устной форме и декламировалась поэтом, рупором своего рода-племени, перед широкой публикой с целью воздействия на нее (посредством таких распространенных в ту эпоху жанров, как *заплачки*, *похвальба*, *высмеивание* и др.), можно предположить, что внушительная часть ее не была впоследствии зафиксирована в письменном виде, а более ранние произведения бесследно утрачены, оставшись неучтенными мировой литературной критикой.

Черты именно этой, самой ранней, доисламской литературы — ритмы, образы, эстетические принципы, языковые обороты — на протяжении более тысячелетия служили эталоном для арабских авторов. А сама ориентация на эти образцы была возможна лишь благодаря сохранению арабами традиционного консервативного общества, крепко держащегося своих корней и идеалов, а также тому, что арабский язык по факту кодификации его в Коране в 653 г. н.э. практически не подвергался каким-либо заметным изменениям ни в лексическом составе, ни в грамматическом строе. А это уже создавало прецедент некой непрерывной литературной традиции, растянувшейся на многие века, подобие которой мы не можем отыскать в европейских национальных литературах.

При этом арабская литература надолго «выпала» из мирового литературного процесса в том смысле, что она в силу объективных, прежде всего исторических, причин была рассинхронизирована с этапами развития европейских национальных литератур, которые, как известно, принято делить на периоды Античности, Средневековья, Возрождения, Романтизма, Классицизма, Модернизма и Постмодернизма.

Наследие Античности, безусловно, оказало огромное влияние на Арабский мир. В первую очередь — в научной сфере. Переводы трудов Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Диоскорида и др., осуществленные в основном в багдадском «Доме мудрости» (Байт аль-хикма), основанном в начале IX в. халифом аль-Мамуном, придали такой импульс арабской философской, медицинской и математической мысли, что Арабский мир в Средневековье опережал Европу, явив миру таких ученых, как Авиценна и основатель социологии Ибн Халдун. Арабские мыслители смогли не просто перенести фундаментальные научные идеи Античности на новую почву, но и развить их.

Однако на характере литературного творчества арабов античное влияние сказалось в меньшей степени, что объяснимо: литература в отличие от науки опирается не столько на универсальные понятия, сколько вполне конкретные, имеющие отношение к месту, времени, нации, культуре, религии и языку, определяющему, как известно, картину мира и мышление, на чем и основывается гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа¹.

---

¹ Лингвистической относительности гипотеза // Большая российская энциклопедия. 2004. С. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2145242> (дата обращения: 22.11.2021).

Тем не менее знакомство с эллинистической философией стало одной из причин «поворота» литературы арабов от эмоционального к логичному, от индивидуального к общечеловеческому.

Не последнюю роль в «уклонении» траектории развития арабской литературы сыграла сложная история Арабского мира с его периодом имперского могущества и культурного расцвета, который пришелся на европейское «темное» Средневековье (VIII–XII века Омейядского и Аббасидского халифатов), сменившись долгими веками стагнации и упадка, когда сама основа национальной словесности — арабский литературный язык перестал быть государственным языком, в том числе языком, поддерживаемым государством, для абсолютного большинства стран Арабского мира. Этот период пришелся на начало XVI — начало XX века, когда страны Магриба и Левант (Сирия, Палестина, Ливан), а также Ирак входили в состав Османской империи до поражения последней в Первой мировой войне.

Все перечисленные обстоятельства — от раннего расцвета поэзии, уникальной языковой ситуации, стремительных арабских завоеваний, приведших к небывалому культурному подъему, а затем длительная стагнация и колонизация арабских стран и незаслуженная, на наш взгляд, относительно невысокая популярность арабской литературы сегодня в мире — все это создало самобытный характер арабского литературного процесса и обусловило в большой степени отличную от европейской периодизацию арабской литературы, точнее — варианты ее периодизации.

Арабскими, западноевропейскими и, конечно, российскими исследователями были предложены различные схемы деления арабской литературы на периоды. Некоторые из них оказываются более общими, другие — дробными, одни деления представляются кому-то из исследователей оправданными, другим, наоборот, — необоснованными, опирающимися лишь на формальные показатели, как, например, нумерация столетий либо смена одних завоевателей другими. Поэтому задачей исследования мы ставили анализ имеющихся схем деления арабской литературы на периоды. А за цель приняли сопоставление факторов различной направленности, определивших судьбы и специфику арабской словесной культуры, по степени их значимости. Среди них — язык, место, время, набор художественных приемов, преобладание тех или иных жанров, этнический состав, заметное влияние культур других народов или отсутствие такового, динамика истории государства (расцвет или упадок), государственная формация (халифат, фактически империя либо ряд национальных государств со своими литературными процессами — Египет, Судан, Марокко, Сирия, Саудовская Аравия и др.).

Актуальность подобного рассмотрения, как нам кажется, обусловлена растущим интересом к современной переводной арабской литературе по всему миру, о чем свидетельствует все большее количество переводимых книг и «открытых» имен, в частности Ахмеда Саадави, Джохи аль-Харти, Юсуфа Зидана, Аля аль-Асуани и др. По нашему глубокому убеждению,

подлинное осмысление и оценка их произведений возможны лишь при условии знания того, какой именно путь проделала арабская словесность за многие столетия, почему арабы так гордятся ею, по какой траектории движется арабская литература и почему и чем она не похожа на европейскую.

Популярные периодизации арабской литературы

В академической арабской филологии принято следующее деление национальной литературы на периоды:

- 1) джахилийский (доисламский) (до середины V в.)
- 2) исламский (время праведных халифов и Омейядского халифата, существовавшего до середины VIII в.)
- 3) аббасидский (до середины XIII в.)
- 4) период современных государств (с XIV в. до наших дней) (درويش، 1996، ص. 5-6).

Очевидно, что в арабской традиции периодизация национальной литературы выстроена по принципу историзма, так как «повороты» в ее истории совпадают с ключевыми моментами истории арабов — принятие ислама, становление арабской государственности, смена династий и географии культурных центров. В связи с этим возникают вопросы общего характера: насколько точно исторические периоды могут совпадать с этапами развития национальной литературы и находится ли периодизация литературы в прямой зависимости от исторических событий? Достаточно ли учитывать только исторический принцип при составлении периодизации арабской литературы? Не является ли это ее спецификой, поскольку сами арабские исследователи выстроили периодизацию собственной словесной культуры по исторической парадигме?

Что касается используемой европейскими специалистами периодизации, то ее предложил французский переводчик Режи Блашер (Regis Blachere) (1900–1973 гг.), взявший за основу того или иного этапа, по его собственному выражению, «культурное и идеологическое единство» (درويش، 1996، ص. 8). Мы позволим предположение, что «под культурным и идеологическим единством» Блашер мыслил обусловленные образом жизни и мышления наборы художественных особенностей произведений той или иной эпохи. Так, доисламская поэзия, блестящее описание системы образов которой было представлено в работе советского востоковеда Б.Я. Шидфар, выделяется на фоне всей последующей арабской литературы совокупностью следующих принципов: демонстрацией «тесной связи человека с природой, его стихийного материализма» (Шидфар, 2016, с. 58), «несвязностью, сюжетной дробностью» (Шидфар, 2016, с. 55), «эстетикой привычного» (Шидфар, 2016, с. 31), отсутствием индивидуальности у эпических героев» и др. Приведем в качестве иллюстрации муаллаку Имруулькайса:

*Постойте, поплачем над жилищем брошенным
В сыпучих кривых песках Дахула и Хаумала!*

*Стоянка любимой меж Микратом и Тудихом,
Не стерлись ее следы, их буря не замела.*

*Газелий помет, как зерна перца, рассыпан тут,
На месте пустынном, где кострища видна зола.*

*Я помню, когда они верблюдов навьючили
Под утро — еще над нами не рассеялась мгла,*

*Я был у загона под кустами колючими,
Слеза колоквином горьким вниз по щеке текла.*

(Перевод А.А. Долининой.
Письменные памятники Востока, 2013, с. 32)

Поэтому доисламскую эпоху иногда называют также «арабской античностью», а последующую эпоху, по аналогии с европейской литературой — классикой. Однако термины «античность» и «классика» применимы к арабской литературе, на наш взгляд, несколько в ином значении: первое в значении «древний», т.е. демонстрирующий первобытное мышление, а второй — в значении «золотой». Тот период, который принято называть классическим в арабской литературе, а у Блашера это VIII век, у других шире — VIII–XII века, не совпадает по временным рамкам с европейским классицизмом XVII–XIX веков, более того — значительно предшествует ему. При этом арабская классика сформировалась во многом благодаря именно переводам, толкованиям, адаптации и развитию именно эллинистической античной философии разума, в первую очередь — сочинений Аристотеля и Платона. Так, если в художественной парадигме комического в доисламскую эпоху в основном высмеивались, а точнее — поносились, индивидуальные физические качества представителей враждебного клана (чрезмерная полнота, например, поражение проказой), то в арабской классике предметом не эмоциональной, а логической уже сатиры становилась общечеловеческая глупость, жадность, невежество и другие качества, противоречащие разумному, например, самый известный сборник анекдотов основоположника арабской литературной критики аль-Джахиза (775–868 гг.) получил название «Книга о скупых». Благодаря такому подходу в работе Блашера 1960 г. «Moments» *tournants dans la littérature arabe* было обозначено пять периодов арабской литературы (8. درویش، 1996، ص. 8):

- 1) доисламский период (до середины VII в.);
- 2) золотой век (до середины VIII в.);
- 3) период малых государств (точнее — нескольких культурных центров, он же Аббасидский период в арабской классификации);
- 4) османский период (с начала XVI в. по середину XIX в.);
- 5) современный период (с 1860 — по сей день).

Как видим, примененная Р. Блашером терминология не единообразна — периоды выделяются один относительно религии (язычество-единобожие), другой — государственного устройства, третий — согласно простой линейной хронологии и даже оценки — «золотой». Противоречивым может показаться то, что доисламский период с его муаллаками, ставшими на столетия вперед образцом для подражания, не вошел в золотой век арабской литературы. Подобный вопрос возникает и о периоде Аббасидов: следует ли его рассматривать тогда как упадок, если он также не был включен в «золотой век»? Хотя это, по нашему глубокому убеждению, неверно, поскольку именно для периода правления Аббасидов характерно разнообразие жанров и интенсивное обогащение приемов и мотивов за счет восприятия литературного наследия соседних включенных в халифат народов. В эпоху Аббасидов творили такие масштабные фигуры, как Абуль Аля аль-Маари, Ибн аль-Мукаффа, аль-Бухтури, аль-Мутанабби, Абу Нувас и др. Культурный упадок начался гораздо позже — с приходом завоевателей с Востока и развалом Аббасидского государства в XIII в. Тем не менее выделенные Р. Блашером периоды обладают своего рода спецификой. Неразделенный в арабской традиции османский и современный периоды характеризуются разнонаправленной динамикой (стагнация — стремительное развитие). А современный период начинается спустя полвека после военной и научной кампании Наполеона в Египет, когда уже видны были результаты тесного взаимодействия цивилизаций, отразившегося в том числе на литературе обеих сторон света. О значимости даты 1798 г. американский ориенталист палестинского происхождения Эдвард Саид писал: «Именно с наполеоновской оккупацией Египта пришел в движение процесс выстраивания отношений между Востоком и Западом, который до сих пор определяет наши культурные и политические перспективы (Саид, 2006, с. 67).

Также в исследовательских материалах (Арабская литература) можно встретить такие деления, как

- 1) чисто-арабский период;
- 2) общемусульманский классический период;
- 3) послеклассический период;
- 4) упадок;
- 5) возрождение под влиянием европеизма.

В данной попытке периодизации, построенной на национально-религиозном принципе, находит выражение идея о том, что арабоязычная литература того периода, когда арабы существовали в рамках Аравийского полуострова, а это эпоха до арабских завоеваний и до распространения ислама, существенно отличается от арабоязычной литературы в рамках географии расширившегося впоследствии Арабского мира в условиях тесных культурных контактов арабов с другими народами — персами, берберами и др. Вместе с тем классическим периодом арабской литературы назван именно общемусульманский период, а не чисто арабский, которому «отказано» в классичности.

Приведем еще одну из встреченных нами классификаций (Стоянова, 2012, с. 8–9), основанную на совмещении хронологического принципа и формы передачи текста (устная либо письменная):

- 1) древнеарабская устная словесность;
- 2) средневековая арабская литература (VIII–XVIII вв.);
- 3) новоарабская литература (XIX — начало XX).

Таким образом, мы сталкиваемся с сосуществованием в научном обиходе вариантов периодизаций арабской литературы, основанных на различных принципах, принимающих во внимание тот или иной набор факторов, формирующих единство конкретного литературного периода, а иногда основанных и на одном-единственном факторе, например хронологическом либо национальном. С одной стороны, множественность периодизаций арабской литературы обусловлена самой сложностью проблемы периодизации в мировой литературе, а с другой — как нам кажется, объективно неодинаковыми взглядами на арабскую литературу изнутри (с Востока) и снаружи (с Запада), а также очевидным несовпадением периодизации арабской литературы с периодизацией литератур европейских. Кажущаяся неполнота либо однобокость каких-либо периодизаций связаны со сложным соотношением факторов, оказавших влияние на арабскую литературу. Как видим, зачастую исследователи для одного периода ключевым по праву могут считать фактор языковой формы (устное бытование), для другого — отрицательную динамику развития литературы, ее застой и все вытекающие из этого последствия. Один и тот же период с определенным набором характеристик может получать обозначение как по динамике развития литературы — *период упадка*, так и по государственному образованию — *османский период*. Безусловно, отдельного рассмотрения заслуживают факторы развития арабской национальной литературы, учтенные в различных ее периодизациях.

Анализ факторов, учтенных в различных периодизациях

1. Фактор языка. Прежде всего при составлении периодизации арабской литературы следует исключить такой важный для понимания истории развития европейских национальных литератур фактор, как язык. В отношении близких нам европейских языков, в их числе и русского, мы наблюдаем в историческом срезе непрерывные грамматические (морфологические на уровне слова и синтаксические на уровне построения предложений) изменения, а также сдвиги в семантике слов и фонетические преобразования, которые меняют «облик» лексических единиц. Самым ярким примером фонетических исторических преобразований в русском языке можно было бы назвать процесс падения редуцированных гласных, завершившийся в XII в., в результате которого сформировался иной фонетический строй (Трубецкой, 1987). Подобные изменения передаются от поколения к поколению, накапливаются и, по подсчетам специалистов, каждые 500 лет являют нам другой вариант языка, носители которого уже не воспринимают тексты 5-вековой

давности так, чтобы полноценно понимать их смысл, не говоря уже о коннотациях, аллюзиях и т.п. Другими словами, мы с трудом поймем текст XVI века, также и для русских людей XVI века текст XI века, надо думать, представлял определенные трудности и не мог стать литературным произведением, которое свободно читается, осмысливается, изучается и в конечном итоге оказывается живой частью современной им культуры. Однако эти рассуждения не применимы к ситуации с арабским языком.

Арабский язык является уникальным во многих отношениях. Зафиксированный в Коране в VII веке диалект племени курейш — одного из влиятельнейших родовых образований Аравийского полуострова, из которого происходил Пророк Мухаммед, сохранил на протяжении всех последующих столетий свойственные ему фонетические нормы, грамматическую структуру и максимально возможно лексический состав. Незначительные изменения в последнем обусловлены изначально присущей языку подвижностью: с одной стороны, естественной убылью части лексики в класс архаизмов, называющих уже вышедшие из употребления вещи, с другой — прирастанием неологизмами, которые обозначают новые вещи и явления — недавно изобретенные либо заимствованные. Характерно, что и для этого арабский язык в основном использует не заимствования, а добавляет значения к уже имеющимся словам, семантика которых пересекается с семантикой неологизма. Так, к примеру, лексическая единица *قطار* [qytaaʀ] — в современном употреблении *поезд* известна арабам более 1700 лет, так как ранее слово применялось для описания каравана, а слово *سيارة* [sayyaarat], в современном употреблении *машина*, встречается в одном из аятов (4. ص، 1996، درويش). В арабском не произошло ни замены исконной лексической единицы на другие, ни полного переосмысления ее значения. А это значит, что для чтения поэзии Имруулькайса, например, творившего полторы тысячи лет назад, современному арабу нет необходимости быть специалистом по исторической лингвистике и вообще обращаться к толковому словарю родного языка.

И это оказывается крайне важным для направления всего национально-литературного процесса: языковое единство прошлого и настоящего работает на то, что произведения тысячелетней давности активно читаются, осмысляются и переосмысляются, участвуя в формировании современной арабской личности, а их художественные особенности и приемы копируются в современной литературе, зачастую получая второе рождение. Например, поджанр «Ан-нунийя» — стихосложение, при котором каждая строка опирается на рифму на согласный нун — звук [н] (Фильштинский, 1985, с. 53) — встречается как у крупнейшего поэта Андалусии XI в. Ибн Зейдуна, дамасского богослова начала XIV в. Ибн Кайима аль-Джаузии и у оманского просветителя начала XX в. Абу Муслима аль-Бахляни. А «вслед за аль-Бахляни поэт Мухаммед Абдулла бен Асимин из Катара (ум. в 1944 г.) представил свое стихотворное прославление монарха Саудовской Аравии короля Абдель Азиза Аль Сауда в том же ритме и с той же рифмой, что и «ан-Нунийя», после того как последняя была полностью, несмотря на объем-

ность, напечатана в известном журнале стран Залива «аль-Кувейт». Арабские исследователи отмечают, что язык выдающихся поэтов XX века, таких как Низар Каббани из Сирии, Ахмед Шауки, Таха Махмуд, Махмуд Хасан Исмаил из Египта и др., является органичным продолжением доисламской поэзии (5 درويش، 1996، ص. 5), находясь с ней как бы в одной плоскости, но на другом временном отрезке, и читается она также, как арабская поэзия любой другой эпохи или географии, например, андалусская поэзия, достигшая своего расцвета на территории современной Испании в VIII–XIV веках в творчестве Абд ар-Рахмана, Ибн Абд Раббихи, Ибн Кузмана и др.

Таким образом, фактор языка при периодизации арабской литературы не может служить маркером того или иного периода. Поскольку арабский литературный язык един, по крайней мере с того времени, как литературные памятники письменно фиксируются, мы не можем поделить арабскую литературу на написанную на одном арабском языке и на каком-то другом арабском — древнем, средневековом и т. д.

2. Фактор религии. Как видно в приведенных выше схемах, практически все специалисты при попытке периодизации арабской словесности ставят водораздел между доисламской литературой и литературой исламского периода. Здесь хотелось бы отметить безусловную обоснованность выделения эпохи аль-Джахилии в отдельную ступень развития арабской культуры вообще на основании существования в тот временной отрезок особой поэтики, выразившейся в системе образов, ритмике, тематике произведений, форме бытования текста и др. Ее особенности, в свою очередь, были обусловлены родоплеменным строем арабов Аравийского полуострова (например, жанр песни мести *саар*), отсутствием у них централизованного государства и правительственных структур, языческой мифологией и мышлением, полукочевым образом жизни, относительной изолированностью, исключаяющей заметное влияние других культур. Как указывает А.В. Коротаев и соавторы, доисламская поэзия расцвела «с характерным для доисламской Мекки отсутствием политической централизации и относительно высоким благополучием населения, когда заметная часть населения Мекки могла позволить себе роскошь систематически думать о чем-то отличном от хлеба насущного, а с другой стороны, не бояться преследований борющегося с инакомыслием государственного аппарата» (Коротаев, Клименко, Пруссаков, 2007, с. 59).

С одной стороны, все эти характеристики начинают стираться с приходом ислама, который в корне меняет жизнь бедуинских племен, нивелирует родоплеменные отношения, объединяет их под единым знаменем ислама, вводит централизованную систему управления и налогов, выводит их с Аравийского полуострова и расселяет на территориях родственных и неродственных арабам народов, что приводит к необратимым процессам взаимодействия и взаимообогащения культур и переходу к оседлому городскому образу жизни. Однако ислам сам по себе как религия, мировоззрение и мироотношение здесь, скорее всего, выступает не в качестве причины поворота, который совершила арабская литература в последующие за жизнью Про-

рока века, а как катализатор, повлекший за собой настолько глобальные социальные изменения в жизни арабов, что они сказались в том числе и на литературных формах творчества. Фактор ислама, о чем будет речь идти ниже, неизменно сопровождается иными факторами общественной жизни, что говорит не в пользу его самостоятельности в данном контексте. К тому же, следуя логике противопоставления доисламский (не исламский)/исламский период, нам оставалось бы установить только два периода в развитии арабской литературы — языческий, который закончился в VII в., и исламский, длящийся по сей день. Очевидно, что это был бы крайне грубый подход, при котором не просматривалась бы разница методов средневековой новеллы и художественных приемов лауреата Нобелевской премии по литературе в 1988 году египтянина Нагиба Махфуза, который, как известно, был соблюдающим мусульманином.

С другой стороны, обращает на себя внимание то, что в отличие от доисламской поэзии «в Коране, зародыше формирующейся монотеистической религии, мы видим попытку объяснения вечных вопросов... попытку создать определенную философскую систему... но в пределах этого различия видны особенности, объединяющие образную систему Корана с древнеарабской, ибо эстетическое восприятие мира не изменилось» (Шидфар, 2016, с. 101).

Если углубляться в разговор сугубо о религии, то есть исторические свидетельства того, что Пророк осуждал стихосложение, равно как находились свидетели того, что он признавал право поэзии на существование. Поэтому мы будем придерживаться той точки зрения, что Пророк осуждал именно **праздное** стихосложение. В Коране и хадисах мы можем найти слова, в которых на первый взгляд осуждается поэзия: *А за поэтами следуют заблудшие* (сура «аш-Шуараа», аят 224). Позволим себе также предположить, что Пророк выступил против некоторых поэтов, поскольку в период становления ислама среди обладателей красноречия находились противники единобожия, а ислам в первые годы распространялся по Аравийскому полуострову сложно. И наоборот, например, в одном из хадисов наиболее известный сподвижник Пророка Мухаммеда, выходец из Йемена Абу Хурайра (603–678 гг.) передает, что Посланник Аллаха хвалил стихи поэта Лябида (1768/4, 1991, أبو الحسين مسلم بن الحجاج). Переводчик Корана, выдающийся советский ученый И.Ю. Крачковский (1883-1951) отмечал, что Мухаммед — сам поэт, который достигал поэтического эффекта, а о художественных особенностях и достоинствах Корана до сих пор идут филологические дискуссии (Alharbi, 2021; Bettayeb, 2021; Shair Ali, Abdul Mujeeb, Zainab, 2021 и др.). Есть также исторические факты того, что и ближайшее окружение Пророка, например его младшая жена Айша, игравшая после его смерти определенную политическую роль, высказывалась в стихотворной форме. Да и разные другие фигуры смутных времен халифата оставили после себя по тому или иному поводу рифмованные строки (Большаков, 1998, с. 41). То есть и в раннем халифате поэзия — оружие слова — продолжала играть ту же роль,

что в доисламское время. Другими словами, инерционная волна джахилийской поэзии сходилась, но не была остановлена религией.

По большому счету, «события из жизни и деятельности Мухаммеда, в том числе — проливающие свет на взаимоотношения Пророка с поэтами, не поддаются строгой научной проверке. Историческая личность Мухаммеда после его смерти обросла бесчисленным числом преданий. Так, лишь один из его авторитетнейших биографов — аль-Бухари (ум. в 850 г.) собрал и записал более 7 тысяч легенд, из которых он сам посчитал правдоподобными только тысячу. Однако, даже если принять версию отрицательного отношения Пророка к поэзии, при жизни его влияние распространялось лишь на малую часть Аравийского полуострова в районах Мекки и Медины (Йасриба) и соседних с ними оазисов и после его смерти традиции доисламских поэтов были продолжены, но уже при дворе Омейядов. Напомним, что от начала ниспослания Пророку аятов до установления власти халифов-Омейядов прошел всего 51 год, с 610 по 661.

3. Фактор национально-культурного доминирования. Наиболее существенным мы находим фактор национального доминирования, на основании которого в арабоязычной литературе выделяют чисто арабский период и период многонационального государства — халифата, фактически империи. В первом временном отрезке арабы существовали, не испытывая заметного влияния соседних народов, и продолжали свои традиции, унаследованные с языческих времен. Традиции эти были настолько сильны, что основная из них — родоплеменная сплоченность и семейственность — даже при праведных халифах, т.е. в централизованном исламском государстве, не раз оказывалась сильнее транслируемого исламом равенства и интересов государства. В смутное время к тому или иному политическому блоку, например в случае исторического выступления против Али как праведного халифа Айши и в ходе последующей борьбы за Басру, к той или иной стороне примыкали или откалывались именно племенами и родами (Большаков, 1998, с. 29–42).

В период завоеваний арабы «насаждали» свою культуру завоеванным народам и неизбежно с Кораном распространяли по Ближнему Востоку и Северной Африке арабский язык, расширяя его ареал, а значит, и арабскую словесность. Как отмечает А.В. Кортаев с соавторами, очевидное культурное доминирование арабов сохранялось при первой династии халифов — Омейядах, т.е. условно до 750 г. (132-го г. по хиджре). Он пишет: «В Омейядском халифате существовало, хотя и не формальное, но исключительно сильное социальное давление на исламизированные группы неарабов, фактически заставлявшее их перенимать арабские нормы и практики, даже если они не имели прямого отношения к исламу...» (Кортаев, Клименко, Пруссаков, 2007, с. 63). Неслучайно в арабской исторической традиции используется термин не *завоевания*, а *открытия* — *al-futuuh* или *al-futuuh al-'islaamiyyah*. Таким образом подчеркивается просветительская роль арабов в жизни завоеванных (открытых ими) народов и их заслуга в передаче истинного по их глубокому убеждению религиозного знания.

Вскоре в стремительно за век-полтора «раздувшейся» империи, где большинство населения составляли уже не арабы, произошли неизбежные изменения: представители других народов, овладевшие арабским языком, в первую очередь персы, переносили на арабскую почву плоды своего многовекового развития и литературного творчества. Среди них принадлежавший к знатному персидскому роду и поступивший на государственную службу к Аббасидам Ибн аль-Мукаффа (724–756 гг.), осуществивший перевод на арабский «Категорий» Аристотеля, «Книги государей» и басен «Калила и Димна». В результате развитие получил целый ряд новых жанров поэзии и прозы: любовная и философская лирика, новеллы, народный роман, гиперболически-хвалебные оды, изящные газели, появились новые метры, «неожиданные» темы, в том числе запрещенные в исламе. Так, «пьяный» гедонизм и эпикурейство поэта Аббасидского халифата Абу Нуваса (ум. в 810 г.) породили застольные песни и охотничьи стихи, а также способствовали окончательному оформлению в отдельный жанр *хамрийят* винной поэзии и жанр *зухдийят* короткого лирическо-философского произведения. Приведем пример первого из них:

*Кубки, наши соколы,
За вином летают,
Лютни, наши луки,
Сладостно играют.
Наша дичь — газели.
Утренние зори.
А добыча — девушки
С нежностью во взоре.
С пылками сраженьями
Наши ласки схожи.
И бои ведем мы
На любовном ложе.*

(Абу Нувас. Перевод М. Кудинова)

4. Династический фактор. В арабском литературоведении расхожими являются термины «омейядская литература» и «аббасидская литература», подразумевающие различный характер арабской словесности при правителях Омейядах со столицей в Дамаске (661–750 гг.) и правителях Аббасидах со столицей в Багдаде (с 750 г. — до захвата Багдада татарами-монголами в 1258 г.). В арабской среде эти термины обоснованы глубоким пониманием собственной истории и осознанием исторических и культурных различий между двумя эпохами. В то же время для западных и российских исследователей, в случае если они не являются востоковедами-историками, непонятно, какой именно вклад в литературу внесли представители династий и какая между ними разница, кроме хронологической — Аббасидский халифат следовал за Омейядским. А между тем главное их отличие — именно наци-

ональное доминирование арабов, о котором мы говорили выше и которое закончилось с расширением халифата на восток в сторону Ирана и с допущением представителей других культур ко двору и управлению государством, с ростом их веса при Аббасидах, в том числе в литературной сфере.

Если придерживаться принципа исторической точности, то процесс культурного уравнивания арабов с другими национальностями знаменует собой не само начало правления Аббасидов в качестве лидеров, а так называемая Аббасидская революция (многосторонняя гражданская война) 747–750 гг., завершившаяся ликвидацией неполноправного положения немусульман-арабов, стиранием остроты противопоставления арабско-бедуинского чуждому и постепенной арабизацией вошедших в халифат народов.

5. Динамический фактор. Не менее важен динамический фактор, показывающий развитие, движение вверх либо стагнацию, снижение творческого потенциала литературы. На его основании мы четко отделяем все перечисленные выше периоды вместе, динамика которых очевидна — к индивидуализации героев, разнообразию жанров, тем, накоплению различных художественных приемов и открытости другим национальным литературам, от длительного периода упадка, охватившего несколько веков и закончившегося формированием множества национальных арабских литератур — египетской, саудовской, ливанской и т.д., которые, в свою очередь, пошли на следующий виток развития и изменений, впитав современные тенденции европейской литературы модернизма и постмодернизма (Суворов, 2010).

Действительно, череда завоеваний части территорий Аббасидского халифата татара-монголами и сельджуками обернулись феодализацией и ослаблением центральной власти, что обычно сопровождается известной экономической, а впоследствии и культурной стагнацией. Однако закономерно, что именно в этот период нашествий рождается своеобразный арабский средневековый декаданс, для которого характерно пессимистическое безразличие к реальности. Ярчайшим явлением арабской культуры этого периода стали мистики суфии и их представитель от литературы Ибн Араби (1165–1249 гг.).

*О, сжальтесь, уймите тревожные песни печали,
Чтоб скорбь не проснулась, чтоб струны души не звучали.*

*О, душ перекличка! О, зовы тоскующей птицы
На тихом восходе и в час, когда солнце садится!*

(Ибн Араби. Перевод З. Миркиной)

Дальнейшее включение арабских территорий в Османскую империю не принесло столь известных имен, как Ибн Араби. В этот период, как мы указывали выше, арабский язык перестал быть государственным. На арабском писали много, но вычурно, а основными жанрами были развлекательные сборники, народные повести и анекдоты, признанные низкими жанрами

словесности. Следующий период арабской литературы на основании динамического фактора мы вправе обозначить лишь после османского периода арабской истории, когда появляется новоарабская литература, а сам виток культурного роста получает в арабских странах название ан-Нахда — *Возрождение*. В арабских странах просветители вдохновляются как Французской буржуазной революцией, так и мировым литературным наследием, среди которого не последнее место принадлежит русскому классику Льву Толстому (Аль-Манфалути, 1981, с. 80–87). После Первой мировой войны популярность приобретают публицистика, сентиментальные жанры, а также социально-бытовая новелла (творчество Адиба Исхака, Мустафы Камиля, Джебрана Халиля Джебрана и др.).

Пожалуй, вершиной современного периода следует назвать творчество первого и на сегодня единственного арабского нобелевского лауреата по литературе (за 1988 г.) Нагиба Махфуза (1911–2006 гг.), привлечшего интерес мировой общественности к арабской литературе. К сожалению, после Нагиба Махфуза международную литературную премию получил только один автор из Арабского мира — оманская писательница Джох аль-Харти за роман «Небесные тела» (2011 г.), победивший в конкурсе переводной на английский язык литературы (The Man Booker Prize — 2019). Однако в мировом масштабе арабская литература переводится в новейший период несравнимо больше, нежели ранее. И это говорит о ее растущем потенциале и возрастающем к ней интересе читателей по всему миру, несмотря на сохранение ею самобытности и инаковый путь развития.

6. Фактор смены государств. При ближайшем рассмотрении фактор смены государств делит арабскую литературу на те же хронологические отрезки, что и динамический фактор. Очевидно, что расцвет/упадок литературы зависит от уровня образования на языке, которому в османский период, т.е. период колонизации арабских стран, уделялось меньше внимания. Фактор смены государства также перекликается с династическим фактором, когда мы говорим о смене Омейядской династии на Аббасидскую. Поэтому мы выскажем предположение об изъятии этого фактора при составлении периодизации арабской литературы как дублирующего, при условии, что династический и динамические факторы одновременно принимаются в расчет.

Заключение

Итак, мы сделали попытку рассмотреть различные существующие в арабской и зарубежной (по отношению к арабским странам) критике периодизации арабской национальной литературы. Мы не ставили себе целью дать оценку трудам упомянутых нами исследователей, полагая, что каждая из классификаций, которая не противоречит фактологическим данным, не только имеет право на существование, но более того, обогащает наше восприятие арабской литературы и понимание ее истории.

Мы обнаружили в научном обиходе различные именованя периодов развития арабской литературы, которые обозначают практически один и тот же временной отрезок, одну и ту же художественную систему, но в то же время именуется по-разному, исходя из того, какой фактор автора периодизации принимает в качестве ключевого. Так, *период малых государств* вполне соответствует *аббасидскому периоду*, *древнеарабская устная словесность* — *джахилийскому (доисламскому) периоду*, а также *чисто арабскому*. А *период упадка* соответствует в других классификациях *османскому периоду*, в зависимости от фокуса исследователя — на динамике либо на государственной принадлежности. Также термин *новоарабская литература*, выбранный на основе временного фактора, следует, по нашему мнению, признать синонимом *периода возрождения под влиянием европеизма*, поскольку заметное влияние европейской литературы на арабскую имело место именно в Новое время.

Отдельный интерес для нас представляло сравнение периодизаций европейских с арабской, показавшее, что для представителей Арабского мира литературный процесс тесно связан с событиями истории и его прямая зависимость от хода исторических событий, разворачивающихся на Ближнем Востоке, очевидна.

Оценив влияние различных факторов на развитие арабской национальной литературы, мы выделили два из них, участвовавших в формировании самобытного характера арабской литературы вообще. В качестве основного — фактор языка, определивший сохранение некоторых литературных традиций на тысячелетие, а также в качестве поворотного — фактор национального доминирования, который сблизил литературные традиции арабов, персов и других включенных в халифат народностей, обогатив их словесные культуры и дав им толчок к последующему развитию.

Наше исследование также показало неравноценность факторов в определении периодов развития литературы вообще и их частичное наложение друг на друга. Подчас сложным представлялось определить, какой из факторов был катализатором социально-культурных преобразований, а какой из них был их следствием. Очевидно, что такие пересекающиеся понятия, как династия и государство, обозначают частично совпадающие факторы и оставляют ряд вопросов: в период халифата династия и есть государство? Как применить династический принцип ко времени национальных государств? Имеет ли прямое отношение та или иная династия к литературному процессу? Все это приводит нас к выводу о сложности и многоаспектности факторов, влияющих на выделение того или иного периода в арабской литературе. Иногда названный специалистами фактор выступает как катализатор литературных процессов, иногда — как следствие другого фактора, за которым стоят глубокие общественные и исторические преобразования.

Библиографический список

Абу Н. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st030.shtml> (дата обращения: 22.11.2021).

Аль-Манфалутти М. Толстому // Арабская романтическая проза XIX–XX веков. Ленинград: Художественная литература, 1981. С. 80–87.

Арабская литература. URL: <http://granat.wiki/enc/a/arabskaya-literatura> (дата обращения: 24.10.2021).

Большаков О.Г. История халифата. Между двух гражданских войн 656–696. М.: Восточная литература, 1998. 382 с.

Ибн аль-Араби. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st060.shtml> (дата обращения: 02.11.2021).

Имруулькайс. Муаллака / Литературный перевод с арабского языка А.А. Долининой // Письменные памятники Востока. 2013. № 1(18). С. 32–38.

Кортаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2007. 112 с.

Крачковский И.Ю. Арабская поэзия: избранные сочинения. Т. II. М.–Л.: Академия наук СССР, 1956. 702 с.

Муаллаки. URL: <http://alcala.ru/literaturnaia-enciklopedia/slovar-M/4676.shtml> (дата обращения: 05.11.2021).

Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 639 с.

Стоянова Н.И. История литературы стран второго иностранного языка. Махачкала: Издательство ДГУ, 2012. 83 с.

Суворов М.Н. Постмодернизм в арабской литературе // Постмодернизм в литературах Азии и Африки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. С. 72–122.

Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143–167.

Фильштинский И.М. История арабской литературы. V — начало IX века. М.: Наука, 1985. 531 с.

Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Марджани, 2016. 322 с.

Alharbi M. Linguistic Appropriateness in the Quranic Text // College of Arts and Humanities Journal. 2021. P. 417–461.

Bettayeb N. Speech Synthesis System for the Holy Quran Recitation // International Arab Journal of information Technology. 2021. № 18 (1). P. 8–15. <https://doi.org/10.34028/iajit/18/1/2>

Shair Ali K., Abdul Mujeeb B., Zainab A. Quran and Metonymy: Literal, Semantic and Metonymic Translation (Analysis of English Translation of Quranic Verse). Fahm-i-Islam. Biannual Research Journal. 2021. January-June. Vol. 4. № 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.37605/fahmiislam.v4i1.132>

Ахмад Дарвиш. Мадхаль 'иляль 'адабиль 'арабийийиль хадис. Аль-Кахира. Дар аль-ма'ариф. 2008. 199 с. [أحمد درويش. مدخل إلى الأدب العربي الحديث. القاهرة: دار المعارف، 199 ص. 2008].

Абу аль-Хусейн Муслим аль-Хаджджадж. Сахих аль-муслим. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмийя, 1991. 2932 с. [أبو الحسين مسلم بن الحجاج. صحيح المسلم. بيروت: دار الكتب العلمية، 1991 ص. 2932].

Сведения об авторе:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. ORCID ID: 0000-0001-9910-7913; e-mail: widaad@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-86-93

УДК 821.581

Научная статья / Research article

Образ женщины в китайской лирике периода Шести династий

Д.Е. Малахевич

*Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1*

✉ malakhevichd@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются особенности женских образов в китайской лирике периода Шести династий (Лючао). Приводится их типологическая характеристика в контексте указанного периода, а также намечена эволюция образов в сопоставлении с предшествующими эпохами. Отмечено структурное различие в женской и мужской лирике. Проводится анализ творчества ведущих поэтов периода Шести династий. Делается вывод о том, что в мужской лирике указанного периода женский образ оставался идеализированным, унифицированным и нарциссичным. В изображении женских образов поэты-мужчины пользовались стандартным набором художественных средств. Женщина предстает как объект эстетического наслаждения в неразрывной связи с окружающей ее обстановкой и предметами будуара. Выдвигается тезис о возникновении в лючаоской поэзии образа «прекрасной дамы». Как в женской, так и в мужской лирике появляются все более индивидуализированные образы, наблюдается отход от традиционных гендерных стереотипов. В поэзии эпохи Шести династий возникает осознание поэтами своей субъектности, как в жизни, так и в творчестве. Женские образы эпохи Лючао оказываются наделенными рефлексивностью и психологизмом.

Ключевые слова: китайская поэзия, женская поэзия, период Шести династий

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 30 октября 2021 г., откорректирована — 14 ноября 2021 г.; принята к публикации — 2 декабря 2021 г.

Для цитирования: Малахевич Д.Е. Образ женщины в китайской лирике периода Шести династий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 86–93. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-86-93>

Feminine Imagery in Chinese Lyrics of the Six Dynasties

Daria E. Malakhevich

*The Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation*

✉ malakhevichd@yandex.ru

Abstract. This article deals with the specifics of female imagery in Chinese poetry of the Six Dynasties period (*Liuchao*). The aim is to characterize female imagery in the works of the poets of this period and find out what changes these images underwent in comparison with previous epochs, and how the structure of these images differs in female and male poetry. The aim is to analyze the “women topic” in the works of the leading poets of the Six Dynasties period. The conclusion is made that in men’s poetry of the mentioned period the female image remains idealized, unified and narcissistic. Male poets used a standard set of artistic means to portray female images. The woman was presented as an object of aesthetic pleasure, and appeared to the reader in an inseparable connection with her surroundings and boudoir objects. In this regard, the thesis of the emergence of the image of a “beautiful lady” in *Luchao* poetry is put forward. Nevertheless, in both women’s and men’s lyrics more individualized images began to appear and a departure from traditional gender stereotypes is obvious; the main change in Six Dynasties poetry is the development of self-awareness in female and male poems, both in life and poetry, and the increasing understanding of their own subjectivity. The female characters of the *Luchao* era turn out to be endowed with reflexivity and psychologism. Lyrics on women’s themes developed both quantitatively and qualitatively.

Keywords: Chinese poetry, female poetry, Six dynasties period

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: October 30, 2021; revised: November 14, 2021; accepted: December 2, 2021.

For citation: Malakhevich, D.E. (2021). Feminine imagery in Chinese lyrics of the Six Dynasties. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 86–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-86-93>

Введение

Лючао (六朝), что с китайского переводится как «Шесть династий» (220–589 гг.), — период между падением империи Хань и основанием империи Суй. В это время Китай находился в состоянии раздробленности. Традиционно историки характеризуют период Лючао как эпоху упадка. Тем не менее развитие литературы, а особенно поэзии, достигло в это время новых высот: так, именно на эпоху Шести династий приходится становление авторской лирической поэзии и превращение ее в главный вид китайской литературы (Кравцова, 2013, с. 38).

Нестабильный социально-политический фон — дворцовые перевороты, нашествия кочевников, экономические кризисы — спровоцировали не-

бывалый подъем в духовной жизни страны. Выделились три основных учения (三教, *сань цзяо*): конфуцианство, даосизм и буддизм. Несмотря на то, что конфуцианство уже обрело роль официальной идеологии, в духовной сфере царил плюрализм, и все вышеуказанные направления присутствовали в сознании человека того времени в причудливом переплетении: ученый муж мог выбирать между амплуа книжника-конфуцианца — например, на службе — и даоса-отшельника, создавая лирические стихотворения. При изучении поэтического наследия указанного периода бросается в глаза и тот факт, что эти амплуа могут быть привязаны к определенному жанру: например, в одах *фу* (賦) и стихотворениях на исторические темы *юнши* (咏史诗) лирический герой приписывает себе конфуцианские добродетели, высказывает стремление реализовать свои политические амбиции, а в лирических стихотворениях *ши* воспевается уединенная жизнь отшельника на лоне природы. Так, например, Цзо Сы (250–305), один из наиболее выдающихся поэтов того времени, в *ши* «Ищу отшельника» утверждает, что «шнур с печатью — все равно что путы», и даже хочет «выбросить свою головную шпильку» (речь идет о предметах чиновничьего одеяния), а в цикле «Восемь стихотворений в жанре *юнши*» рассказывает о надежде «претворить в жизнь свои стремления» и построить политическую карьеру. Именно вышеописанный феномен «смены амплуа» делает возможным сочетание столь противоречивых высказываний в творчестве одного и того же поэта.

Женская лирика периода Лючао

Некоторую амбивалентность, но уже несколько другого рода, мы наблюдаем и в женской лирике того времени. С одной стороны, придворная поэзия — например, вышеупомянутые оды *фу* или восхваления *цзань* (贊) — требовала соответствующих конфуцианским идеалам образов. Так, цзиньская поэтесса Цзо Фэнь (255–300) в своей оде «Печаль о расставании» пишет: «О, как я невежественна и груба, и как скудны мои познания!» (Се, 2019, с. 108), следуя закрепившейся в конфуцианской традиции практике самоуничтожения. В своих восхвалениях женщинам, жившим при цзиньском дворе, она также подчеркивает именно конфуцианские добродетели: гуманность (仁, *жэнь*), следование ритуалу (禮, *ли*), доброту (善, *шань*). Важным достоинством поэтесса считает также способность к услаждению мужского взгляда («悦目欣心», *юэ му синь синь*). С другой стороны, вне рамок придворной поэзии женщины могли более свободно выражать свои чувства. Например, в лирических стихотворениях, не предназначенных для декламации (в отличие от жанров *фу* или *цзань*), распространена была тема отвергнутой жены. Тема эта традиционна для китайской поэзии еще со времен «Книги песен» (*Шицзин*, XI–VII вв. до н.э.), но лючаоские поэтессы обогатили ее новыми смыслами. Так, Ван Юн в своем исследовании женских образов в поэзии династий Вэй и Цзинь утверждает, что расцвет данной тема-

тики обусловлен внешними факторами: жизнь людей той эпохи была наполнена природными катастрофами и жестокими войнами, что создавало ощущения «упадка и отверженности» (Ван, 2010, с. 79), которые, в свою очередь, схожи с ощущениями попавшей в немилость наложницы. Более очевидная причина популярности подобного типа лирики – формирование осознания себя человеком как личности, голос в защиту бесправного положения женщины в условиях конфуцианского домостроя. Показательно то, что развивали эту тематику и мужчины; например, Фу Сюань (217–278) в своей знаменитой «Песне о горькой доле» рассказывает о бесчисленных унижениях, которые женщине приходится переживать на протяжении всей жизни, с явным сочувствием (Кравцова, 2013, с. 28–59).

Итак, женщины в период *Лючао* стали гораздо свободнее, чем раньше. Они боролись за право голоса в семейных вопросах, наравне с мужчинами участвовали в распространенных в то время философских дискуссиях — так называемых «чистых беседах» (*цинтань*, 清谈) (Ян, 2016, с. 36), а некоторые, как Се Даюнь, даже организовывали аналоги современных литературных салонов, собирая вокруг себя талантливых поэтов и поэтесс. Женщины перестали верить в предопределенность неравноправия и стремились уравнять свое положение с мужским. Как писал Гэ Хун, знаменитый даосский ученый и алхимик: «...в древности благовоспитанные женщины сидели дома, а нынче бродят по базарам и буддийским монастырям!» (Гэ, 1954, с. 148). Наравне с мужчинами женщины в поэзии размышляли о себе и о мире. Пробовали они себя и в пейзажной, и в философской лирике, отражая общее торжественно-печальное настроение стиля *цзяньнань фэнгу* (建安风骨).

Главная перемена в поэзии эпохи Лючао — осознание женщиной своей субъективности, развитие самосознания, как в жизни, так и в творчестве. Поэтическое творчество стало гораздо более индивидуализированным, чем в предыдущие периоды. Женская поэзия развивалась как качественно — например, возросло разнообразие тем, — так и количественно; к примеру, в сборнике «Новые напевы Нефритовой башни» (*Юй тай синь юн*, 玉台新咏) насчитывается более двадцати женских имен и более сорока стихотворений, написанных женщинами.

Каковы предпосылки расцвета женской литературы в период *Лючао*? Во-первых, сложная социально-политическая обстановка. Эта, по выражению китайского ученого Оу Яннэя, «кровавая эпоха» (Оу, 2007, с. 57–60) была переполнена войнами, природными катастрофами, голодом и лишениями. Для китайской аристократии творчество оказалось главным способом выразить переживания о собственной судьбе. Во-вторых, большую роль в упрочении позиций женщин в семье и обществе сыграло появление *сюаньсюэ* (玄学) — «учения о сокровенном», расцветшего на основе даосизма. Эта философия раскрепощала человека, способствовала развитию эстетического сознания, а приоритет даосских ценностей означал особое уважение к женскому началу — *инь*.

Рост женского самосознания прежде всего выразился в отношении женщин к вопросам любви и брака (Шу, 2005, 91–93). Женщины стремились к свободе в любви и даже проявляли инициативу в выражении чувств, что являлось буквально немислимым в конфуцианской культурной парадигме. Подобные истории мы находим, например, в «Записках о поисках духов» (*Соу шэнь цзи*, *搜神记*), где женские персонажи свободно выражают свои чувства к мужчинам: Небесная Ткачиха говорит мужчине, что хочет стать его женой, и отправляется в путь вместе с ним, то же делает и Яшмовая Дева (Гань, 1994, с. 12–15). Конечно, упомянутые образы — мифические, но их появление было бы невозможным без наличия соответствующих социальных предпосылок. Кроме того, женщина обрела больше прав и во внутрисемейных отношениях; она более свободно высказывалась, перестав быть бессловесной тенью мужа, и начала осознавать свое закрепощенное положение. Любопытный эпизод мы находим в «Записках о ревности» (*Ду цзи*) Юй Тунчжи, созданных в V веке н.э.: некий тайфу *Се*, жена которого госпожа Лю не позволяла ему брать в дом других женщин (что уже удивительно в патриархальном китайском обществе; как женщина может что-то не позволить мужчине?) возжелал взять в дом наложницей одну певичку, и его братья стали увещевать госпожу Лю, приводя в пример стихи из «Книги песен», в которых воспевалась любовь, не омраченная ревностью. На что женщина ответила, что эти стихи составил Чжоу-гун, мужчина, и «если бы жена Чжоу-гуна составляла эти стихи, в них не было бы подобных слов».

Женские образы в мужской лирике периода Лючао

В мужской лирике того времени женский образ, тем не менее, по-прежнему оставался идеализированным. В традиционном Китае поэтический дискурс был представлен мужским сознанием, и, хотя мы и слышим женский голос в поэзии достаточно часто, главным образом женская субъективность представлена поэтами-мужчинами. По словам Морин Робертсон, женский образ в мужской лирике предстает нам «пассивным, нарциссичным», мы видим «романтизацию страдания» (Robertson, 1992, с.68); портрет рисуется за счет различных украшений и деталей туалета, удовлетворяя тем самым так называемый «скопофилический инстинкт» — удовольствие от рассматривания другого человека как эротического объекта. Мужчина в такой ситуации выступает как обладатель взгляда, а женщина — как образ. Как пишет Ван Юн в своем исследовании формирования женского образа в раннесредневековой китайской оде, «поэты воспринимали женский образ без отрыва от своего» (Ван, 2010, с. 45–46) в контексте собственных переживаний — например, Пань Юэ в своей оде «Скорблю о смерти [жены]» скрупулезно анализировал свои чувства по поводу трагедии, в то время как собственно женский образ практически не прорисован. В целом в цзиньских одах женский образ идеализирован, представлен в форме восхищения женской красо-

той или добродетелями, чаще всего — одобряемыми конфуцианским канон; например, Цзо Сы в послании к своей сестре Цзо Фэнь пишет о последней так: «Моя прекрасная младшая сестра / Выделяется среди современников. / Красива, словно орхидея. / Блестяща, словно гриб линчжи. / С детских лет была смышленной. / С юности достигает успехов / Ее добродетельное поведение — как у выдающихся героинь древности». С позиции современного читателя этот портрет видится достаточно отстраненным именно потому, что он в наивысшей степени каноничен и не имеет ничего общего с портретом реальной женщины из плоти и крови. Можно сказать, что такое восприятие привело к возникновению в лючаоской поэзии идеализированного образа «прекрасной дамы» (этот термин в отношении китайской лирики впервые был употреблен Б. Бахтиным в его статье «Заметки о лирике Шэнь Юэ») (Вахтин, 1974). Женщина стала объектом эстетического наслаждения, как пейзаж или прекрасный цветок; ее портрет часто рисовался через детали образа — одежду, обувь, украшение или прическу (Кравцова, 1983, с. 153–162).

Тем не менее в цзиньский период мы впервые встречаем удивительно реалистичные, наполненные психологизмом описания женских образов — например, как в «Стихотворении о прекрасных дочерях» Цзо Сы, где тот описывает девочек через их поведение в бытовой обстановке, любимые занятия и шалости, или в великолепном цикле Шэнь Юэ «Четыре стихотворения из шести воспоминаний», посвященном воспоминаниям поэта о тайных свиданиях с любимой. В этом цикле особенно интересной видится нам последняя строфа, которая отражает перемены, произошедшие в образе жизни женщины того времени, а именно — свободу и инициативность: «Вспоминаю, как спала! / Он уже спит, а она изо всех сил старается не уснуть. / Развязала платье, не ожидая уговоров, / Но коснется подушки и вновь тянется за платьем. / Очень боится, что посторонние увидят ее, / Очаровательно стыдится того, что горит свеча» ((Кравцова, 1983, с. 158). Женщина, воспетая Шэнь Юэ, ведет себя достаточно смело, но при этом стесняется себя, все еще находясь под влиянием патриархальных устоев.

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что женский образ в поэзии эпохи *Лючао* продолжал отражать те же черты, что и в предыдущие эпохи, и главным образом был представлен в мужской лирике. Тем не менее даже в мужской лирике отразилось изменение положения женщины в тот период, расширение ее свобод; женский образ стал более индивидуализирован, в отдельных стихотворениях поэтов того времени женщина предстает перед нами живой, жизнерадостной, обладающей уникальным характером и переживаниями, а не в качестве «цветочной вазы» (*хуапин*), украшающей интерьер. Отдельно стоит отметить психологизм женского образа, его рефлексивность, что особенно ярко отразилось в женской лирике эпохи *Лючао*.

Библиографический список

Ван Дэхуа. Цзо Сы «Сань ду фу» Е ду дэ сюаньцзе ю мяосе. 王德华. 左思《三都赋》邺都的选择与描写 [Описание столицы Е в «Одах о трех столицах» Цзо Сы] // Чжэцзян дасюэ сюэбао. 2013. № 43 (4). С.146–156.

Ван Юн. Даньчжуан нунмо цзон сянъи: Ханьдай юй Вэйцзинь шици шигэчжун нюйсин синсян бицзяо. 王勇, 淡妆浓抹总相宜——汉代与魏晋时期诗歌中女性形象之比较 [«В любом ты, милочка, наряде хороша»: сравнение женских образов в поэзии периодов Хань и Вэй-Цзинь] // Аньхойская литература. 2010. № 4. С. 79.

Ван Юн. Цзянлунь Вэйцзинь Наньбэйчао фучжун нюйсин синсян дэ синчэн юаньинь. 王勇, 浅论魏晋南北朝赋中女性形象的形成原因 [Краткий обзор факторов, повлиявших на формирование женских образов в одах периодов Вэй-Цзинь и Наньбэйчао] // Журнал педагогического института Тайюаньского университета. 2010. № 28. С. 45–46.

Вахтин Б.Б. Заметки о лирике Шэнь Юэ // Историко-филологические исследования. М., 1974.

Гань Б. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. Л.Н. Меньшикова. СПб., 1994. С. 12–15.

Гэ Хун. Баопу-цзы, Вайпянь, Цзимю. 葛洪, 抱朴子·外篇·疾谬 [Трактат «Баопу-цзы», внешняя часть, глава «Болезни и заблуждения»] // Чжунго шуцзи. 1954. С. 148.

Кравцова М.Е. «Красавица» — женский образ в китайской лирике (поэзия древности и раннего средневековья) // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М.: Наука, 1983. С. 153–162.

Кравцова М.Е. Опыт тематического анализа китайской лирической поэзии эпохи Шести династий (III–VI вв.) // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. 2013. № 7. С. 28–59.

Лу Шуцзюнь. Вэйцзинь Наньбэйчао сяошо нюйсин синсян цзеду. 楼淑君, 魏晋南北朝小说女性形象解读 [Интерпретация женских образов в романах периодов Вэйцзинь и Наньбэйчао] // Гуансийский журнал социальных наук. 2005. № 7. С. 91–93.

Оу Янъянь. Вэйцзинь Наньчао вэньсюэ цзыцзюэсин чэньинь цзянси. 欧阳年, 魏晋南北朝文学自觉性成因浅析. [Анализ причин формирования литературного самосознания в период Вэй-Цзинь и Южных династий] // Журнал Хунаньского университета радио и телевидения. 2007. № 1. С. 57–60.

Се Улян. Чжунго фунюй вэньсюэши. 谢无量, 中国妇女文学史/著 [История женской литературы Китая]. Цзинань: Шаньдун хуабао чубаньшэ, 2019. С. 108.

Ян Лу. Вэйлэ гэнхаодэ хуочже: Вэйцзинь нюйсин чжуйцю цзиншэнь дули дэ цючжэ даолу. 杨露为了更好的活着——魏晋女性追求精神独立的曲折道路 [В стремлении к лучшей жизни: непростой путь женщин периода Вэйцзинь к обретению духовной независимости] / Институт литературы Северо-западного педагогического университета. Ланьчжоу; Ганьсу. 2016. С. 35.

Robertson M. Voicing the Feminine: Constructions of the Gendered Subject in Lyric Poetry by Women of Medieval and Late Imperial China // *Late Imperial China*. 1992. 1 (13). P. 63–110.

References

Gan, B. (1994). Notes on a Search for the Spirits (Sou shen ji) (pp. 12–15). Trans. by L.N. Menshikov. Saint-Petersburg. (In Russ.)

Ge, H. (1954). Baopu-tzu, Weipian, Jimyu. 葛洪, 抱朴子-外篇-疾谬 [Treatise of Baopu-tzu, Outer Part, Chapter “Diseases and Delusions”]. *Zhongguo shuji* (p. 148). (In Chinese).

Kravtsova, M.E. (1983). “The Beauty” — Female Image in Chinese Poetry (Poetry of Antiquity and Early Middle Ages). *The Problem of Man in Traditional Chinese Doctrines*. (pp. 153–162). Moscow: Nauka publ. (In Russ.)

Kravtsova, M.E. (2013). The Experience of Thematic Analysis of the Chinese Lyric Poetry of the Six Dynasties Era (III–VI Centuries). *Asiatica: Works on Philosophy and Cultures of the East*, (7), pp. 28–59. (In Russ.).

Lu, S. (2005). Weijin Nanbeichao xiaoshou nuxing xingxiang jiedu. 楼淑君, 魏晋南北朝小说女性形象解读 (Interpretation of female characters in Weijin and Nanbeichao period novels). *Guangxi Journal of Social Sciences*, (7), 91–93. (In Chinese).

Ou, Y. (2007). Weijin Nanchao wenxue zijuexing chengyin jiangxi. 欧阳年, 魏晋南北朝文学自觉性成因浅析. [Analysis of the Reasons for the Formation of Literary Identity during the Wei Jin and Southern Dynasties]. *Journal of Hunan University of Radio and Television*, (1), 57–60. (In Chinese).

Robertson, M. (1992). Voicing the Feminine: Constructions of the Gendered Subject in Lyric Poetry by Women of Medieval and Late Imperial China. *Late Imperial China*, 1(13), 63–110.

Vakhtin, B.B. (1974). Notes on the Lyric Poetry of Shen Yue. *Historical-Philological Research*. Moscow. (In Russ.).

Wang, Y. (2010). Danzhuang nunmo zong xiangyi: Handai yu Weijin shiqi shigezhong nyuxing xingxiang bijiao. 王勇, 淡妆浓抹总相宜--汉代与魏晋时期诗歌中女性形象之比较 [“In any outfit you, my dear, are good”: A comparison of female images in Han and Wei-Jin period poetry]. *Anhui Literature*, (4), 79. (In Chinese).

Wang, Y. (2010). Jianlong Weijin Nanbeichao fujun nuxing xingxiang de xingcheng yuanying. 王勇, 浅论魏晋南北朝赋中女性形象的形成原因. [A Brief Review of the Factors that Influenced the Formation of Female Imagery in the Odes of the Wei Jin and Nanbeichao Periods]. *Journal of Taiyuan University Pedagogical Institute*, (28), 45–46. (In Chinese).

Wang, D. (2013). Zuo Si “San du fu” Ye du xuanjie yu miaose. 王德华. 左思《三都赋》邺都的选择与描写 [Description of the Capital of Ye in the “Odes on the Three Capitals” by Zuo Si]. *Zhejiang dasyue xuebao*, 43(4), 146–156. (In Chinese).

Xie, W. (2019). *Zhongguo funyu wenxueshi*. 谢无量, 中国妇女文学史/著(History of Chinese Women’s Literature). Jinan: Shandong huabao chubanshe. (In Chinese).

Yang, L. (2016). Weile genhaode huoje: Weijin nyuxing zhuixing dully de quizhe daolu. 杨露, 为了更好的活着--魏晋女性追求精神独立的曲折道路 [In Pursuit of a Better Life: the Uneasy Journey of Women of the Wei Jin Period to Gain Spiritual Independence]. Lanzhou, Gansu: Institute of Literature, Northwest Pedagogical University publ. (In Chinese).

Сведения об авторе:

Малахевич Дарья Евгеньевна, магистр филологии, аспирант кафедры китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. ORCID 0000-0002-0340-4495; e-mail: malakhevichd@yandex.ru

Bio note:

Daria E. Malakhevich, MA in Philology, PhD student at the Department of Chinese Philology, The Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University. ORCID 0000-0002-0340-4495; e-mail: malakhevichd@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-94-101

УДК 821.581

Научная статья / Research article

Трансформация художественных образов прошлого в современной китайской детской литературе

С.А. Петрова[✉], Хунлин Сю^{ORCID}

*Российский университет дружбы народов (РУДН),
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6*

✉ petrova_sa@pfur.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена кардинальными изменениями, которые происходят в современной Китайской Народной Республике, в представлениях о той роли, которую должен играть ребенок в китайском обществе. Новизна и научная ценность предложенного исследования заключается в контент-анализе ряда китайских литературных источников, который ранее не проводился. Сегодня в научной среде развернулась активная полемика между теми, кто утверждает, что идет европеизация азиатской культуры и ее трансформация вопреки древним философским воззрениям, и теми, кто отстаивает положение о сохранении ее национальных культурных ценностей в противовес глобализации. Авторы, основываясь на юнгианском анализе художественных образов, предлагают рассмотреть несколько архетипов прошлого, которые используются литераторами в современной китайской детской литературе. Они приходят к выводу о том, что отличительной особенностью архетипичных образов детской китайской литературы является их положительное движение от конфуцианских и неоконфуцианских представлений к современным воззрениям при неизбежном регрессе в период маоизма, однако на протяжении всей истории существования детской литературы идет сохранение базовых архетипов, присущих древним легендам и мифам, как европейским, так и азиатским.

Ключевые слова: детская литература, китайская культура, китайская детская литература, архетипы, литературные жанры, юнгианский анализ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 1 декабря 2021 г.; откорректирована — 21 декабря 2021 г.; принята к публикации — 9 января 2022 г.

Для цитирования: Петрова С. А., Сю Хунлин. Трансформация художественных образов прошлого в современной китайской детской литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 94–101. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-94-101>

Transformation of Artistic Images of the Past in Modern Chinese Children's Literature

Svetlana A. Petrova^{ORCID}, Hongling Xu^{ORCID}

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ petrova_sa@pfur.ru

Abstract. The relevance of the article is connected with the drastic changes that are taking place now in People's Republic of China and the ideas about the role of a child in Chinese society. The novelty and scientific value of the proposed research lies in the content analysis of a number of Chinese literary sources, which has not been conducted before. Today, an active polemic has unfolded in the scientific community between those who claim that the Europeanization of Asian culture and its transformation is taking place contrary to ancient philosophical views, and those who defend the position of preserving its national cultural values as opposed to globalization. The authors express their point of view on this problem, based on the Jungian analysis of literary images, and suggest considering several archetypes of the past, which are used by writers in modern Chinese children's literature. As a result of the study, they conclude that the distinctive feature of archetypal images is Chinese children's literature is their positive movement from Confucian and neo-Confucian ideas to modern views with an inevitable regression during the Maoist period, however, throughout the history of the existence of children's literature, the basic archetypes inherent in ancient legends and myths, both European and Asian, are preserved.

Keywords: children's literature, Chinese culture, Chinese children's literature, archetypes, literary genres, Jungian analysis

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 1, 2021; revised: December 21, 2021; accepted: January 9, 2022.

For citation: Petrova, S.A., & Xu, Hongling. (2022) Transformation of artistic images of the past in modern Chinese children's literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 94–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-94-101>

Введение

В настоящее время стратегия воспитания в китайском образовании направлена на переход от конфуцианской и маоистской идеологий к современной идее участия детей и подростков в политической, социально-экономической и управленческой деятельности страны. Этот процесс получил отражение в публицистике и произведениях художественной литературы Китая. Например, через средства массовой информации транслируется образ социально активного гражданина, который с детства способен самостоятельно принимать решения, участвовать в жизни общества и страны, а в характерах героев детской литературы на первый план выводятся те черты,

которые помогают сформировать в сознании китайского ребенка необходимое представление о том, каким он должен стать с точки зрения современного социального общества и традиционной китайской культуры. Поскольку такие изменения затрагивают вековые традиции художественной литературы Китая, в том числе и детской, происходит модификация государственных заказов педагогических образовательных учреждений, ориентирующихся на достижение главной цели — создание имиджа идеального ученика. Наряду с вышеперечисленными тенденциями, которые широко представлены в китайской журналистике, начиная с 70–80-х годов XX века, развернулась активная полемика о европеизации азиатской культуры и ее трансформации вопреки древним философским канонам (Алексеев, 1978; Белоусов, 1989, с. 79–84; Переломов, 1981).

Идеальный ребенок в культурно-историческом контексте

В основе представленного исследования лежит метод аналитической психологии, юнгианский анализ, основанный на коллективном бессознательном, способном объединить межкультурное взаимодействие представителей разных этносов и рас либо, напротив, предоставить доказательства их кардинального отличия (Jung, 1919, p. 13; Юнг, 2008). Поскольку архетипы, исходя из учения Юнга, являются единицами коллективного бессознательного, они, безусловно, не только передаются по наследству из поколения в поколение внутри одного этноса, но и имеют схожие черты в масштабе общечеловеческой цивилизации. Исследование на основе контент-анализа ряда китайских литературных источников выявило, что архетипы, свойственные древним мифам и легендам, а также более поздним воззрениям, нашли отражение в современной детской китайской литературе. Основываясь на принципах историзма, в ней можно обозначить три основных подхода к реализации ребенком своей свободы воли:

- через конфуцианство и неоконфуцианство, в которых акцент ставился на почитание старших и достижение высокой степени самосовершенствования;

- через маоизм, в котором все конфуцианские имперские традиции были объявлены отсталыми, вредными и опасными, а детей приучали к мысли о необходимости крайней, бескомпромиссной приверженности определенным взглядам (радикализму) и неизбежности вооруженной революционной борьбы;

- через современный подход, в котором дети вместе со взрослыми участвуют в сложных процессах, касающихся современной жизни общества, решая управленческие, политические и социально-экономические задачи.

Для первого подхода характерны произведения, в которых молодежь почитает старших, заботится о них и не собирается их покидать до самой смерти. Следует учитывать, что, начиная с 90-х годов XX века, мир детства в литературных произведениях рассматривается в аспекте художественно-

онтологических связей между ребенком и окружающим его вещественно-предметным миром. Согласно некоторым исследователям, «этот подход представляется наиболее продуктивным в изучении произведений китайских авторов, которые создают образы детей, прежде всего в связи со сказочно-мифологическим контекстом и фантазийно-преобразующими свойствами детского сознания» (Исаева, 2013, с. 29). Так, например, в одном из рассказов (Юань Кэ, 2013, с. 4), созданном на основе легенды, которая остается очень популярной в современной детской литературе Китая, присутствует сюжет о Хоу Йи, который приготовил для своей матери зелье бессмертия, потому что не хотел, чтобы она умерла.

Можно отметить черты неоконфуцианского подхода в переложении мифов и легенд о детях-героях (Юань Кэ, 2013, с. 5). Например, одним из персонажей детской литературы (Цзэн Сюнь, 2011) является юноша Юэ Фэй, который возглавляет войско для защиты от вторжения армии Цзинь. Он вырос в бедной семье и жил только с матерью. В тот момент, когда враги вторгаются в его страну, Юэ Фэй хочет примкнуть к движению сопротивления, но тревожится о том, что не может оставить свою пожилую мать. Для конфуцианской и неоконфуцианской идеологий эта дилемма является основополагающей, так как молодежь не должна бросать своих родителей на произвол судьбы. В то же время мать Юэ Фэя призывает его исполнить свой государственный долг и рисует тату на его спине следующего содержания: «верность и преданность стране» (精忠报国). Таким образом, в данном произведении мать становится образцом для других родителей, демонстрируя, что в критических ситуациях важно ставить общественные и государственные интересы выше собственных.

Во второй группе образов, характерных для современной детской китайской литературы, важное место отведено не только идеальным социальным отношениям, но и маоистскому служению нации. Основная идея заключается в противопоставлении интересов семьи и государственно-политических интересов. Идеальный ребенок в этом случае рассматривался лишь как герой-воин. Так, например, в сюжете противостояния дракону мальчик Нэцжи, ребенок Ли Цзин (李靖) (Сун Мувэнь, 2016) принимает вызов сверхъестественного чудовища и, собираясь на борьбу с ним, готов принести себя в жертву ради спасения народа. При этом авторы, изложившие древнюю легенду в современной модификации, заимствовали образ ребенка-героя, но опустили прохождение им семи ступеней конфуцианства, в том числе, согласно легенде, он должен был сначала выполнить задачу по самосовершенствованию (修身), затем разобраться со своими семейными делами (齐家), и лишь после этого его личность трансформировалась, обретая способность стать полезной для общества и государства (治国). Иными словами, мальчик, имеющий престарелого отца на своем иждивении, не должен был рисковать своей жизнью, поскольку в этом случае он не смог бы исполнить свой долг по отношению к предкам («сын почитающий» — в конфуцианстве). Неисполнение такой обязанности в китайской конфуцианской и нео-

конфуцианской культуре было равносильно проклятию. Таким образом, можно заметить существенную трансформацию при переходе от традиционных к современным воззрениям в детской литературе.

Третья, последняя, группа, отражающая современный взгляд на образ идеального ребенка в детской китайской литературе, связана с культурно-историческими, социальными и политическими представлениями взрослых о детях. Политика «одного ребенка», насаждаемая в Китае с 1970-х годов, за 50 лет породила проблему катастрофического одиночества, отразившегося на страницах детской художественной литературы. Стремясь привлечь к этой проблеме как можно больше людей всех возрастов, авторы создают литературные произведения даже для тех, кто еще не умеет читать. Так, например, героиня книжки-картинки (Guo J., 2016), которую зовут Маомао, оставшись дома одна, когда родители ушли на работу, испытывает непреодолимое желание увидеть свою бабушку. Она выходит из дома и идет ее искать. С этого момента повествование уносит героиню, а вслед за ней и читателя в мир невероятных и опасных приключений. Но, как можно заметить выбор — быть с бабушкой или тосковать по ней, ничего не предпринимая, — остается за девочкой Маомао.

Современные интерпретации китайских мифов и легенд

Следует обратить внимание, что во всех мифах и легендах, которые используются для создания современных авторских литературных произведений, присутствуют такие архетипы, согласно теории Юнга, как: «божественное существо», «мать», «ребенок-спаситель», «самость», «анима», «анимус». Причем ребенок-спаситель является наиболее активным персонажем, присутствующим в большинстве как мифических, так и современных литературных произведений. Так, например, в произведении о Юэ Фэе и его матери литературные образы напоминают библейское повествование о Марии, матери Иисуса Христа, и самом Спасителе, который жертвует своей жизнью ради спасения людей. Что касается архетипов Анима и Анимус, они фигурируют в сказании о «Влюбленных бабочках» (Fan Dai, 2000), герои которой похожи на Ромео и Джульетту Уильяма Шекспира. Что касается архетипа психологической целостности индивида или самости, — это одна из важнейших характеристик современного представления о китайском ребенке, стремящемся к идеалу и находящемся в процессе становления собственного «Я». Примером является рассказ о Маомао, в которой героиня напоминает девочку Герду из известной сказки датского писателя Ганса Христиана Андерсена. Яркие образы архетипов по Юнгу представлены и в других современных интерпретациях древних китайских мифов и легенд¹. Таким об-

¹ См.: *Нюйва* (女媧), *Бай Сучжэнь* (白素贞) — персонажи старинной пьесы «Белая Змея» и *Братья Калабаш* (葫芦兄弟), *Higher Brothers* (海尔兄弟) — персонажи современной детской литературы.

разом, можно проследить взаимосвязь между социальными ожиданиями, которые предъявляются к детям в современном китайском обществе, и архаичными представлениями об идеальном ребенке.

Перечисленные три основных подхода к реализации ребенком свободы воли напрямую зависели от социокультурных и государственно-политических изменений в китайском обществе, которые порождали новые требования к «идеальному ребенку» и различные концепции детства. Однако не только художественные образы в современной детской литературе можно назвать архетипичными, но и те социальные ожидания, которые они воплощали. Это не только качества, которыми должен обладать ребенок или требования, которые предъявлялись к его родителям, имеющим для ребенка божественное происхождение, но и то, что ребенок становится спасителем нации, а родители всячески его поддерживают в этом стремлении. Таким образом, архетипы древности не утрачивают своего значения в современной китайской детской литературе, а лишь адаптируются и трансформируются согласно современным социальным ожиданиям.

Отличительной особенностью вновь созданных китайскими авторами произведений является перенесение архетипических образов прошлого, свойственных конфуцианской и маоистской философии и культуре, в реалии нового времени. Согласно исследованиям, в современном Китае происходит так называемая реактивация образов героев и, как итог, — ассимиляция в детской литературе традиционных ортодоксальных культурно-исторических и современных урбанизированных взглядов, поддерживаемых рядом цивилизационных норм и правил, на воспитание детей.

В настоящее время дополнительному изучению подлежат актуальность проблематики произведений, написанных ранее, реалистичность героев и их образов, а также их воздействие на современного читателя. Следует учитывать, что существуют серьезные противоречия между желаемым и возможным, поэтому для того, чтобы произошли изменения в общественных воззрениях, необходимо сопоставить культурные потребности современности и используемые в детской литературе архетипы прошлого. Нельзя отрицать, что современный ребенок часто сталкивается с суровой реальностью, противоречащей цивилизационным представлениям о детстве. В этом случае необходимо найти компромисс между пониманием роли ребенка как патриота, «спасителя нации», и осознанием хрупкости его жизни, признанием его личности (что было в приоритете конфуцианства и неоконфуцианства). Несомненно, благодаря старым художественным образам, которые фигурируют в новой детской китайской литературе, воспитывается поколение героев. Однако авторы таких книг не принимают в расчет последствий: героев войны в итоге ждут опустевшие дома, их родители умерли от горя или от старости. Также можно утверждать, что тот, кто изначально ставит интересы нации и государства выше, чем путь самосовершенствования, а это не исключает защиту национальных и государственных интересов, остаются интеллектуально и нравственно отсталыми людьми.

Проблематика детской литературы побуждает задуматься о том, что художественные образы в детской китайской литературе обладают серьезной степенью воздействия на массового читателя. К сожалению, современное прочтение маоистских текстов и возрождение архетипов прошлого в детской литературе тесно взаимосвязаны со взрослой культурой и идеологией. В этом случае основной задачей прогрессивных деятелей, в том числе детских писателей, в рамках культурного и идеологического контекстов современного Китая является предоставление детям возможности развиваться как полноценным личностям, что ведет к достижению равновесия и гармонии в обществе.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что современной китайской детской литературе свойственны не столько тенденции к европеизации художественных образов, сколько возврат, в частности, к используемым в конфуцианстве и неоконфуцианстве, а также в маоизме архетипам прошлого. Но если конфуцианские и неоконфуцианские образы, скорее, обогащают детскую культуру, то маоистские воззрения, наоборот, приводят к манипуляциям общественным мнением. В целом же поступательное движение детской китайской литературы можно назвать эволюционным, а большинство используемых ею образов относятся к тем древним архетипам, которые были всегда свойственны как восточной, так и западной культуре. В этом смысле их можно рассматривать как объединяющее и связующее звено, облегчающее межкультурную коммуникацию между Востоком и Западом. Что касается индивидуальных подходов к воплощению архетипических образов в соответствии с той или иной социальной средой и культурно-исторической эпохой, то это естественный и закономерный процесс, который позволяет сохранить национальную идентичность.

Библиографический список

- Алексеев В. М.* Китайская литература. М.: Наука, 1978.
- Белоусов С. Р.* Конфуцианство и модернизация Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 5. С. 79–84.
- Исаева Н. С.* Мир детства в художественном пространстве ранней прозы Мо Яня // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11–2. С. 29–34.
- Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Текст, 1981.
- Сун Мувань.* Нэчжа покоряет морского дракона. Гуанчжоу: Наньфан, 2016.
- Цзэн Сюнь.* Юэ Фэй: верно служить отечеству. Пекин: Небо, 2011.
- Юань Кэ.* Древняя китайская мифология. Пекин: Хуасиа, 2013.
- Юнг К. Г.* О психической энергии // Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. С. 48–82.

References

- Alekseev, V.M. (1978). *Chinese Literature*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Belousov, S.R. (1989). Confucianism and Modernization of China. *Problems of the Far East*, (5), 79–84. (In Russ.)
- Czen, Syun' (2011). *Yue Fei: To Serve the Fatherland Faithfully*. Pekin: Nebo Publ. (In Chinese).
- Fan, Dai. (2000) *Butterfly Lovers: A Tale of the Chinese Romeo and Juliet*. New Jersey: Homa & Sekey Books.
- Guo, J. (2016). *The Only Child*. Beijing: China Citic Press.
- Isaeva, N.S. (2013). The World of Childhood in the Artistic Space of Mo Yan's Early Prose. *Relevant Problems of Humanities and Natural Sciences*, (11–2), 29–34. (In Russ.)
- Jung, C. (1919) Instinct and the Unconscious. *British Journal of Psychology*, 10(11), 15–23.
- Perelomov, L.S. (1981). *Confucianism and Legalism in the Political History of China*. Moscow: Tekst Publ. (In Russ.)
- Sun, Muven' (2016). *Nezha Conquers the Sea Dragon*. Guanchzhou: Nan'fan Publ. (In Chinese).
- Yuan, Ke (2013). *Ancient Chinese Mythology*. Beijing: Huaxia Publ. (In Chinese).
- Yung, K.G. (2008) About Psychic Energy. *The structure and dynamics of the mental* (pp. 48–82). Moscow: Cogito-Centr Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Петрова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры массовых коммуникаций. ORCID ID: 0000-0003-1358-2655; e-mail: petrova_sa@pfur.ru

Сю Хунлин, магистрант отделения журналистики Российского университета дружбы народов. ORCID ID: 0000-0003-4615-1704

Bio notes:

Svetlana A. Petrova, Candidate of Philological Sciences, Lecturer at the Department of Mass Communications of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia. ORCID ID: 0000-0003-1358-2655

Hongling Xu, master student of Journalism Department of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia. ORCID ID: 0000-0003-4615-1704

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-102-108

UDC 821(5).09

Research article / Научная статья

Travelling with Quichotte: Reading Rushdie's Quixotic Reinvention of Cervantes' Don

Abin Chakraborty

Chandernagore College,
Chandernagore, Hooghly, 712136, West Bengal, India

✉ abin_chakraborty@yahoo.co.in

Abstract. Salman Rushdie's latest novel *Quichotte*, inspired by Cervantes' *Don Quixote*, revolves around the journey of a fictional character named Ismail Smile who adopts the name Quichotte as he embarks on a fantastic quest across America to win the heart of celebrated actor and talk-show host Salma R, since his perception of reality has been muddled by incessant immersion in television shows, just as the mind of Cervantes' don had been addled by his preoccupation with chivalric romances. While Cervantes' protagonist, through his various misadventures, ironically exposed the many maladies of contemporary society, Quichotte's journey across America, accompanied by his son Sancho, whom he miraculously imagines into existence, also operates as a picaresque narrative that methodically dissects the alarming aberrations of contemporary world order. Taking Quixote's inability to distinguish between the real and the fictional as his starting point, Rushdie's text eclectically foregrounds the menacing fissures of a social order where a rampant disregard for facts also becomes a platform for widespread regression into atavistic atrocities. The proposed paper will focus on such issues and more in order to highlight how the famed Man of La Mancha continues to operate as a relevant figure even within the fractious contradictions of our times.

Keywords: picaresque, postmodern, atavism, racism, xenophobia, plurality, self-reflexive

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 1, 2021; revised: December 21, 2021; accepted: January 5, 2022.

For citation: Chakraborty, A. (2022). Travelling with Quichotte: Reading Rushdie's Quixotic reinvention of Cervantes' Don. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 102–108. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-102-108>

Путешествие с Кихотом Сервантеса: «переизобретение» Салмана Рушди

Абин Чакраборти

Чандернагорский колледж,
Чандернагор, Хугли, 712136, Западная Бенгалия, Индия
✉ abin_chakraborty@yahoo.co.in

Аннотация. Последний роман Салмана Рушди «Кихот», вдохновленный «Дон Кихотом» Сервантеса, посвящен путешествию вымышленного персонажа по имени Исмаил Смайл, который принимает имя Кихот, когда отправляется в фантастическое путешествие по Америке, чтобы завоевать сердце знаменитого актера и ведущего ток-шоу Сальма Р., поскольку его восприятие реальности было затуманено постоянным погружением в телевизионные шоу точно так же, как разум донна Сервантеса был затуманен его увлечением рыцарскими романами. В то время как главный герой Сервантеса своими различными злоключениями иронически обнажил многие недуги современного общества, путешествие Кихота по Америке в сопровождении сына Санчо, существование которого он чудесным образом воображает, также действует как плутовское повествование, методично анализирующее тревожные заблуждения общества, современный мировой порядок. Взяв за отправную точку неспособность Кихота различать реальное и вымышленное, Рушди эклектично выдвигает на первый план угрожающие трещины социального порядка, где безудержное игнорирование фактов также становится платформой для повсеместного регресса к атавистическим злодеяниям. Предлагаемый текст посвящен этим и другим вопросам, чтобы подчеркнуть, как знаменитый Человек из Ламанчи продолжает действовать как актуальная фигура даже в условиях прихотливых противоречий нашего времени.

Ключевые слова: плутовской роман, постмодернизм, атавизм, расизм, ксенофобия, плюрализм, саморефлексия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 1 декабря 2021 г.; откорректирована — 21 декабря 2021 г.; принята к публикации — 5 января 2022 г.

Для цитирования: Chakraborty A. Travelling with Quichotte: Reading Rushdie's Quixotic reinvention of Cervantes' Don // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 102–108. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-102-108>

Introduction

Ever since the days of the *Iliad* and the *Batrachomyomachia*, texts have been reshaped, revised, reconfigured, reworked and redefined by other texts which have cumulatively created an endless semantic web of dynamic and protean codes which keep giving birth to countless counterparts across time, space and culture.

Perhaps the most striking illustration of this fundamental feature of the world of literature is found in Rushdie's *Haroun and the Sea of Stories* when the protagonist Haroun is first introduced to the Ocean of the Streams of Story by Iff the Water Genie:

He looked into the water and saw that it was made up of a thousand thousand thousand and one different currents, each one a different color, weaving in and out of one another like a liquid tapestry of breathtaking complexity... each coloured strand represented and contained a single tale. Different parts of the Ocean contained different sorts of stories, and as all the stories that had ever been told and many that were still in the process of being invented could be found here, the Ocean of the Streams of Story was in fact the biggest library in the universe. And because the stories were held here in fluid form, they retained the ability to change, to become new versions of themselves, to join up with other stories and so become yet other stories; so that unlike a library of books, the Ocean of the Streams of Story was much more than a storeroom of yarns. It was not dead but alive (Rushdie, 2012, p. 39–40).

It is in acknowledgment of this truth that Roland Barthes would claim that “any text is an intertext” (Barthes, 1981, p. 39), Kristeva would identify intertextuality as inherent in the very process of literary creation, J. Hillis Miller would find literary texts inhabited by a “long chain of parasitical presences, echoes, allusions, guests, ghosts of previous texts” (Gilbert and Gubar, 2000, p. 46) and Gerard Genette would speak of the “palimpsestuous nature of texts” and assert that “any text is a hypertext, grafting itself onto a hypotext, an earlier text that it imitates or transforms” (Genette, 1997, p. 9).

One author who was certainly aware of all these networks and connections that texts have with other texts was Cervantes. The narrator of *Don Quixote* therefore claimed that while the early chapters were derived from the archives of La Mancha, the rest was translated from an Arabic text authored by Moorish author Cide Hamete Benengeli, who was an entirely fictional character. Alongside such a metafictional sleight of hand we also notice in the novel a series of parodic episodes referencing popular chivalric romances which had ensured Quixote's insanity as well as an acknowledgement of a spurious sequel authored by Alonso Avelleneda which the second part of *Don Quixote* robustly refutes. It is but natural therefore that the text of *Don Quixote* itself has been the source of countless other texts across genres which have either been inspired by the adventures of Quixote and Sancho Panza or have retold their experiences from other perspectives. Such illustrious novelists of world history as Fielding, Smollett, Sterne, Diderot, Stendhal, Flaubert, Daudet, Gogol, Dostoyevsky, Galdos, Melville, Twain, Faulkner, Mann, Nabokov, Fuentes and many others have been inspired and influenced in varying ways by the inexhaustible plurality and allure enshrined in Cervantes' timeless masterpiece. No wonder then that Lionel Trilling remarked that “All prose fiction is a variation of the theme of ‘Don Quixote’: ...the problem of appearance and reality” (Trilling, 2008, p. 281). Such a judgment has been echoed by several others and Michel Foucault also asserted

that “*Don Quixote* is the first modern work of literature, because in it we see the cruel reason of identities and differences make endless sport of signs and similitudes” (Foucault, 2002, p. 48–49). Remarkably, such assertions also point to one of the key features of the postmodern world where differences of appearance and reality are blurred and the conflict between signifiers and signifieds acquire ever-varying and dizzying proportions. This is precisely why French theorist Jean Baudrillard had asserted long back that the Western civilization had arrived at the age of the “hyperreal” (Baudrillard, 1995, p. 122) which generates a simulacra in which the traditional relationship between signifier and signified is lost and one finds oneself in a world where language and external reality remain starkly dissociated from each other. The inevitable outcome of such a paradigm shift is a world where the distinction between truth and lies is blurred, where all categories of good and evil, right and wrong become relative, fluid and at times irrelevant. It is at this conjuncture of postmodern contemporaneity and the exceptional legacy of *Don Quixote* that Rusdhi’s latest novel *Quichotte* is situated.

Understanding *Quichotte*

Quichotte presents to us a colourful, multi-dimensional and metafictional text where the Pan-American journey of Ismail Smile, a travelling salesman who adopts the name Quichotte, the protagonist of a novel being written by author Sam DuChamp, becomes a canvas of magic realist phenomena which serves to foreground the ethical crises of our contemporary world. Just as Cervantes’ don, obsessed as he was with chivalric romances, had tilted at the windmills, supposing them to be monsters of some kind, Rusdhi’s Quichotte also fails to retain the distinctions between reality and the world of the television and consequently embarks on an impossible quest to win the heart of Salma R., one of the celebrated icons of the American television world.

Of course, Don Quixote was not alone in his journey and neither is Quichotte. Just as Cervantes’ don had a squire, Quichotte generates an adolescent son. On the night of a meteor shower, in a drastic reversal of the Immaculate Conception, as the manifestation of childless Quichotte’s long-cherished desire, Sancho miraculously appears on the passenger seat of Quichotte’s car as an adolescent boy who goes on to become Quichotte’s companion in his fabulous journey. This is as much an indication of Rusdhi’s habitually magic-realist narrative paradigm as it is of a bizarre present where the borders between fact and fiction keep disappearing. In the process, the fundamental element of the quest-motif used in *Don Quixote* becomes transposed onto the context of contemporary America through the duo of Quichotte and Sancho who operate as a fabulous postmodern counterpart to Don Quixote and Sancho Panza. However, the crucial significance of an adaptation lies less in its rather obvious semblances to the original and more in how it is able to offer a relevant commentary to the concerns of its own age. Herein lies the significance of *Quichotte* which appropriates *Don Quixote* only to offer a searching critique of some of the

abiding maladies of our times, particularly the violent and hateful assertions of singular identities and belligerent nationalisms, which have claimed many victims across the world.

Such maladies recurrently haunt the quest of Quichotte and Sancho during different episodes of their journey as they confront various degrees of xenophobia, racist hatred and brazen intolerance. For example, near Lake Capote a large white woman becomes convinced that Quichotte and Sancho must be representatives of ISIS and potential terrorists and therefore hurls at them a series of abusive remarks and questions:

Who knows how you got here. This aint a place for you. You shouldn't be allowed past the border controls. How'd you get in? You look like you come from a country on that no-entry list. You hitch a ride with a Mexican? What you lookin' for in America? What's your purpose? (Rushdie, 2019, p. 126).

In one moment, all of Quichotte's hitherto cherished notions about America are shattered as he realises that mindless hatred may unapologetically dominate public discourse by drowning facts and humane considerations.

In fact, such events are regularly confronted by Quichotte and Sancho during the course of their journey. Consequently they find themselves entangled in a ruthless world where hatred born out of fabrication and falsification generates a fusion of ignorance and imbecility whose arrogant exhibition strings together the scream of the political follower and the proclamations of the head of the state. Quite naturally, Sancho realises that "normalcy" refers now to a land of accepted inversions. Such inversions violently manifest themselves to Quichotte and Sancho when in front of both of them in a diner in the ironically named city of Beautiful in the state of Kansas, a racist drunk first abuses a couple of Americans of Indian origin and then shoots them dead. Readers are inevitably reminded in this context of the assassination of Srinivas Kuchibotla and such other incidents of racially motivated violence directed towards persons of Indian and subcontinental origin both in post-Trump United States and post-Brexit UK. In Rushdie's analysis such increasing incidents of violence are also indicative of a growing atavism and savagery. Therefore, Sancho curiously observes a leather collar around the neck of the fat white racist woman who abuses them near Lake Capote, such as those that are generally tied to dogs. Later, when Sancho is again attacked by three racist men in a park in New York city, he surprisingly observes similar collars around their necks as well. Combining surrealism, magic realism and multi-layered symbolic resonances, such episodes become telling representations of chronic social degeneration.

The same perspective once again becomes evident when, during their journey to New York, Quichotte and Sancho unexpectedly enter a bizarre city named Berenger where several inhabitants have transformed into gigantic, extinct pachyderms known as mastodons. Some of the residents believe that such transformation may actually be the result of sustained deprivation to which sections of the population had been subjected for years and that their recent assaults are an expression of years of pent up rage. These assaults create, on the

one hand, an ambiance of fear and panic and on the other hand provoke ruthless hate and urge for violence. The novel here remarkably combines within its quixotic world elements from Eugene Ionesco's *Rhinoceros* and the *X-Men* series of comics and films to produce a metaphoric paradigm of socio-political commentary whose folds embrace within itself not just contemporary UK and USA but also India. Thus, just as Cervantes' mad protagonist serves to comically and ironically underscore the maladies of his own age, Rushdie's similarly insane protagonist becomes that redemptive figure of humanity who serves to expose the vitriolic and corrosive consequences of those unitary modes of identity and belonging which are gathering momentum across the world.

But it must be remembered that Rushdie has never been one of those realistic authors devoted to the exclusive dissection of socio-political maladies through the medium of the novel. Therefore, in *Quichotte* too, alongside the socio-political commentary, Rushdie also deploys a narrative style that not only incorporates within itself innumerable elements of popular culture spanning television, social media, films, graphic novels etc. but also fosters through its multiple layers an aesthetic of self-reflexive scepticism. This is evident from the very structure of the narrative — the saga of Quichotte and Sancho is part of a novel being written by Brother, a character who adopts the pseudonym Sam DuChamp for his novels, the events of whose life are being narrated to us by an anonymous omniscient narrator. Incidentally, not only do Quichotte and Brother hail from the same part of the subcontinent but also have similar histories of familial struggle and loneliness. Furthermore, both these characters also embody various aspects of Rushdie's own much-publicised personal existence, which perhaps lends greater depth to characterisation. The crazed Quichotte's paternal affection and his unconditional love for Salma, Brother's desperate attempt to bridge the decade-long gulf between siblings, Salma's quest for true love and solace beyond fame, addiction and the nightmarish past of her family life, the cordial bond between Sister and her husband – all of these render Rushdie's novel eminently evocative and alive. Stringing personal life, family, ethnicity and state with a global consciousness, Rushdie leads us into a pluralistic postmodern hall of mirrors, bedazzled with endless significations.

Conclusion

However, just as Cervantes' wide-ranging world of ridicule, satire and irony was never predicated on moral relativism, Rushdie's postmodernism is also not without its ethical foundations. Quixote may be mad and may even wish to renounce his madness on his deathbed, but his friends and acquaintances understand enough of his idealism, honesty and ethical integrity, however misplaced, to wish that he does not change. Likewise, however muddled the brain of Ismail Smile may be, in a novelistic universe punctuated by numerous examples of violence, bigotry, deceit, corruption and malice, Quichotte remains redemptively free of all such contamination and extols the value of selfless and

steadfast love and affection. Northrop Frye had observed that “The picaresque novel is the social form of what with *Don Quixote* modulates into a more intellectualized satire” (Frye, 2000, p. 229). Yet Frye also called Cervantes’ protagonist “possibly the greatest figure in the history of romance,” whose proper role is that of “social visionary” (Frye, 1990, p. 179). The same dichotomy is also true in a way for *Quichotte*: it not only operates as a scathing satire of the bigoted fabrications and violent outbursts ravaging various parts of the contemporary world, but also envisions how individuals may rise above such treacherous currents on the wings of their love. Just as death and darkness are dispelled by the unending narrative of Arabian Nights’ Scheherzade, faced with the crisis of civilisation and mortality of life, Rushdie too presents to us a sea of stories where love continues to shine amid tempests and shipwrecks. The tales go marching On! On! On!

References

- Barthes, R. (1981). ‘Theory of the Text’, *Untying the Text: A Post-Structuralist Reader*. Robert Young (Ed.). London: Routledge & Kegan Paul, pp. 31–47.
- Baudrillard, J. (1995). *Simulacra and Simulations*. Sheila Faria Glaser (Trans). Michigan: Michigan UP.
- Frye, N. (2000). *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press.
- Frye, N. (1990). *The Secular Scripture — A Study of the Structure of Romance*. Harvard: Harvard UP.
- Foucault, M. (2002). *The Order of Things: An Archaeology of Human Sciences*. New York: Routledge.
- Genette, G. (1997). *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Channa Newman and Claude Doubinsky (Trans). Lincoln: University of Nebraska Press.
- Gilbert, S.M., & Gubar, S. (2000). *The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination*. 2nd ed. New Haven: Yale University Press.
- Rushdie, S. (2012). *Haroun and the Sea of Stories*. New Delhi: Penguin.
- Rushdie, S. (2019). *Quichotte*. New Delhi: Penguin.
- Trilling, L. (2008). *The Liberal Imagination*. Introduction by Louis Menand. New York: New York Review Books, 2008.

Bio note:

Abin Chakraborty, PhD., Assistant Professor in English, Chandernagore College, Chandernagore. ORCID ID: 0000-0002-2411-7452; e-mail: abin_chakraborty@yahoo.co.in

Сведения об авторе:

Чакраборти Абин, доктор наук, доцент Чендернагорского колледжа, Индия. ORCID ID: 0000-0002-2411-7452; e-mail: abin_chakraborty@yahoo.co.in

ЖУРНАЛИСТИКА ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

JOURNALISM HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-109-121

UDC 659.4:070

Research article / Научная статья

Factors Transgressing Journalism's Contemporary Mission and Role

G. Simons^{1, 2} , D. Strovsky^{3, 4}

¹ Uppsala University,
P.O. Box 514, SE-751 20, Uppsala, Sweden;

² Ural Federal University,
19 Mira St, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

³ Ariel University's Research Centre for Defence and Communication,
65 Ramat HaGolan St, Ariel, Israel

⁴ School of International Studies at Sichuan University,
No. 24, South Section 1, Yihuan Road, Chengdu, Sichuan Province, 610065, P.R. China

 gregmons@yahoo.com

Abstract. This discussion article envisages five different contemporary challenges and pays special attention to the arguments as to why contemporary journalism loses its professional priorities and gets mixed in with other types of mass communication, particularly with public relations (PR) and propaganda. This clarification is of great importance not only for purely professional purposes, but also for broad social priorities. Arguments concerning the role and mission of journalism place it anywhere between watchdog and lapdog which makes the process of studying journalism uncertain and even contradictory as it is caught between the binds of historical values and the traps of contemporary practice.

Keywords: journalism, fourth estate, interpretive journalism, transgression

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 1, 2021; revised: December 15, 2021; accepted: December 31, 2021.

For citation: Simons, G., & Strovsky, D. (2022). Factors transgressing journalism's contemporary mission and role. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-109-121>

Миссия и роль современной журналистики: факторы трансгрессии

Г. Саймонс^{1, 2}✉, Д. Стровский^{3, 4}✉

¹ Упсальский университет,
Швеция, Упсала, SE-751 05, P.O. Box 256;

² Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

³ Научный центр обороны и коммуникаций при Ариэльском университете,
Израиль, Ариэль, ул. Рамат ХаГолан, 65;

⁴ Институт международных исследований Сычуаньского университета,
Китай, 610065, Чэнду, Южная секция 1б, Джихуан роуд, 24

✉ gregmons@yahoo.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются пять актуальных вызовов, которые определяют ситуацию трансформации традиционных профессиональных ориентиров журналистики в контексте трансгрессии, смешения с другими видами информационной деятельности, в частности со связями с общественностью и пропагандой. Прояснение этого вопроса имеет существенное значение не только для решения профессиональных задач в сфере СМИ, но и для определения социальных приоритетов массмедиа. В настоящее время роль и миссия журналистики определяются границами классических постулатов прошлого и парадоксами современных практик, что провоцирует неопределенность и даже противоречия в изучении данной сферы деятельности.

Ключевые слова: журналистика, медиатизация, глобализация, политизация, коммерциализация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 1 декабря 2021 г.; откорректирована — 15 декабря 2021 г.; принята к публикации — 31 декабря 2021 г.

Для цитирования: *Simons G., Strovsky D.* Factors transgressing journalism's contemporary mission and role // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-109-121>

Introduction

This review paper intends to track and discuss the often-contradictory discourses on the role and mission of contemporary journalism as a profession and journalists as the professionals of the industry, which lies anywhere between watchdog and lapdog which makes our investigation actual for modern media practice accompanied by a large number of information challenges. Even in the more democratic societies political and economic pressures on the media become dominant which significantly decreases opportunities for non-biased information. Journalism is pressured by the other three forms of mass communication, such as advertising, public relations (PR) and propaganda. The authors believe that propaganda dictates certain requirements for the content of information and suggests persuasive and/or manipulative methods of portraying reality that is distorted in consciousness of the audience.

In this article, the primary focus is on academic discussions concerning the role and direction of journalism in the 21st century, although this does require delving deeper into history as the basis for the contemporary evolutions and revolutions in journalism are derived further back. There are also reflections from media sources concerning the change, whether this is positive or negative and why. The number of modern challenges towards journalism is not limited only by those being mentioned. The profession is without doubts is being affected by many more, such as social media, mobile technology, etc. which can create additional threats and opportunities for journalism's development. Nonetheless, those five include all the other informative trends that have become more noticeable and acute, even though they are not strictly being recent developments and trends. This enables us to narrow down the research focus to basic connotations being most pivotal for understanding the changes in modern journalism.

Method

A general internet search using Google Scholar was made with the following search terms: *journalism + change*; *journalism + evolution*; *journalism + revolution*; *journalism + transgression*. An extremely large potential pool of possible hits was received and after manually checking the first ten pages of each search term a set of over 200 items was deemed relevant (based on the above-mentioned traits) for the study. Given the large set of articles, the content and the narratives of the selected materials revealed a certain set of recurring patterns and narratives of the changes that journalism is undergoing, which assisted the coding of the materials.

Coding is an essential element in the qualitative research process as it takes a part the data to see what it yields, before reconstructing the data in a meaningful way (Elliot, 2018). There are two broad approaches to coding data,

inductive and deductive coding. The inductive approach uses the data to generate ideas, whereas the deductive method starts with an idea or theoretical framework and uses the data to verify or disprove the idea (Taylor, 2003). Schadewitz and Jachna note that, “often a combination of both approaches is used. A researcher might start with an inductive coding, trying to identify patterns in the data and establish categories by which the remaining data is coded. In further steps, some theoretical constructs can be consulted to explain and evaluate the categories” (Schadewitz, Jachna, 2007, p. 6). To reach Schutz’s (Schutz, 1967) two orders of interpretive understanding, the method of analysis shall employ an inductive data-driven interpretation as outlined by Boyatzis (Boyatzis, 1998) to reach the first order. Then a deductive template of codes approach outlined by Crabtree and Miller (Crabtree & Miller, 1999) will be used to reach the second tier of understanding.

Given the size of the task to identify the main categories of discussion there is a need to locate codes that are logical and adequate to the task of interpretation. Therefore, the thematic analysis involves a search for themes that emerge as being important to the description of the phenomenon. As such, it involves a process of identifying the themes through “careful reading and re-reading of the data” (Rice & Ezzy, 1999, p. 258). This was the approach to identifying the code categories used in this article: 1) globalisation; 2) politicisation and commercialisation; 3) new technologies; 4) influence of PR; and 5) advertising. This review article focuses, albeit briefly, on highlighting the main problems as being simultaneously key challenges for contemporary journalism through a review of some of the current academic literature and opinions on the issue.

Journalism’s contemporary global challenges

To achieve the above, the authors identify and analyse five different and broad categories of challenges faced by contemporary journalism and how they affect the mission and role of journalism through evolutionary and/or revolutionary change and transformation of the profession.

Challenge 1: Globalization. Globalization means not only the process of diverse internationalization, which determines the movement towards increasing interdependence of different countries that facilitates the creation of common values and criteria. For example, Chinese journalism has adopted some of the key concepts in Western journalism (such as the typologies of professional journalism), but these have been adapted to the specifics of the national media system (Hassid, 2011). One can also observe the increasing number of international editions of national media, such as the British Guardian UK and now Guardian US edition or the US Huffington Post’s original US and later the UK edition, which export not only ideas, but formats and practice that is associated with the media outlets’ brand. Most important in this movement is spreading of different achievements that determine a unified background for the future technical and technological progresses. It applies to the humanitarian spheres and gives rise to

the development of various strategies, both informational and legislative, which actively promote international integration (Webber, 2006, p. 69).

News Corporation, owned by magnate Rupert Murdoch who is known for a large number of media enterprises being controlled (including the film company *20th century Fox* and hundreds of different radio and print media on five continents). In addition to *News Corporation*, there are gigantic financial investment corporations, also pursuing media businesses, like American *Time Warner*, *Disney*, German *Bertelsmann*, the Japanese *Sony* being included in the list of 500 world leading companies, each with income of US \$10 to 25 billion per year in the early 2000s (Bykov, 2003, p. 78). Those media which are a part of this company support its interests wherever they spread.

It is natural therefore that globalization stimulates a problematic development of the international situation and inevitably increases conflicts in various spheres: military, economic, diplomatic and economic. This situation is particularly noticeable in the current confrontation between Russia and the USA and Western European countries within media reporting. As opinion polls demonstrate, the attitude to economic sanctions against Russia on the part of the population of Western Europe varies. However, the media in these countries are seriously influenced by American political interests are hostile towards Russia (Simons, 2019). At the same time the audience in these countries is unable to see viewpoints of those who oppose an official position of most governments. A similar situation today exists in Russia. Most media there are also hostile towards the US and its partners, due to political interests of the Kremlin. Yet the whole picture significantly reduces plurality of information and the level of discussion on one of the most significant political agenda settings, which negates a potential positive impact from journalism.

Challenge 2: Politicization and commercialization. Journalism as a business has been suffering from a significant recession that affects its profit-making ability, added to this problem are the further business effects of new digital technology. As a result, there has been a focus on the streamlining of operations and trying new business models. However, as McDowell (McDowell, 2011) argues, this is only a part of the solution. Journalism content is increasingly becoming treated as a commodity by audiences and advertisers; therefore, the problem is not only concerning operational aspects, but also touches upon brand management and therefore the expectations of advertisers and the public. Research indicates that journalists are coming under increasing pressure from supervisors, their colleagues and the public to develop a professional identity. This process limits their professional freedom as they become caught in a cycle that stifles their individual freedom to maintain a consistent professional brand identity.

This can create a significant problem in the media sphere, which is being affected by commercial and political organisations that seek to pursue their interests and aims, and to garner public legitimacy via mass media content and therefore destroy journalism with its rhetorical adherence to non-biased reflections

(Papathanassopoulos, 2020). The situation has stimulated an interest and a discussion that reflects on the relative power of journalism in relation to powerful commercial and political interests that are currently being communicated. It should be understood, different political and commercial actors have priorities that are other than the idealised vision and mission of journalism within the moralistic framework and understanding of the “fourth estate”. This creates different and divergent sets of moral and ethical considerations that are directed at realising ‘other’ as opposed to public interest and claims of social responsibility.

Politicization is understood as having direct or indirect influence on journalism, which increases biased coverage of different socio-centric processes. Media politicization is seriously affected by media globalization giving birth, as has been said, to political imbalance. The situation runs contrary to Anglo-American journalism’s ideal of “objectivity” that still prevails, at least rhetorically. However, the ideal was not universally shared among all journalists. Some British print journalists adhered more to the ideals of independence, fair play and non-intervention by the state rather than objectivity (Hanusch, Banjac & Maares, 2020). This is seen in the increasing level of criticism in and among journalists concerning the evolution of key challenges journalism’s identity and role in society, especially with regards to political partisanship and fake news. For example, the above has been clearly seen in the run-up to the US presidential elections in 2020 in terms of how different media outlets (including social media) cover Biden as the Democrat Party candidate and Trump as the Republican Party candidate. Not only in terms of what they do cover, but also what they refuse to cover. The story concerning the contents of Hunter Biden’s laptop, which saw those media outlets favouring Trump or independent covering the story, and some mainstream liberal media outlets that favour Biden not covering the story.

An interesting result from a study on the notions of transparency and objectivity among US-based journalists demonstrated that “the longer journalists have been in the profession the less they embrace neutrality as an occupational norm” (Hellmueller, Vos & Poepsel, 2013, p. 300). In the contemporary era of politics where liberal democracy is under a great deal of pressure from ‘populist’ or anti-establishment politics, mainstream media and journalism has been seen coming to the defence of liberalism. The result is a decline in trust of the messenger among the audience, there is also a decline in the reliability of the message too.

A relatively recent development in journalism is to move away from the impossible utopian concept of “objectivity” towards the concept of “truth”, which creates a confusing and fallacious information environment (Munoz-Torres, 2012, p. 566). This is perhaps creating the foundations for those current buzzwords such as post-truth world and fake news that have created a great deal of noise in academia, politics and journalism.

Fake news is a current aspect of the contemporary information environment that has attracted a lot of interest and conjecture as to its level of threat and its origins. Although fake news has been practiced for some time, and even recently

the definition has evolved – from something made up or conjured (such as satire or talk shows), to something more sinister, deceptive and manipulative (such as disinformation and propaganda by state actors), and finally to mean something does not agree with one's world view (such as Trump's regular invocation of fake news allegations against *CNN* and other media outlets) (Simons, 2017). The issue of fake news is being used politically to put pressure on journalism.

Commercial news are not only shaped for the consumer, but also for the benefit of advertisers, investors and sources, with economic rationalism increasingly playing a role in print and broadcast journalism in determining news selection. Commercialization of the media also reduces quality of information and leads to a specific spreading of mass culture. On the one hand, the media information in this case becomes more entertaining, and on the other one, it turns out to be overly simplified, and often quite primitive. Accordingly, understanding of the modern world seems to be biased (Mancini, 2013, p. 44). These contradictory demands and patterns create an environment of contradictions, where binary opposing goals and objectives exist side by side with the influences and expectations of different stakeholders.

Ideas have emerged and are developed from an era of “post-journalism” where politicians and others have adopted an ‘entertaining’ format or logic of influence over informing the public, the result has been the death knell to independent and investigative journalism (Capilla, 2021). If journalism is predetermined by thoughtful coverage of reality, given pros and cons of the latter, then propaganda distorts this reality in favour of certain subjective political and economic values. This occurs due to a manipulation by a person or a group of individuals, often in a veiled form, of mass consciousness. Taylor admitted that propaganda can be spread accidentally or unconsciously, in most cases it is based on deliberate decisions, and uses techniques of persuasion designed to achieve specific objectives, for the sake of those who organize the process (Taylor, 2003). These goals are often defined by rigidly specified political idea which undermines all other arguments.

Propaganda is often ‘embedded’ in journalism so much that it is impossible to immediately determine the boundaries between them. This applies, for example, to such a media genre as inquiry, which may resemble journalism, but in fact, is politically or economically biased (Zollmann, 2017). ‘Erosion’ of journalism happens not necessarily because someone deliberately sets this goal. As Lippmann noted the stable existence of any society is possible only through the certain political agenda which can never be fulfilled without propaganda activity. Their presence Lippmann attributed not only to authoritarian, but also to civically oriented regimes under which interests of the so-called ‘average’ people are considered when making state decisions. The development of countries in these conditions does not deny propaganda used by the authorities to achieve their goals (Lippmann, 1997, p. 3–23).

This does not improve the state of journalism being often a ‘hostage’ in contemporary politics. The evolution of political and economic factors provokes

fundamental re-evaluations and changes in the profession of contemporary journalism's definition and practice.

Challenge 3: Entry of new technologies in the media market. This factor could potentially help the realization of the journalistic profession, however daily practice in the media sphere proves that technological changes provoke controversy. It is true that new information technologies assist to immediate reception of information and make the journalism process quicker. These circumstances enable media to engage in discussions with more people and to quickly compare all the 'pros' and 'cons' about socially important issues (Schapals, Porlezza, 2020). Thereby, the penetration of rapid information into these issues becomes deeper. Yet, to what extent the media in these conditions are capable to enforce a profound understanding of reality?

Firstly, the Internet, social media and mobile technologies provides opportunities for manipulation of the mass consciousness. The simultaneous use of verbal and visual effects, moving images, colours and different technical effects radically change perception of the world, and the audience in these terms often stops to distinguish reality from fiction. Technologies already seriously raise the issue about a new phase of the Internet development to be filled up with computer information, without human intervention. This puts on the agenda an idea of creating even a more illusory world compared to what exists now, that has very little in common with reality. Fictional reality is being actualized today through active involvement of illusions or misinformation into public sphere, which becomes especially noticeable during election campaigns, such as the Trump phenomenon (Swire et al., 2017). In this regard, the main problem is generated by unverified information provided as 'truthful' and given in a form of journalism.

Secondly, with the advent of modern technologies, and in particular with the development of the Internet and social media, the level of critical appraisal of information sourced from there began to decline. This is due to the increased competition among editorial offices, a journalist has to work as quickly as possible and often turns out to be unable to evaluate discussible sources of information analytically. He is often not even required to do so. This occurs in Western (Brandzaeg, Fölstad & Chapparo Dominguez, 2018) and other journalism environments, for example in the Arab world (Fairfield & Shtein, 2014). A lack of an ideal journalistic professional standard is going to be exacerbated. Meanwhile, this position has always been part and parcel of journalistic activity, which separates it from public relations and advertising.

Thirdly, the development of the Internet has lowered the ethics of relationships between actors disseminating information and the audience (Fairfield, Shtein, 2014). If social networking makes possible the distribution of any uncontrolled information, this inevitably leads to massive consumption of this communicative algorithm in other media. One observer noted the changing nature of the style of communication and the relationship between journalism and its audiences. There has been a gradual transition away from monologist one-to-many communication to what has been described as a "mutualised" relationship,

which represents a more complex many-to-many and interactive form of communication. These approaches to creating information are unable to instil in people an understanding of journalistic creativity with steady rules regarding structure, composition and semantics of the texts. The trends and tendencies in this challenge indicate a rather radical revolution in the professional work of journalists owing to the rapid development and diffusion of modern information communication technologies throughout society.

Challenge 4: Influence of public relations. Public relations (PR), as one of mass communication trends like journalism, seem to be a sphere of creative mass information activity. Journalism and PR have developed alongside each other over the last two centuries (Moloney & McGarth, 2020, p. 81). However, its content is fundamentally different to journalism. PR seeks to encourage a target audience to engage emotionally and sympathetically with a person or organisation in order for that said person or organisation to fulfil its aims and goals. One of the sources of conflict between journalists and PR practitioners is that the latter are viewed as being somehow subjective and biased whereas journalism is intended to be initially prone to objectivity and non-bias (Franklin, 2005, p. 216–217). PR looks as the field of social-oriented activity based on the relationship between the actor and the audience and aimed at promoting a positive image of the actor or organisation.

If journalism seeks a deep and unbiased study of life given diversity of positions existing in society, then PR is focused primarily on the formation of a positive reputation of the actors of influence. It does not mean that a PR-text cannot provide the audience with pros and cons concerning one or another situation but obviously it is very unlikely to meet media standards where content priorities would contradict a position of an information provider whereas a journalism approach predetermines seeking truth.

Practice however seems to be different from theory and get complicated with particular circumstances. Tumber (Tumber, 2001) observes that journalism is under pressure from two different directions. Firstly, it is worth mentioning editorial pressure from media owners and conglomerates. Secondly, there are new forms of political and government communication with the public. To fill up media with diverse information, journalists actively use press releases. Press releases serve as a background for creative media material which creates an illusion of journalistic work. Yet, this approach affects the entire information policy of the media because journalists often begin to treat the received information uncritically, without detailed investigation as though it is wholly trustworthy (Lewis, Williams & Franklin, 2008, p. 43). One more problem for journalistic realization is defined by certain media conditions. For instance, in Russia and in the CIS countries journalists have to earn money for newsrooms where they work. They perform the so-called paid tasks, preparing materials for payment from clients (Azhgikhina, 2007). In this case journalists stop being journalists and become involved in the PR-work which fundamentally changes their social role based on the daily results of their work.

Already in the mid-1980s Baistow raised the issue that the “fourth estate” gradually gives way to the “fifth power” (implied as information technologies in sense of structured information trends) and resorts to streamlined coverage of life (Baistow, 1985, p. 67-77). This trend has become noticeable in the contemporary world being distinguished by media unification because of the development of global information flows. It goes without saying that this situation poses a serious threat to idealised notions of journalism with its individual perceptions. Modern media-practice universally becomes very similar to *PR-nalism* based on a combination of journalism and PR.

This activity promotes media information by imitating journalistic output, or at least almost undistinguishable from it, but the information itself favours the interests of its actor or contributor. Moreover, such information may be well ‘tailored’, given the requirements for its composition, argumentation and other parameters which make it consumable. However, PR-nalism seriously distorts journalism as a profession and inevitably stimulates a shortage of creativity in modern media texts.

The information presented on news stories often offers a similar interpretation of news due to the same press releases consumed by journalists. In terms of today’s political reality journalists apparently do not consider these situations as abnormal and violating the ideal principles of journalistic activity. This is confirmed by Moloney and McGarth, who characterise journalism as having capitulated to PR in the contemporary era (Moloney & McGarth, 2020). Historically, PR has always provided material for journalism, which is nothing new. What is new is the volume and extent to which this has taken place in recent years.

Challenge 5: Mass media advertising. In both a theoretical and practical understanding, advertising plays an important role in mass media products offered to the consumer. There are those that are less optimistic about the public’s ability to gather enough reliable information anymore in order to be able to make those informed decisions on critical aspects that affect their lives, where mass media and journalism are theoretically intended to nurture an environment of free-willed participative democracy.

There are some similarities in the relationship between advertising and journalism as there is between PR and journalism. Erjavec noted a relationship between advertising and journalism in the co-production of “hybrid promotional news” (Erjavec, 2004). This is owing to the large financial stakes in the global advertising market and journalism’s reliance on this source of finance. Advertising revenues are crucial because they provide a large part of the income of media outlets and also help to offset the purchase price for the media product consumer. Advertising can also be used to directly or indirectly influence the quality and nature of the media content, especially something that may harm the interests of the advertiser (Hanusch, Banjac & Maares, 2020). The impact of advertising on media sources increases every year. Along with this, advertisement at this time continued to be a source for its existence and thereby actively influenced the content of the media.

Conclusion

The academic idea and professional practice of journalism has been steadily transgressing away from an utopian ideological concept of ‘pure’ public good towards a less than ideal form of influential and persuasive (in a manipulative sense) pragmatic practice that acts in the interests for powerful for political or social or economic goals. This article has been framed around five contemporary challenges that are faced by journalism around the globe currently. To reiterate these challenges, they are 1) globalisation; 2) politicisation and commercialisation; 3) new technologies; 4) influence of PR; and 5) advertising. These are all central concerns to all countries regardless of their political and economic development, which makes our analysis actual. These five categories should not be viewed as being in isolation from one another as they are mutually influencing and reinforcing certain evolutionary and revolutionary trends and processes in contemporary journalism. Meanwhile, the problems for journalism’s existence are not followed only by the above reasons, but by a very broad view of the essence of the profession itself. One of the problems found in journalism is a lack of definitional and conceptual clarity in the central ideas that form its identity and purpose, for example the use of the standards of ‘truth’ and ‘objectivity’ in their work.

Political, cultural, social, economic and technological factors have all influenced how journalism’s role and mission in society is defined and conceived. These factors should also not be considered as being insulated from the effects of each other but interconnected and influencing each other in transforming the concept and practice of contemporary journalism. As has been noted, journalism is often co-opted or made use of by other actors in the stated challenge categories, such as by PR and advertising practitioners, by political or business interests, to further their or their clients’ interests and not the ‘public’ interest. The resulting relationship tends to be asymmetrical in terms of power and influence as the journalism profession seeks to find its footing in the midst of a crisis in the functioning of its economic model and to try and apt to the rapidly evolving technological environment that has seen journalism lose its monopoly on the mass distribution of information. Therefore, the “crisis of journalism” is in fact consisting of a number of simultaneously occurring crises: corporate interference, political interference, influence of PR, influence of advertising, decreasing sense of public legitimacy, financial business model, internal value and normative conflicts in the journalist and academic communities, etc.

The rapid development of new technologies has created a revolutionary change in journalism, which has seen the rise of an environment where almost anyone can simultaneously be a producer as well as a consumer of information. The other environmental factors have had a more gradual, yet profound evolutionary effect upon journalism that has significantly altered journalism’s identity culture that defines its mission and role in society. Furthermore, the combined effect of the five challenge areas has created a revolution in the way that contemporary journalism is being defined and practiced.

References / Библиографический список

- Azhgikhina, N. (2007). The Struggle for Press Freedom in Russia: Reflections of a Russian Journalist. *Europe-Asia Studies*, 59(8), 1245–1262.
- Baistow, T. (1985). *Fourth-rate Estate: an Anatomy of Fleet Street*. London: Comedia.
- Boyatzis, R. (1998). *Transforming Qualitative Information: Thematic Analysis and Code Development*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Brandzaeg, P.B., Følstad, A., & Chapparo Dominguez, M.A. (2018). How Journalists and Social Media Users Perceive Online Fact Checking and Verification Services. *Journalism Practice*, 12(9), 1109–1129.
- Выков, А.Ю. (2003). *Современная зарубежная журналистика: конспект лекций [Modern Foreign Journalism: lecture notes]*. Ekaterinburg: Journalism Faculty of the Ural State University Publ. (In Russ.)
- Быков А.Ю. Современная зарубежная журналистика: конспект лекций / М-во образования Рос. Федерации. Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2003 (ОГУП «Полевская тип»).
- Capilla, P. (2021). Post-Truth as a Mutation of Epistemology of Journalism. *Media and Communication*, 9(1), 313–322.
- Crabtree, B., & Miller, W. (1999). A Template Approach to Text Analysis: Developing and Using Codebooks. In B. Crabtree & W. Miller (Eds.). *Doing Qualitative Research*. Newbury Park, CA: Sage, 163–177.
- Elliot, V. (2018). Thinking About the Coding Process in Qualitative Data Analysis. *The Qualitative Report*, 23(11), 2850–2861.
- Erjavec, K. (2004). Beyond Advertising and Journalism: Hybrid Promotional News Discourse. *Discourse & Society*, 15(5), 553–578.
- Fairfield, J., & Shtein, H. (2014). Big Data, Big Problems: Emerging Issues in the Ethics of Data Science and Journalism. *Journal of Mass Media Ethics: Exploring Questions of Media Morality*, 29(1), 38–51.
- Franklin, R.A. (2005). McJournalism? The Local Press and the McDonaldization Thesis. In S. Allan (Ed.), *Journalism: Critical Issues* (pp. 137–150). London: Open University Press.
- Hanusch, F., Banjac, S., & Maares, P. (2020). The Power of Commercial Influences: How Lifestyle Journalists Experience Pressure from Advertising and Public Relations. *Journalism Practice*, 14(9), 1029–1046.
- Hassid, J. (December 2011). Four Models of the Fourth Estate: A Typology of Contemporary Chinese Journalists. *The China Quarterly*, (208), 813–832.
- Hellmueller, L., Vos, T.P., & Poepsel, M.A. (2013). Shifting Journalistic Capital? Transparency and Objectivity in the Twenty-First Century. *Journalism Studies*, 14(3), 287–304.
- Lewis, J., Williams, A., & Franklin, B.A. (2008). Compromised Fourth Estate? UK News Journalism, Public Relations and News Sources. *Journalism Studies*, 9(1), 1–20.
- Lippmann, W. (1997). *Public Opinion*. New York: The Free Press (reprinted from the original of 1922).
- Mancini, P. (2013). Media Fragmentation, Party System and Democracy. *The International Journal of Press/Politics*, 18(1), 43–60.
- McDowell, W.S. (2011). The Brand Management Crisis Facing the Business of Journalism. *The International Journal on Media Management*, (13), 37–51.
- Moloney, K., & McGarth, C. (2020). *Rethinking Public Relations: Persuasion, Democracy and Society*. 3rd ed. Croydon: Routledge.
- Munoz-Torres, J.R. (2012). Truth and Objectivity in Journalism: Anatomy of an Endless Misunderstanding. *Journalism Studies*, 13(4), 566–582.

Papathanassopoulos, S. (2020). The Media. In K. Featherstone & D.A. Sotiropoulos (Eds.), *The Oxford Handbook of Modern Greek Politics* (pp. 412–424). Oxford: Oxford University Press.

Rice, P., & Ezzy, D. (1999). *Qualitative Research Methods: A Health Focus*. Melbourne: Oxford University Press.

Schadewitz, N., & Jachna, T. (2007). Comparing Inductive and Deductive Methodologies for Design Patterns Identification and Articulation. *International Design Research Conference IADSR 2007 Emerging Trends in Design Research*, 12–15 Nov. Hong Kong.

Schapals, A.K., & Porlezza, C. (2020). Assistance or Resistance? Evaluating the Intersection of Automated Journalism and Journalistic Role Conceptions. *Media and Communication*, 8(3), 16–26.

Schutz, A. (1967). *The Phenomenology of the Social World*. G. Walsh & F. Lehnert, Trans. Evanston, IL: North Western University Press. (Original German work published 1932).

Simons, G. (2017). Fake News: As the Problem or a Symptom of a Deeper Problem? *Образ*, 4(26), 33–44.

Simons, G. (2019). The Anatomy of a Moral Panic: Western Mainstream Media's Russia Scapegoat. *Changing Societies and Personalities*, 3(3), 189–206.

Swire, B., Berinsky, A.J., Lewandowsky, S. & Ecker, U.K.H. (2017). Processing political misinformation: Comprehending the Trump phenomenon. *Royal Open Society Science*, 4(3), 1–21.

Taylor, P.M. (2003). *Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day*. Manchester: Manchester University Press.

Tumber, H. (2001). Democracy in the Information Age: The Role of the Fourth Estate in Cyberspace. *Information, Communication & Society*, 4(1), 95–112.

Webber, F. (2006). *Theories of the Information Society*. 3rd edition. London & New York: Routledge.

Zollmann, F. (2017). Bringing Propaganda Back into News Media Studies. *Critical Sociology*, 1–17.

Bio notes:

Greg Simons, Associate Professor, Humanitarian Institute of Ural Federal University (Russia); Institute for Russian and Eurasian Studies at Uppsala University (Sweden). ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com.

Dmitry L. Strovsky, Professor, Dr. of Political Science, Research Associate at Ariel University's Research Centre for Defence and Communication (Israel), Visiting Professor of the School of International Studies, Sichuan University (China). ORCID: 0000-0003-1651-2484; e-mail: dmitry.strovsky@gmail.com; strovsky@mail.ru

Сведения об авторах:

Саймонс Грег, доктор философии, доцент, профессор Гуманитарного института Уральского федерального университета (Россия) и Института российских и евроазиатских исследований Университета в г. Упсала (Швеция). ORCID: 0000-0002-6111-5325; e-mail: gregmons@yahoo.com.

Стровский Дмитрий Леонидович, профессор, доктор политических наук, исследователь Центра обороны и коммуникаций при Ариэльском университете (Израиль), профессор Института международных исследований Сычуаньского университета (г. Чэнду, Китай). ORCID: 0000-0003-1651-2484; e-mail: dmitry.strovsky@gmail.com; strovsky@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-122-125

UDK 659.4:070

Interview / Интервью

The Evolution of Media in New Normal: Creating Bridges Between the Latin American and the European Research Tradition

An Interview with Professor Carlos A. Scolari

Эволюция медиа в новой нормальности: наведение мостов между латиноамериканской и европейской исследовательской традицией

Интервью с профессором Карлосом Сколари

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: December 1, 2021; revised: December 15, 2021; accepted: December 30, 2021.

For citation: Shilina, M.G., & Scolari, C.A. (2022). The evolution of Media in New Normal: Creating bridges between the Latin American and the European research tradition. An interview with Professor Carlos A. Scolari. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 122–125. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-122-125>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 1 декабря 2021 г.; откорректирована — 15 декабря 2021 г.; принята к публикации — 20 декабря 2021 г.

Для цитирования: *Shilina M.G., Scolari C.A.* The evolution of Media in New Normal: Creating bridges between the Latin American and the European research tradition: An interview with Professor Carlos A. Scolari // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 122–125. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-122-125>

— ***What does mediatization mean in the New Normal?***

— The concept of “mediatization” refers to the processes that lead the media to impose its logic on other institutions and discourses. In this context, researchers talk about “mediatization of sport”, “mediatization of politics”, or “mediatization of religion”: all activities and events in these areas end up being designed and produced for their transmission and media circulation. In general, the theorists of mediatization agree that the media have a great capacity to create realities. In this context, the COVID-19 pandemic accelerated or consolidated the mediatization processes. By being confined to our homes, personal face-to-face contacts were reduced, making us more dependent on mediated exchanges at all levels. Given that the pandemic is not over yet, it is difficult to say what form the post-pandemic media reality (the so-called “new normal”) will take.

— ***What is the basic relevant concept and idea of mediatization in the 2020s?***

— We can say that there are two great paths in the theories of mediatization: one originally developed in Latin American around the works of Eliseo Verón, and another one originated in Europe (F. Krotz, A. Hepp, N. Couldry, S. Hjarvard, etc.). The former has a socio-semiotic and discursive basis, while the European is based on a sociological-institutional approach. In both sectors there is a great interest in the new forms of mediatization — especially since the emergence of new social media and communication platforms — and in the scope of these processes. Concepts such as “deep mediatization” by Andreas Hepp (University of Bremen), “hypermediatization” by Mario Carlón, or “post-broadcasting” by José Luis Fernández (both from the University of Buenos Aires) go in that direction.

— ***Evolution or revolution? Or media mutations?***

— In recent years I have worked on the development of an evolutionary theory of media change. In 2018 I published a book with the designer Fernando Rapa titled precisely “Media Evolution” and right now I am working on a text for Routledge that should come out between 2022–2023: “On the Evolution of Media”. My approach is holistic and seeks to go beyond exclusively continuous and discontinuous views. Let’s look at an example: the appearance of the printing press. In the last 500 years there have been interpretations that privileged disruption (there was a before and after from Gutenberg) or continuity (the printing press was important but many elements and processes related to the book did not change). The same happened with the interpretations of the World Wide Web. Personally, I am interested in integrating both visions in the same analytical theoretical framework. Understanding media changes and, more general, the big socio-technological changes means developing a complex perspective that is far from simple oppositions (analog / digital, continuity / discontinuity, etc.). The evolutionary theory of media that I am working on aims to overcome linear models (the classic “timelines”) and any kind of predictive approach.

— ***Has your research field transformed? If yes, what are its main features, especially in (pan)demic mediated reality? Are there any differences in it before/in COVID-2019?***

— The pandemic has accelerated certain processes that were already underway, for example the mediatization of some institutions, discourses, and practices. At a methodological level, the pandemic has reinforced the work with data but above all it has consolidated the new forms of online ethnography. In our case, the research we have been conducting on riders and other platform workers had to continue through online meetings. Only now have we been able to return to personal interviews and “in situ” observation. It is possible that in the future these new forms of data-gathering techniques will consolidate.

— ***Which areas have been influenced by mediatization more? Culture? Society? Real or virtual world? Technologies?***

— Mediatization is everywhere. There is no aspect of the social life of Homo sapiens that is not totally or partially mediated. Politics, economics, culture, sports, or religion are highly mediated practices, not to mention interpersonal relationships. Identities are built (and transformed!) in media environments. It is almost impossible to think about the life of Homo sapiens without the media ... According to the proposals of Media Ecology, a theory inspired by the works of Marshall McLuhan, Neil Postman, and other scholars, we create the media but then they transform us. These relationships, as I already said, should not be considered unidirectional: the relationship between Homo sapiens and technologies is never linear.

— ***What are the problems and threats of mediatization?***

— The theories of mediatization can be considered a new phase in the long reflection on the effects of the media. Faced with the limitations and contradictions of the old theories of effects that marked 20th century research, the theories of mediatization offer a different framework of analysis to think about the role of the media in society. Like any other theory, it has advantages and limitations. From my perspective, these theories offer a point of view that goes beyond the behaviorism that marked the research on the effects; on the other hand, the development of a set of methods to understand how mediatization works and how the media construct realities is still pending. In this sense, the dialogue between the socio-semiotic and socio-institutional approaches is very important. To understand how the media construct realities we must combine a series of interdisciplinary methods and categories. Much work remains to be done in this area.

— ***What are the main directions for your future research?***

— On the one hand, with my team we are investigating the platform workers, their informal learning processes, and their relationship with other actors.

We are conducting an ethnography based on the life stories of riders, Uber drivers, cleaning workers, etc. This research is framed under the concept of “interface”, an analytical model that we are also applying to other realities (the school as an interface, the museum as an interface, online video games as an interface, the library as an interface, etc.). In parallel, as already indicated, I am working on the development of an evolutionary theory of media change. It is a complicated job, I am putting together an intertextual network of authors and texts that goes from Media History to Media Archeology, through Social and Technology Studies (actor-network theory, theory of the social construction of technology, etc.) and the most recent theorizations about the evolution of knowledge and new materialisms. I am interested in creating a general and long-term framework for media change to avoid excessively short-term analyzes.

Интервью провела М.Г. Шилина / Interviewed by M.G. Shilina

Bio notes:

Marina G. Shilina, Professor, Plekhanov Russian State University of Economics, Lomonosov Moscow State University, ORCID: 0000-0002-9608-352X; e-mail: marina.shilina@gmail.com

Carlos A. Scolari has a Ph.D. in Applied Linguistics and Communication Languages (Catholic University of Milan, Italy). He is Full Professor at the Department of Communication of the Universitat Pompeu Fabra-Barcelona. Researcher specialized in digital interactive media, transmedia storytelling and media ecology/evolution. He was PI of the H2020 EU TRANSLITERACY project (2015–2018) and since 2018 coordinates the PhD Program in Communication at UPF.

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова, МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID: 0000-0002-9608-352X; e-mail: marina.shilina@gmail.com

Сколари А. Карлос имеет докторскую степень. Магистр прикладной лингвистики и языков коммуникации (Миланский католический университет, Италия). Профессор факультета коммуникаций Университета Помпеу Фабра в Барселоне. Специализируется на исследовании цифровых интерактивных медиа, трансмедийного сторителлинга, медиаэкологии, эволюции медиа. Являлся главным исполнительным директором проекта H2020 EU TRANSLITERACY (2015–2018). С 2018 года координирует программу PhD в области коммуникации в Университета Помпеу Фабра.

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-126-136

УДК 81-13

Научная статья / Research article

Квантитативный анализ динамики распространения слова как фактор выявления значимости молодежных СМИ

О.В. Мурзина

*Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Российская Федерация, 119071, Москва, Малая Калужская, д. 1*

✉ 210978@list.ru

Аннотация. Исследованы роль и место молодежных средств массовой информации в изменении словарного состава русского языка. Для сопоставительного анализа использованы три слова, факторами популярности которых является политическая пропаганда, частое употребление слова в определенном молодежном журнале и широкая распространенность слова в Интернете. Выявлена волнообразная динамика повышения частотности слова, ставшего популярным благодаря публикациям в молодежных СМИ: повзрослевшие читатели журнала через 20–25 лет начинают активно употреблять слово, введенное в их словарный запас авторами публикаций. Поставлен вопрос о значимости средств массовой информации для динамики изменений лексикона языка. Разработана методика доказательства влияния средств массовой информации на динамику изменения лексикона с применением инструментария квантитативной лингвистики. История частотности употребления проанализированных слов в русском языке позволяет говорить о важности молодежных средств массовой информации как определяющего мировоззрение и лингвистическую картину мира текста. Более того, и для других слов, у которых частотность коррелирует с исторической обстановкой, сами контексты употребления свидетельствуют о связи повышения частотности с личностью конкретного публициста или писателя и с генерируемыми им текстами.

Ключевые слова: средства массовой информации, молодежные СМИ, лексикон, частотность употребления, квантитативный метод

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 1 ноября 2021 г.; откорректирована — 18 ноября 2021 г.; принята к публикации — 2 декабря 2021 г.

Для цитирования: Мурзина О.В. Квантитативный анализ динамики распространения слова как фактор выявления значимости молодежных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 126–136. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-126-136>

Quantitative Analysis of the Word Spread Dynamics as a Factor in Identifying of the Youth Mass Media Significance

Olga V. Murzina

*Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art),
1 Malaya Kaluzhskaya St, Moscow, 119071, Russian Federation*

✉ 210978@list.ru

Abstract. This study examines the role and place of youth media in changing the vocabulary of the Russian language. For a comparative analysis, three words were used, the factors of popularity of which are political propaganda, the frequent use of the word in a certain youth magazine and the widespread prevalence of the word on the Internet. A wave-like dynamics of an increase in the frequency of the word, which has become popular thanks to publications in the youth media, has been revealed: matured readers of the magazine, after 20-25 years, begin to actively use the word introduced into their vocabulary by the authors of the publications. The question is raised about the significance of the mass media for the dynamics of changes in the vocabulary of the language. A method has been developed to prove the influence of the mass media on the dynamics of changes in the vocabulary using the tools of quantitative linguistics. The history of the frequency of use of the analyzed words in the Russian language allows us to speak about the importance of youth mass media as determining the worldview and linguistic picture of the world of the text. Moreover, for other words in which the frequency correlates with the historical setting, the contexts of use themselves indicate the connection of the increased frequency with the personality of a particular publicist or writer and with the texts he generates.

Keywords: mass media, youth media, lexicon, frequency of use, quantitative method

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: November 1, 2021; revised: November 18, 2021; accepted: December 2, 2021.

For citation: Murzina, O.V. (2022). Quantitative analysis of the word spread dynamics as a factor in identifying of the youth Mass Media significance. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 126–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-126-136>

Введение

Словарный состав языка подвержен динамическим изменениям: возникают новые слова, выходят из употребления устаревшие, а также повышается и снижается частотность употребления различных слов. Настоящее исследо-

вание посвящено анализу факторов повышения частотности употребления заимствованных слов, не имеющих экспрессивных переносных значений. Актуальность исследования обусловлена большим интересом современной науки к количественным исследованиям и возникновением репрезентативного и статистически объективного инструментария отслеживания частотности употребления слов — Национального корпуса русского языка. Языковой корпус как массив текстов различной жанровой принадлежности — от художественных произведений до комментариев на интернет-форумах — позволяет отследить картину динамики словоупотребления. Так, для многих слов можно выявить первый контекст их употребления, по крайней мере, в письменных и оцифрованных текстах, и затем проследить динамику повышения и снижения частотности употребления.

Здесь определение закономерностей влияния средств массовой информации на частотность употребления заимствованных слов является приоритетной задачей. Выявленные экстремумы употребления ряда анализируемых слов связаны не только с общественными явлениями и политическими процессами, но и с практикой употребления слова в конкретном средстве массовой информации, рассчитанном на молодую аудиторию, а впоследствии — с употреблением данного слова повзрослевшими читателями указанного СМИ уже в своей профессиональной деятельности.

Основным методом настоящего исследования является количественный метод, позволяющий привлечь данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Инструментарий корпуса позволяет построить наглядный график частотности употребления определенного слова, на котором отчетливо видны экстремумы — моменты наиболее высокой частотности. В качестве анализируемых были выбраны слова «кукуруза», «лайнер» и «модератор», каждое из которых является освоенным заимствованным словом и имеет отчетливые экстремумы употребления. В отношении слов «кукуруза» и «модератор» моменты повышения частотности употребления были предсказуемы: активное продвижение злаковой культуры в сельском хозяйстве в период правления Н.С. Хрущева для слова «кукуруза» и частое использование слова «модератор» применительно к сайтам, форумам и конференциям в 2000-х гг. Слово «лайнер» является наиболее интересным в отношении целей настоящего исследования, так как его экстремумы употребления в соответствии с данными НКРЯ связаны не с какими-либо отчетливыми общественными или политическими тенденциями, а с обилием контекстов из конкретного журнала («Техника — молодежи»).

Исследования с помощью инструментария корпусной лингвистики позволяют использовать количественные показатели в области преподавания иностранного языка (Иванова, 2020), диалектологии (Зюзькова, 2020), истории языка (Кочетова, 2020) и функционирования определенных слов или группы слов (Воейкова, 2020; Иванова, 2020; Сидорова, 2020; Суворина, 2020). Помимо этого, количественный анализ показателей употребления определенных слов и групп слова позволяет выявить факторы развития ак-

сиологии (Кононова, Мельничук, 2020; Кочетова, Попов, 2019; Шмурак, 2020). Методы исследования языка с помощью корпуса активно внедряются в практику преподавания (Захаров, Богданова, 2020), а также используются для исследования языка СМИ (Комарова, 2020; Кошкарлова, 2020). Однако исследование медиа как фактора повышения частотности употребления *определенного слова* ранее не проводилось, что и обуславливает научную новизну настоящего исследования.

Квантитативный анализ

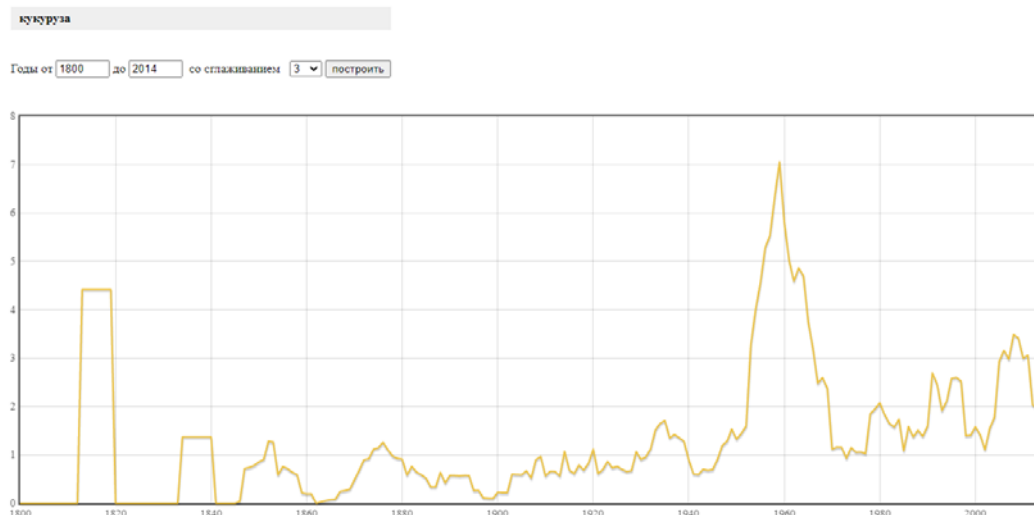
В качестве объекта исследования выбраны три слова, удовлетворяющие указанным параметрам: «кукуруза», «лайнер» и «модератор». Слово «кукуруза», по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), уже пережило пик частотности употребления, и он пришелся на конец 1950-х — начало 1960-х гг., слово «лайнер» имеет волнообразную динамику употребления (пик в 1975–1977 гг., затем в 1997, 2001–2004 гг.), а слово «модератор» проходит пик частотности в настоящее время.

В ряде случаев значительные изменения в динамике словоупотребления связаны с социально обусловленными причинами — феномен, называемый данным словом, приобретает большую популярность, часто освещается в средствах массовой информации и в художественной литературе. Так, динамика употребления слова «кукуруза» в русском языке, по данным НКРЯ, при среднем количестве контекстов 1–4 вплоть до 1950-х гг., в 1956–1966 гг. демонстрирует заметный рост частотности словоупотребления: 12 контекстов в 1956 году, 11 в 1959, 12 в 1965, 18 — в 1966 году. Автоматически выстраиваемый график частотности словоупотребления коррелирует с временем активной пропаганды этой злаковой культуры (рис. 1).

Логично связать этот пик частотности с пропагандой посева и употребления кукурузы при Н.С. Хрущеве: злаковая культура, которая ранее не отличалась популярностью, стала насаждаться и начала фигурировать в средствах массовой информации. При этом анализ контекстов за соответствующие годы показывает, что большинство словоупотреблений относится к какому-либо одному произведению либо средству массовой информации, например, 9 контекстов из 11 в 1959 году — в произведении Г.Я. Бакланова «Пядь земли», 10 примеров из 12 в 1965 году — также контексты из одного произведения: очерка Ю.Д. Черниченко «Кубань — Вологодчина» (НКРЯ).

Далее, в 1966 году, когда частота еще выше — 18 контекстов в год — словоупотребление уже диверсифицировано: по 1–3 контекста в различных источниках. Это позволяет предположить, что импульсом к повышению частотности употребления конкретного слова является не только социальный заказ и государственная пропаганда, но и зачастую — конкретный текст, появление которого связано с социальными изменениями или отражает их результаты (так, из 19 контекстов употребления слова «кукуруза» в 1998 году 11 — контексты из произведения Ф. Искандера «Поэт», действие которого происходит во времена массовой популяризации этого злака).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Рис. 1. График частотности употребления слова «кукуруза» по данным НКРЯ в 1800–2014 годах

Fig. 1. Graph of the frequency of the use of the word “corn” according to the Russian National Corpus, 1800–2014.

Источник: составлено автором / Source: compiled by the author.

Первый зафиксированный в НКРЯ контекст употребления слова «кукуруза» относится к 1787 году: «*Пшеничка [кукуруза] есть плодovitейшее растение*» (НКРЯ). Автору данного пособия по сельскому хозяйству слово «кукуруза» представляется неологизмом, который его читатели могут не понять: оно приводится в качестве маргинального, второго наименования злака, который изначально назывался в русском языке «пшеничкой». Далее слово проделало путь от маргинального к широко распространенному и неразрывно связанному с фигурой политического деятеля и популяризатора соответствующей культуры.

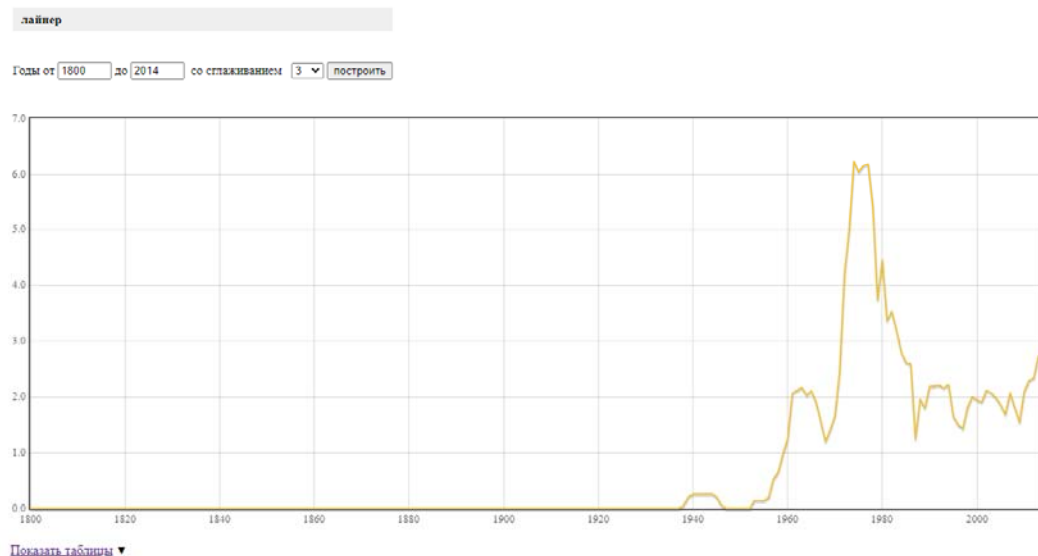
Исследование социально обусловленного распределения слова в связи с конкретными текстами, безусловно, не отражает полноты картины словоупотребления: в НКРЯ оцифрованы далеко не все тексты, однако репрезентативная диверсификация и соблюдение разумного жанрового баланса позволяют говорить об относительной объективности исследуемой статистики.

Интересным в этой связи представляется рассмотрение повышения частотности словоупотребления, обусловленной не социальными причинами, а идиолектом конкретного автора или группы взаимодействующих между собой людей. Фактором повышения частотности не всегда является политический курс и соответствующий отклик публицистов и писателей: анализ других слов показывает, что повышение частотности может быть не целенаправленным, а стихийным, и ключевую роль в данном случае играют популярные молодежные средства массовой информации.

Показательным примером в данном случае будет история распределения слова «лайнер»: впервые употребленное, по данным НКРЯ, во «Фронтovém дневнике» Е.П. Петрова («В нью-йоркском порту сгорел третий в мире по величине французский лайнер „Нормандия“, который после оккупации Франции нашел убежище в США и был передан американской армии под транспорт»), это слово показывает высокую частоту употребления в конце 1970-х (рис. 2).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Рис. 2. График частотности употребления слова «лайнер» по данным НКРЯ в 1800–2014 годах
Fig. 2. Graph of the frequency of the use of the word «liner» according to the Russian National Corpus
 Источник: составлено автором / Source: compiled by the author.

По аналогии с факторами повышения частотности употребления слова «кукуруза» можно было бы предположить, что высокая частотность словоупотребления (19 контекстов в 1975, 15 контекстов в 1977 году по сравнению с 1–4 контекстами в предыдущие годы) связана с социальными причинами. Однако просмотр контекстов за указанные годы демонстрирует, что именно в 1975–1977 годах слово «лайнер» активно использовалось авторами журнала «Техника — молодежи», причем если в 1975 году это контексты, главным образом, одного автора — Игоря Боечина, то в 1977 году уже наблюдается диверсификация. 15 контекстов из 19 в 1975 году — это слова и фразы из статьи Боечина «А не пройти ли нам по „магеллановым путям“?» (НКРЯ):

Это горел знаменитый английский лайнер «Куин Элизабет» — самое крупное пассажирское судно в мире.

В 1977 году слово «лайнер» употребляется уже семью различными авторами журнала «Техника — молодежи». Между «пиковыми» 1975 и 1976

годами 1977-й — показывает всего 9 контекстов, однако большая часть этих контекстов также появляется в журнале «Техника — молодежи» в статье Льва Митрофанова «Тесно в бескрайнем небе» (НКРЯ). В 1974 году из 8 контекстов большая часть также относится к публикациям в журнале «Техника — молодежи» (НКРЯ).

После большой концентрации употребления слова «лайнер» на страницах журнала «Техника — молодежи» среднее количество контекстов в год упало до 1–3, при этом в некоторых случаях до 23 (2001–2004 гг.) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Употребление слова «лайнер» в 1977–2014 гг. по данным НКРЯ
The use of the word “liner” in 1977–2014 according to the Russian National Corpus

2014	4	2006	1	1999	5	1991	12	1982	2
2013	9	2005	6	1998	10	1990–2000	1	1981	2
2012	5	2004–2008	1	1997–1998	1	1990–1991	3	1980	3
2011	1	2004	23	1997	14	1990	1	1979	3
2010	7	2003	17	1996	3	1989	3	1978–1979	1
2009	2	2002	19	1995–2000	2	1985	3	1978	1
2008	5	2001	23	1993	4	1983–1984	1	1977–1979	1
2007	5	2000	15	1992	2	1983	14	1977	15

Источник: составлено автором / Source: compiled by the author.

После «пика» 1977 года происходит спад частотности употребления слова, и в дальнейшем контексты тех лет, когда частота употребления слова «лайнер» высока — 1983, 1991, 1997, 2000 годы и пр. — контексты максимально диверсифицированы и никак не связаны с журналом «Техника — молодежи» (который продолжает выходить и сегодня). Это позволяет выделить в качестве ключевого фактора частотности словоупотребления распространение слова в определенном языковом коллективе — в частности, в коллективе средства массовой информации. Первого человека, начавшего активно употреблять данное слово, установить затруднительно — вероятнее всего, им является один из журналистов журнала «Техника — молодежи». Далее, в процессе дискуссий, обмена мнениями, чтения публикаций друг друга и остальные авторы журнала стали активно использовать данное слово.

Обратим внимание на следующий факт: помимо представителей старшего поколения (А.А. Пятигорский 1929 г.р., В. Аксенов 1932 г.р., В. Фетисов 1958 г.р. — по данным НКРЯ) слово «лайнер» активно употребляют молодые публицисты, журналисты, писатели, главным образом, мужского пола — то есть те, кто был целевой аудиторией журнала «Техника — молодежи» в 1977 году. История развития слова демонстрирует объяснимую динамику: из маргинального заимствования в 1940–1960 годах оно в 1970-х годах превращается в распространенное на страницах определенного журнала наименование водного или воздушного судна, а с 1997 до середины 2010-х годов — уже широко распространенное и активно употребляемое в

публицистике и художественной литературе слово. Контексты 2001 и 2004 годов демонстрируют картину, сходную с 1997 годом: основными носителями русского языка, употребляющими слово «лайнер», являются публицисты и журналисты, средний возраст и гендерная принадлежность которых позволяет предположить, что в конце 1970-х годов они были представителями целевой аудитории журнала «Техника — молодежи».

Анализ истории слова «лайнер» в сопоставлении с историей социально обусловленного употребления слова «кукуруза» позволяет постулировать важность популярных молодежных СМИ как ключевого фактора формирования словарного запаса. Широкое распространение какого-то определенного слова в русском языке необязательно объясняется государственной пропагандой и сопутствующими факторами языковой политики: у истоков этого явления может стоять конкретный журналист или редакционный коллектив определенного средства массовой информации.

Большой интерес в это связи представляет анализ современных СМИ с точки зрения частотности употребления определенных слов. Тираж журнала «Техника — молодежи», по данным самого журнала, достиг максимума в 1981 году и составил 1,7 миллиона экземпляров. Современные журналы и газеты далеки от таких обширных тиражей: их место заняли миллионные и миллиардные просмотры страниц в Интернете. Функцию, которую в 1970-х годах реализовали популярные газеты и журналы, сегодня выполняют интернет-сайты. Это затрудняет выявление динамики слова в современных реалиях и поиск конкретного импульса распространения данного слова.

Для корректного сравнения с проанализированными по НКРЯ словами «кукуруза» и «лайнер» (оба являются заимствованными, и первый момент их употребления далек во времени от пика популярности — слово вошло в язык, из разряда неологизмов перешло в разряд редко употребляемых, а затем уже в разряд частотных слов) было выбрано слово «модератор», входящее в список 500 самых часто употребляемых слов современного русского языка (385-е место по данным НКРЯ). Первое употребление слова «модератор» в НКРЯ зафиксировано в 1929 году, в значении, отличном от современного: *«С.Д. Кржижановский. Материалы к биографии Горгиса Катафалаки (1929): Подействовал ли на него, как модератор на клавишу, разговор с улыбающимся френчем или комментарий к разговору его друзей и соотечественников, неизвестно»* (НКРЯ). В значении, близком к современному, слово «модератор» было впервые использовано Сергеем Довлатовым в повести «Филиал»: *«Он такой ранимый! — Время истекло, — повторил модератор. Ковригин не уходил. Тогда Лимонов обратился к модератору»* (НКРЯ).

Далее с 2003 года по настоящее время наиболее частые контексты употребления слова «модератор» — это цитаты из переписки на оцифрованных форумах.

В газетном корпусе, включающем оцифрованные данные СМИ 2000-х годов, слово «модератор» встречается более чем в 2 раза чаще, чем в основном: 197 вхождений на 305 365 947 слов в газетном корпусе в СМИ 2000-х гг.

(в основном корпусе — 68 вхождений на 321 712 061 слово). При этом данное слово вышло на пик своей популярности в 2000-х годах не по причине его широкого употребления в конкретных СМИ, а из-за форумов и сайтов, на которых постоянно обсуждается деятельность модератора, его действия, звучат призывы модератора, когда кто-либо из участников форума нарушает его правила и пр. Контексты конца 2010 — начала 2020-х годов в НКРЯ в основном еще не оцифрованы, и динамика употребления слова «модератор» в дальнейшем будет скорректирована.

Заключение

Анализ (с помощью НКРЯ) частотности и динамики изменения слов «кукуруза», «лайнер» и «модератор» позволяет сделать следующие выводы:

1. Факторами повышения частотности слова могут являться как политическая пропаганда, так и частота употребления слова в определенном СМИ. Отметим, что молодежные средства массовой информации оказываются не менее серьезным фактором влияния, чем политические тенденции: так, если частотность употребления слова «кукуруза» можно спрогнозировать без данных корпуса, то график распределения слова «лайнер» может быть объяснен только с помощью данных количественного анализа.

2. Большие тиражи молодежных СМИ в 1970–1980-х гг. были одним из определяющих факторов формирования словарного запаса людей 1965–1975 г.р., и в дальнейшем их круг чтения повлиял на вторичное повышение частотности употребления слова. Роль наиболее часто читаемого текста в настоящее время начал выполнять Интернет в многообразии тематических сайтов.

3. Перспективным представляется дальнейшее исследование слов, имеющих переносные экспрессивные значения, а также слов, которые вышли на пик популярности в 2020 году в связи с глобальными социальными изменениями. Оцифровка контекстов НКРЯ с последующей разметкой позволит выявить основные и побочные факторы повышения частотности.

Инструменты количественной лингвистики позволяют выявить неочевидные факторы повышения популярности определенного слова — например, конкретные СМИ. Особенно ценным представляется полученный в ходе настоящего исследования вывод о том, что популярные молодежные СМИ (а значит, интернет-СМИ или аккаунты соцсетей) обладают колоссальным потенциалом и могут оказать на словарный состав языка более заметное влияние, чем политическая пропаганда.

Библиографический список

Воейкова М.Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56.

Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 234 с.

Зюзькова Н.А. Корпусное исследование диалектного слова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск: STT, 2020. С. 77–78.

Иванова Е.В. Использование the movie corpus для изучения модальных глаголов в разговорном английском языке // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. Иркутск: Аспринт, 2020. С. 268–274.

Иванова Л.А. Томский диалектный корпус как источник изучения категории «время» // Русская речевая культура и текст. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2020. С. 14–20.

Комарова Е.В. Репрезентация образа мигранта в современных медиа (на примере медиатекстов Великобритании) // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 1(21). С. 12–20.

Кононова И.В., Мельничук Т.А. Динамика ценностных доминант американского предвыборного дискурса // Язык и культура в эпоху глобализации. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 50–56.

Кочетова Л.А. Историко-дискурсивные корпусные исследования // Язык и культура в эпоху глобализации. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 23–28.

Кочетова Л.А., Попов В.В. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. 2019. № 6. С. 32–49.

Кошкарлова Н.Н. Конструкция и деконструкция образа врага (на материале англоязычных СМИ) // Язык. Право. Общество. Пенза: Пензенский государственный университет, 2020. С. 231–233.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 05.08.2021).

Сидорова М.И. Пополнение класса слов общего рода в современном русском языке: корпусный аспект // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2020. № 30. С. 176–177.

Суворова Е.В., Басинская М.В. Изучение неологизмов в экологическом дискурсе (компьютерно-корпусный подход) // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века: межфакультетский сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению. М.: Московский городской педагогический университет, 2020. С. 76–80.

Техника — молодежи. URL: <http://technicamolodezhi.ru/> (дата обращения: 05.08.2021).

Шмурак Р.И. К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 3. С. 24–48.

References

Ivanova, L.A. (2020). Tomsk dialect corpus as a source of studying the category “time”. In *Russian speech culture and text*. Tomsk: Tomsk Center for Scientific and Technical Information, 14–20. (In Russ.)

Ivanova, Ye.V. (2020). Using the movie corpus to study modal verbs in colloquial English. In *Linguistics and linguodidactics in the light of modern scientific paradigms. Collection of scientific papers*. Irkutsk: Asprint, 268–274. (In Russ.)

Kochetova, L.A. (2020). Historical and discursive corpus studies. *Language and culture in the era of globalization*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 23–28. (In Russ.)

Kochetova, L.A., & Popov, V.V. (2019). Research of axiological dominants in the genre of press release based on the methods of automatic extraction of keywords from the text corpus. *Scientific dialogue*, (6), 32–49. (In Russ.)

Komarova, Ye.V. (2020). Representation of the image of a migrant in modern media (on the example of media texts in Great Britain). *Philological Sciences at MGIMO*, 1(21), 12–20. (In Russ.)

Kononova, I.V., & Mel'nichuk, T.A. (2020). Dynamics of the value dominants of the American pre-election discourse. In *Language and culture in the era of globalization*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 50–56. (In Russ.)

Koshkarova, N.N. (2020). Construction and deconstruction of the enemy image (based on the material of the English-language media). In *Language. Right. Society* (pp. 231–233). Penza: Penza State University. (In Russ.)

National corpus of the Russian language. Retrieved August 5, 2021, from <https://ruscorpora.ru/new/x> (In Russ.)

Shmurak, R.I. (2020). To clarify the concept of reproach with the help of corpus instruments. In *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 79(3), 24–48. (In Russ.)

Sidorova, M.I. (2020). Replenishment of the class of words of a general gender in modern Russian: the corpus aspect. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities*. Moscow: Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, (30), 176–177. (In Russ.)

Suvorina, Ye.V., & Basinskaya, M.V. (2020) Study of neologisms in ecological discourse (computer-corpus approach). In *Paradigm of humanitarian knowledge at the beginning of the XXI century: interdepartmental collection of scientific papers on linguistics and literary criticism* (pp. 76–80). Moscow: Moscow City Pedagogical University. (In Russ.)

Technology for youth. Retrieved August 5, 2021, from <http://technicamolodezhi.ru/x> (In Russ.)

Voyeykova, M.D. (2020). Strukturnyye funktsii diminutivov v sovremennom russkom yazyke i produktivnost' ikh upotrebleniya. *Questions of linguistics*, 5, 38–56. (In Russ.)

Zakharov, V.P., & Bogdanova, S.Yu. (2020). *Corpus linguistics*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russ.)

Zyuz'kova, N.A. (2020). Corpus study of the dialect word. *Actual problems of linguistics and literary criticism* (pp. 77–78). Tomsk: STT. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Мурзина Ольга Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и телевизионных технологий, Институт социальной инженерии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). ORCID: 0000-0001-9134-5570; e-mail: 210978@list.ru

Bio note:

Olga V. Murzina, PhD, Head of Department of Journalism and Television Technologies, Institute of Social Engineering. Russian State University named after A.N. Kosygin (Technology. Design. Art). ORCID: 0000-0001-9134-5570; e-mail: 210978@list.ru

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

AXIOLOGY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-137-146

УДК 070:159.922

Научная статья / Research article

Гай Фокс и антиномии цифровой эры

Е.Е. Пронина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9*

✉ pronina.elena@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется феномен превращения образа Гая Фокса в мем — общезначимый символ. История становления символа, объединившая события Порохового заговора начала XVII века и общественные движения начала XXI века, рассматривается как своего рода естественный лонгитюдный эксперимент, проливающий свет на процесс эволюции личности и ключевые проблемы цифровой эры. Выдвигается гипотеза об изначально амбивалентном характере празднования «Ночи Гая Фокса» как символической реализации интенций, табуированных социальной иерархией. Анализируются аллюзии на тему Порохового заговора в массовой культуре, особенности использования имени и маски Гая Фокса в качестве элементов самоидентификации. Делается вывод о том, что символическая идентификация с Гаем Фоксом свидетельствует о возрастании потребности общества в независимости и самоорганизации и резком обострении антиномических отношений между официальной и неофициальной культурой, впервые описанных М. Бахтиным на примере средневекового карнавала. Рассматривается роль, которую сыграли древние кельтские мистерии и современные цифровые технологии в эволюции символа. Показано, как архаические ритуалы способствовали переосмыслению образа Гая Фокса в русле бинарных оппозиций коллективной психики. Особенности развития «феномена Гая Фокса» в условиях цифрового общества рассматриваются как предиктор очередного этапа эволюции общества и личности.

Ключевые слова: массовая культура, амбивалентность, символ, антиномия, национальная ментальность, Гай Фокс, цифровое общество

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 9 июня 2021 г.; откорректирована — 1 июля 2021 г.; принята к публикации — 14 сентября 2021 г.

Для цитирования: *Пронина Е.Е.* Гай Фокс и антиномии цифровой эры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 137–146. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-137-146>

Guy Fawkes and the Antinomies of the Digital Age

Elena E. Pronina

*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, Moscow, Russian Federation, 125009*

✉ pronina.elena@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of the transformation of the image of Guy Fawkes into a meme — a universally significant symbol. The history of the formation of the symbol, which combined the events of the Gunpowder Conspiracy of the early XVII century and the social movements of the early XXI century, is considered as a kind of natural longitudinal experiment that sheds light on the process of personality evolution and the key problems of the digital era. The hypothesis put forward deals with the initially ambivalent nature of “Guy Fawkes Night” celebration viewed as a symbolic realization of intentions tabooed by the social hierarchy. The article analyzes allusions to the topic of the Gunpowder Conspiracy in popular culture, the peculiarities of using the name and mask of Guy Fawkes as elements of self-identification. The author concludes that the symbolic identification with Guy Fawkes indicates the increasing need of society for independence and self-organization and a sharp aggravation of the antinomic relations between official and unofficial culture, first described by M. Bakhtin on the example of a medieval carnival. The role played by the ancient Celtic mysteries, as well as modern digital technologies, in the evolution of the symbol is also outlined. The article discusses how archaic rituals contributed to the rethinking process of the image of Guy Fawkes in the context of binary oppositions of the collective psyche. The specifics of the development of the “Guy Fawkes phenomenon” in digital society are considered as a predictor of the next stage in the evolution of society and personality.

Keywords: mass culture, ambivalence, symbol, antinomy, national mentality, Guy Fawkes, digital society

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: June 9, 2021; revised: July 1, 2021; accepted: September 14, 2021.

For citation: Pronina, E.E. (2022). Guy Fawkes and the antinomies of the digital age. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 137–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-137-146>

Введение

Известна приверженность англичан своим традициям, происхождение и смысл которых они часто и сами не могут объяснить (Porter, 1993). Именно к таким праздникам относится и загадочная «Ночь Гая Фокса» или «Ночь костров» (Bonfire Night), «Ночь фейерверков» (Fireworks Night), отмечаемая с 4 на 5 ноября уже четыре столетия начиная с 1606 года (Sharpe, 2006). Особенность этого праздника в том, что в отличие от других традиций, формировавшихся постепенно и стихийно, данный праздник был установлен официально. Основанием явилось весьма знаменательное событие — разоблачение участников Порохового заговора, планировавших взорвать Парламент с целью устранения короля Якова I.

Несмотря на то, что праздник был установлен «сверху», он стал чрезвычайно популярным, поистине народным, а незамысловатая песенка «Remember, remember the 5-th of November!» с детства известна каждому англичанину. В эту ночь по улицам катают горящие бочки, разжигают огромные костры, взрывают петарды и запускают фейерверки, носят чучело, изображающее Гая Фокса — заговорщика, пойманного с фитилем в руках (в некоторых случаях использовалось изображение Папы римского, так как считалось, что католическая церковь покровительствовала заговору) (Sharpe, 2006). Праздник настолько прижился, что даже его официальная отмена в 1859 году никак не повлияла на сложившуюся традицию.

В чем же причина того, что официальный праздник, предписывающий веселиться во славу монарха и государственной власти, стал народным? Как относятся к Гаю Фокса сами англичане? Оказалось, что вопрос этот весьма непрост. За прошедшие четыре столетия накопилось огромное количество литературных памятников, документов, исторических и этнографических исследований, пытавшихся найти ответ на вопрос, почему, несмотря на то, что религиозные и политические коннотации давно утратили актуальность, память о Гае Фоксе жива (Sharpe, 2006).

Послание из глубины веков

В XX веке о Гае Фоксе узнали во всем мире. Значительную роль в этом сыграла публикация в 1988 году графического романа (серии комиксов) «V — значит Вендетта» в журнале «Warrior» (Moore, Lloyd, 1990). Английский писатель Алан Мур и художник Дэвид Ллойд придумали героя, «который должен был преуспеть там, где Гай Фокс потерпел неудачу» (Reich, 2015). Анонимный герой, скрывающийся под маской Гая Фокса, в одиночку борется с тоталитарной системой, установившейся в Англии (в предполагаемом будущем). Чтобы воодушевить людей на борьбу, новоявленный Гай Фокс взрывает символ преступной власти — здание Парламента. Графический роман стал бестселлером и привлек внимание культовых американский режиссеров — братьев Вачовски, которые сняли по мотивам комиксов од-

ноименный фильм как раз к четырехсотлетнему юбилею праздника (2006 год). Маска Гая Фокса стала излюбленным символом демонстрантов во всех частях света.

Однако парадокс заключается в том, что на самом деле Гай Фокс не был ни победителем, ни героем. Ему не удалось выполнить возложенное на него поручение, под пытками несчастный выдал имена остальных участников заговора. Оглушительный провал, показательная казнь, насмешки в течение четырехсот лет («Подайте пенни для Гая!» — веселились мальчишки в ночь на 5 ноября, таская соломенное чучело злосчастного Фокса, облаченное в лохмотья). И вдруг — внезапная слава и всеобщее почитание. Ситуация, на первый взгляд, необъяснимая. За ответом обратимся к самой традиции празднования.

Как известно, сохранение и почитание традиций в Англии стало своего рода «культом», а исследование фольклора — занятием для лучших умов. Достаточно вспомнить знаменитые труды Дж.Дж. Фрэзера (Фрэзер, 2006) и Э.Б. Тайлора (Тайлор, 1989), заложившие основы современной фольклористики и культурной антропологии. Неудивительно, что один из «самых английских» писателей Артур Конан Дойль, подчиняясь модному поветрию, даже заставил своего знаменитого героя, сыщика Шерлока Холмса, заняться разгадыванием тайного смысла старинного обычая.

В известном рассказе «Обряд дома Месгрейвов» повествуется об удивительной семейной традиции. Все мужчины этого рода, достигнув определенного возраста, должны были выучить наизусть странный, казавшийся бессвязным текст старого манускрипта, с незапамятных времен хранившегося в библиотеке усадьбы. Странное требование выполнялось неукоснительно, и все наследники знали заветные слова наизусть, хотя никто не пытался найти в них смысл: «— Кому это принадлежит? — Тому, кто ушел. — Кому это будет принадлежать? — Тому, кто придет. — В каком месяце это было? — В шестом, начиная с первого. — Где было солнце? — Над дубом. — Где была тень? — Под вязом. ....» (Конан Дойль, 1966, с. 101).

В дальнейшем оказалось, что смысл у документа был: таинственный текст указывал место клада, где в период смуты была спрятана «до лучших времен» древняя корона английских королей. Смысл же самого рассказа оказался даже более глубоким, чем задумывал автор. Подобно обряду дома Месгрейвов незамысловатая песенка «Remember, remember the 5-th of November!» была как будто рассчитана на тех, «кто придет» спустя четыре столетия.

Сама песенка очень проста. Это исключительно конкретное описание того, что хотел сделать Гай Фокс, и как он был застигнут на месте преступления. Песенка имеет много вариантов в зависимости от местности и времени создания. Приведем наиболее короткую и распространенную версию:

*Remember, remember the fifth of November,
Gunpowder treason and plot,
I see no reason why gunpowder treason*

*Should ever be forgot.
Guy Fawkes, Guy Fawkes,
It was his intent —
To blow up the King and the Parliament.
Three score barrels of powder below,
Poor old England to overthrow:
By God's mercy he was catch'd
With a dark lantern and burning match.
Holloa, boys, make the bells ring.
Holloa, boys, God save the King!
Hip hip hoorah!¹*

Здесь есть обычное славословие в честь короля (*God save the King!*), но нет никаких эпитетов в адрес Гая Фокса, которые представили бы его злым негодяем и преступником. Ничего нет в песенке и о пытках, которые могли бы послужить назиданием будущим заговорщикам. Судя по всему, народ даже сочувствовал страданиям несчастного. Согласно документам, Гай Фокс был подвергнут жестоким пыткам с применением дыбы и приговорен к ужасной казни (повешению, потрошению и четвертованию). Однако молва гласит, что он избежал уготованных ему мучений во время казни, спрыгнув с эшафота и сломав себе шею. Никаких документальных подтверждений этому нет. По-видимому, память народа таким способом «смягчила» его наказание.

Примечательно, что редкое в XVII веке имя Guy (Гай) за два столетия стало широко распространенным обращением, относящимся ко всем лицам мужского пола, с общим значением «приятель, дружище»², во множественном значении «парни, друзья». Современные эксперты по этикету (Cain, 2016) утверждают, что «guu» носит оттенок фамильярности, дружбы, является формой ласкового обращения и крайне редко встречается в негативном контексте. Не встречается оно и в официальной обстановке. Такое обращение неуместно в офисе и не может использоваться в адрес коллег по работе (Cain, 2016). Получилось, что именем государственного преступника стали звать друг друга все представители мужского пола, говорящие по-английски. А ведь это куда больше, чем даже общее число тех, кто по всему миру надевал и надевает маску Гая Фокса, выражая свои политические взгляды. Постепенная трансформация образа «преступника» в символ сопротивления «политической инфраструктуре, подрывающей человеческое достоинство» (Дэвид Ллойд) (Reich, 2015), продемонстрировала мощь народной традиции как инструмента психологической самонастройки общества.

¹ Пороховой заговор в популярной культуре // Wikiwand. URL: https://www.wikiwand.com/ru/Пороховой_заговор_в_популярной_культуре (дата обращения: 25.05.2021).

² Guy // Wiktionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/guy> (дата обращения: 25.05.2021).

Однако если молодые люди так охотно приняли имя «преступника», значит, его фигура и его деяния не вызывали у них отторжения. Что же в таком случае празднуется в ночь на 5 ноября? В некотором смысле ответ был увсех на виду в течение четырех веков. Участники действия символически совершали то, что не смог сделать Гай Фокс, они взрывали... Двусмысленность этих действий со временем начала бросаться в глаза, а поджигаемые конструкции все чаще принимали форму знаменитой башни парламента. Многозначительно стал звучать и рефрен «Remember, remember the 5-th of November!», не то предостерегая, не то подсказывая. Неудивительно, что в 1859 году праздник отменили. Он перестал существовать как государственный, но остался одним из самых значимых и любимых народных праздников.

Антиномия цифрового общества

Простые люди, сочинившие и беспечно распевавшие незамысловатую песенку о Гае Фоксе на заре Нового времени, и представить себе не могли, какой смысл она обретет в Новейшие времена. Первыми в начале 2000-х решили «взорвать» ненавистную систему надзора и лично защитить свободу в Интернете члены сообщества «Анонимус». Они чувствовали, что благодаря новым технологиям «вооружены» теперь наравне с любым правительством, с любой организацией (или даже лучше). С помощью мощных DDoS-атак анонимные программисты взламывали электронные базы служб безопасности, «взрывали» веб-сайты правительственных и коммерческих организаций, замеченных в слежке за пользователями и ограничивающих деятельность в Интернете.

В 2006 году появился сайт Wikileaks, названный его основателем, Джулианом Ассанжем, «первым народным расследовательским учреждением» (Ассанж, 2012). За сравнительно короткое время на сайте были опубликованы тысячи сверхсекретных документов, содержание которых свидетельствовало о вопиющих фактах коррупции, преступлениях против человечности, злоупотреблениях, беззастенчивой лжи представителей высших уровней власти в разных странах. Деятельность сайта была настолько успешной, что повлекла за собой геополитические потрясения: способствовала прекращению войны в Ираке, росту гражданского сопротивления в Тунисе и началу Арабской весны, содействовала разоблачению коррупции в демократической партии США и поражению ее на выборах и т.д.

А уже в 2013 году мировое сообщество было потрясено отчаянно дерзким поступком сотрудника Агентства национальной безопасности США (АНБ) Эдварда Сноудена, который добыл и передал в открытый доступ около 200 тыс. секретных документов о тотальной электронной слежке спецслужб США за гражданами разных стран, жертвами которой стали более миллиарда человек. Но и система не дремала. Власти США объявили своего бывшего сотрудника государственным преступником «номер один» и потребовали немедленной его выдачи любым государством, где бы он ни укрывался.

Психодинамика символа

Как могла нескладная песенка повлиять на ход истории и развитие общественного сознания? Думается, что ответ на этот вопрос нужно искать не только и не столько в событиях Порохового заговора, сколько в глубинах истории и коллективного бессознательного, придавших особый смысл довольно заурядной политической коллизии.

Дело в том, что установленная высочайшим повелением дата празднования Дня Гая Фокса по странному стечению обстоятельств практически совпала с временем отправления древнего кельтского ритуала, который был приурочен к сбору урожая и совершался в конце октября – начале ноября. Древний ритуал был посвящен богу Самайну, умирающему зимой Солнцу³. Праздник делил год на темную и светлую часть. Поздней осенью начинались трудные, «темные времена». В преддверии зимы подсчитывались запасы, совершались очистительные и жертвенные ритуалы с возжиганием огня. Примечательно, что такие же праздники существовали практически у всех народов Европы. В России аналогичный праздник назывался «Велесова ночь» и отмечался 31 октября⁴. Поскольку энергия и стилистика древних языческих ритуалов переходит к новым праздникам, «занимающим» их место (Рыбаков, 1981), значительная часть обрядов, посвященных Самайну, была «легализована» как Ночь фейерверков. Можно себе представить, какую силу и значение получил образ Гая Фокса в негласном соединении с культом Самайна, умирающим и неизменно воскресающим богом Солнца. Возможно, это случайное совпадение с древними мистериями сыграло существенную роль в том, что праздник Гая Фокса стал одним из центральных народных празднеств, а образ неудачливого заговорщика поднялся до уровня «сакральной жертвы». В результате этих превращений образ Гая Фокса оказался двойственным, как и сам праздник.

С одной стороны, образ Гая Фокса — авантюриста, искателя счастья, рассчитывавшего обмануть могучего противника в лице верховной власти, — больше всего соответствовал архетипу трикстера, ловкого, непредсказуемого и ускользающего, находящегося в вечной оппозиции мертвящему порядку и иерархии. В этом значении маска Гая Фокса обрела популярность по всему миру. С другой стороны, образ Гая Фокса, впитавший смыслы древнего кельтского ритуала, представлял собой и нечто большее. Подобно Самайну, погибая на костре, он вновь возрождался в каждом мальчишке, требующем пенни для «Бедного Гая» в Ночь костров, и в каждом мужчине, откликающемся на зов «guy!».

---

³ Ночь Самайна — праздник кельтов и ведьм, его традиции, обряды и ритуалы // Grimuar. URL: <https://grimuar.ru/ritualy/samayn-prazdnik-keltov-i-vedm.html> (дата обращения: 05.06.2021).

⁴ Славянские традиции почтили в «Велесову ночь» в Солнечногорске // Новости. Издательский дом «Сорок один». 2019, 31 окт. URL: http://id41.ru/news/ofitsialno/slavyanskije_traditsii_pochtili_v_velesovu_noch_v_solnechnogorske (дата обращения: 05.06.2021).

Эта ассоциация с культом бога Солнца подготовила приход Героя — того, кто не нуждается в анонимности и готов спасти мир даже в одиночку. Когда Джулиан Ассанж надевал маску Гая Фокса в Лондоне в поддержку движения «Захвати Уолл-Стрит», то, конечно, не для того, чтобы скрыть свое лицо. Да и Эдвард Сноуден, передавая информацию журналистам мировых изданий, хорошо понимал, что анонимность для него уже невозможна. Оба приняли решение, определившее их судьбу, с ясным осознанием величины риска и неотвратимости последствий лично для них (см., напр., «Неавторизованную автобиографию» Джулиана Ассанжа (Ассанж, 2012) и интервью с Эдвардом Сноуденом в документальном фильме «Citizenfour: правда Сноудена»⁵). И в том и в другом случае выбор не был следствием сиюминутных эмоций, жажды популярности или богатства; то был осознанный акт самотрансцендирования — трансцензус — прорыв к фундаментальным ценностям существования (Пронина, 2002, с. 203–223).

Переход архетипа Трикстера в архетип Героя, а «феномена Гая Фокса» в «трансцензус Ассанжа–Сноудена» стал поворотным моментом в развитии первой антиномии цифровой эры. Стало ясно, что изменились не только технологии, изменился сам человек (Пронин, Пронина, 2013).

Заключение

Подводя итог естественному лонгитюдному эксперименту, каким стал прошедший через века Праздник Гая Фокса, можно повторить вслед за академиком Б.А. Рыбаковым, что «глубина народной памяти измеряется десятками тысячелетий» (Рыбаков, 1988, с. 95). Ритуалы и символы, пришедшие из глубокой древности под видом веселого праздника, на протяжении многих веков способствовали переработке жизненного опыта и осмыслению событий на уровне базовых бинарных оппозиций (Леви-Стросс, 2011): смерти — возрождения, вины — искупления и т.д., обеспечивая накопление и циркуляцию психической энергии, необходимой для самоорганизации и перехода общества на следующую ступень развития.

Пробуждение интереса к ритуалам и символам старинной традиции стало сигналом приближения поворотного момента истории и актуализации фундаментальной антиномии, раскрытой еще М. Бахтиным на примере противостояния карнавальной и официальной культуры в период перехода от эпохи средневековья к Ренессансу (Бахтин, 2015). Со времен Возрождения таких моментов было немало, и каждый раз человечество овладевало новыми степенями свободы. Мир вновь оказался в зоне турбулентности, когда доступность и невероятные возможности новых электронных устройств поставили обычного человека на один уровень с социальными институтами. Рост экономической и психологической независимости каждого отдельного инди-

⁵ Citizenfour: правда Сноудена (документальный фильм Л. Пойтрап) // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FqO_anTeXP8 (дата обращения: 31.05.2021).

вида привел к новому витку борьбы за расширение границ индивидуальной автономии и общественного самоуправления. Благодаря стремительному росту личных медиа: блогов, каналов, сайтов, подкастов, стримов, страниц в соцсетях и т.д. — общество перешло на самоинформирование и практически эмансипировалось от официальной системы медиа и управления общественным мнением и сегодня нуждается не столько в руководстве, сколько в поддержке разворачивающихся процессов саморегулирования.

Д. Ассанж и Э. Сноуден первыми заявили о необходимости новых стандартов прозрачности и ответственности в деятельности социальных институтов. Как никогда ясно была осознана проблема информационной открытости и коммуникативной безопасности (Pronin, Pronina, 1999). Однако новые электронные технологии вооружили и совокупный административный ресурс. И если жестокость наказания «бунтарей» была сопоставима с приговором Гаю Фоксу, то появившиеся возможности слежки и давления, ареной для которых стал весь мир, не имели прецедентов в истории до цифровой эпохи и глобализации.

Разрешение обострившейся антиномии и восстановление равновесия в обществе на новых основаниях потребует, возможно, столь же глубоких сдвигов в коллективном и индивидуальном сознании, как те, что привели к концепции Общественного договора на заре Нового времени и Декларации прав человека на рубеже Новейшего. На этом пути возможны и отступления, и поражения, но, как показала история старой традиции, никакие препоны не помешают изменению психики человека в направлении, заданном эволюцией.

Библиографический список

- Ассанж Дж.* Неавторизованная автобиография. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 264 с.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
- Конан Дойль А.* Обряд дома Месгрейвов // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Правда, 1966. С. 90–110.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Неоклассик, Астрель, АСТ, 2011. 544 с.
- Пронин Е.И., Пронина Е.Е.* Медиапсихология: новейшие информационные технологии и феномен человека // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 151–161.
- Пронина Е.Е.* Психология журналистского творчества. М.: МГУ, 2002. 320 с.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 754 с.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура / пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Фрэйзер Дж.* Золотая ветвь. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
- Cain A.* We asked 3 etiquette experts whether it's OK to call people 'guys' — and learned all about the word's weird history // Businessinsider. 2016, November 5. URL: <https://www.businessinsider.com/the-weird-history-of-the-word-guys-2016-11> (accessed: 10.06. 2021).
- Moore A., Lloyd D.* V for Vendetta. New York: DC Comics, Inc., 1990

Reich J.E. David Lloyd on ‘V For Vendetta’ and the Guy Fawkes Mask’s Legacy // *Techtimes*. 2015. November 5. URL: <https://www.techtimes.com/articles/103476/20151105/guy-fawkes-day-v-for-vendetta-legacy.htm> (accessed: 10.06.2021).

Porter R. (Ed.) *Myths of the English*. Cambridge: Polity Press, 1993. 288 p

Pronin E., Pronina E. Communication openness and information security: borders and guarantees. *Media, communication and the open society*. M.: IKAR, 1999. P. 243–247.

Sharpe J. *Remember, Remember the Fifth of November: Guy Fawkes and the Gunpowder Plot*. Croydon: Profile Books; New Ed edition, 2006. 240 p.

References

Assange, J. (2012). *The Unauthorised Autobiography*. Moscow: Alpina Publisher Publ. (In Russ.)

Bahtin, M.M. (2015). *The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: EKSMO Publ. (In Russ.)

Cain, A. (2016). We asked 3 etiquette experts whether it's OK to call people ‘guys’ — and learned all about the word’s weird history. *Businessinsider*. Nov. 5, 2016. Retrieved from <https://www.businessinsider.com/the-weird-history-of-the-word-guys-2016-11>

Doyle, K.A. (1966). The Musgrave Ritua. In Doyle, K.A. *The complete collection of works in 8 vol.* (Vol. 2, pp. 90–110). Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)

Frazer, G.G. (2006). *The golden Bough*. Moscow: EKSMO Publ. (In Russ.)

Lévi-Strauss, C. (2011). *Structural anthropology*. Moscow: Neoklassik, Astrel’, AST.

Levi-Strauss, C. (2011). *Structural anthropology*. Moscow: Neoklassik, Astrel’, AST.

Moore, A., & Lloyd, D. (1990). *V For Vendetta*. New York: DC Comics, Inc.

Porter, R. (Ed.) (1993). *Myths of the English*. Cambridge: Polity Press.

Pronin, E., & Pronina, E. (1999). Communication openness and information security: borders and guarantees. In *Media, communication and the open society* (pp. 243–247). Moscow: IKAR Publ. (In Russ.)

Pronin, E.I., & Pronina, E.E. (2013). Media psychology: The latest information technologies and the human phenomenon. *Social Sciences and Contemporary World*, (2), 151–161. (In Russ.)

Pronina, E.E. (2002). *Psychology of Journalism*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)

Reich, J.E. (November 5, 2015). David Lloyd on ‘V for Vendetta’ and The Guy Fawkes Mask’s Legacy. *Techtimes*. Retrieved from <https://www.techtimes.com/articles/103476/20151105/guy-fawkes-day-v-for-vendetta-legacy.htm>

Rybakov, B.A. (1988). *Paganism of Ancient Russia*. Moscow: Nauka. Publ. (In Russ.)

Rybakov, B.A. (1981). *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Sharpe, J. (2006). *Remember, Remember the Fifth of November: Guy Fawkes and the Gunpowder Plot*. Croydon: Profile Books; New Edition.

Tylor, E.B. (1989). *Primitive culture*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Пронина Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры периодической печати факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-8715-830X; e-mail: pronina.elena@gmail.com

Bio note:

Elena E. Pronina, Doctor of Philology, Doctor of Psychology Professor at the Chair of Department of Periodical Press, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-8715-830X; e-mail: pronina.elena@gmail.com

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

MEDIA EDUCATION

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-147-157

УДК 37.012

Научная статья / Research article

Волны развития медиаобразования: синхронический и диахронический аспекты

М.А. Пугачев

*ГТРК «Оренбург»,
Российская Федерация, 460024, Оренбург, пер. Телевизионный, 3*

✉ pugachevma@mail.ru

Аннотация. В условиях усиления влияния продуктов интернет-пространства (соцмедиа, блогинг) на повседневность медиаобразование получает особую актуальность. Изменяется символический статус аудитории, которая становится не только потребителем, но и производителем медиаконтента. Однако настоящий этап развития медиакommunikаций можно считать уникальным с некоторой оговоркой. Прежде уже существовала прецедентность, поскольку в обществе периодически наблюдались периоды масштабного всплеска интереса к медиаграмотности как основной категории медиаобразования, зависящие от ряда социокультурных факторов. Подобное усиление носит волнообразный характер. Предметом настоящей статьи являются волны медиаобразования, которые рассматриваются с позиций синхронии и диахронии. Используется комплекс методов: историко-культурный анализ; структурный анализ; контекстуальный анализ; вторичный анализ социологических и статистических данных. По итогам проведенного исследования делаются выводы о том, что современные медиакommunikационные условия, в которых развиваются новые медиа, схожи с теми, что были при формировании аудитории кинематографа и телевидения.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, медиакommunikации, волны, кинематограф, телевидение, Интернет

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 26 июня 2021 г.; откорректирована — 1 августа 2021 г.; принята к публикации — 30 сентября 2021 г.

Для цитирования: Пугачев М.А. Волны развития медиаобразования: синхронический и диахронический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 147–157. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-147-157>

Waves of Media Education Development: Synchronous and Diachronic Aspects

Maxim A. Pugachev

*State TV and Radio Company “Orenburg”,
3 Lane Television, 460024, Orenburg, Russian Federation*

✉ pugachevma@mail.ru

Abstract. In the context of the increasing influence of the products of the Internet field (social media, blogging) on social everyday life, media education is becoming especially relevant. The symbolic status of the audience is changing, which becomes not only a consumer, but also a producer of media content. The current stage in the development of media communications can be considered unique with some reservations. However, in the history of the XIX–XX centuries, there was a precedent, since in society periodically there were periods of a large-scale surge of interest in media literacy as the main category of media education, depending on a number of socio-cultural factors. This increase in the importance of media literacy is wave-like. The subject of this article is the waves of media education, which are considered from the standpoint of synchronicity and diachrony. A complex of methods is used: historical and cultural analysis; structural analysis; contextual analysis; secondary analysis of sociological and statistical data. Based on the results of the study, it is concluded that the modern media communication conditions in which the “new media” develop are similar to those that were in the formation of the audience of cinema and television. The Internet and, in particular, social media are no less rapidly conquering the audience. At the same time, the modern mediated world requires a high level of media competence and the development of critical thinking from society.

Keywords: media education, media literacy, media communications, waves, cinema, television, Internet

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: June 26, 2021; revised: August 1, 2021; accepted: September 30, 2021.

For citation: Pugachev, M.A. (2022). Waves of Media education development: Synchronous and diachronic aspects. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 147–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-147-157>

Введение: методология

При выяснении динамики моральных паник как одного из главных медиаэффектов информационного общества А.А. Ефанов определяет ряд волн, которые напрямую связаны с протекающими социальными явлениями (Ефанов, 2019). Полагаем, что такой подход применим и к изучению востребованности медиаобразования в обществе на разных этапах его развития.

Однако для того, чтобы эксплицировать волны медиаобразования, необходимо выявить генезис такого понятия, как «волна», которое имеет междисциплинарный характер, первоначально становясь предметом исследований в естественных науках. Так, в «Большой политехнической энциклопедии» волны рассматриваются как «возмущения, распространяющиеся с конечной скоростью в пространстве и несущие с собой энергию»¹. При подобном подходе к анализу востребованности медиаобразования под «возмущением» понимается реакция общества на появление нового вида коммуникации, под «энергией» — последствия, которые наступают при отсутствии или при использовании навыков коммуницирования, а под «скоростью» — постепенное распространение в обществе актуальных навыков, по мере того как новый вид коммуникации входит в повседневность.

Запрос на медиаграмотность и навыки критического мышления актуализировались в обществе волнообразно, вслед за появлением технических изобретений – кинематографа, телевидения и социальных медиа, которые изменили образ жизни людей. В этой связи цель настоящего исследования заключается в эксплицировании волн медиаобразования, которые рассматриваются с позиций синхронии и диахронии. Используются историко-культурный анализ, структурный анализ, контекстуальный анализ, вторичный анализ социологических и статистических данных.

Первая волна: появление кинематографа

В XIX веке над технологией оживления изображения работали изобретатели разных стран, но первоначальные аппараты давали возможность для просмотра только одному зрителю. Так был устроен кинетоскоп Т. Эдисона и проектор И. Тимченко. Однако братья Люмьер смогли создать технологию, которая позволила показывать изображение не одному человеку, а целому залу. В обществе возник такой интерес к кино, что братья Люмьер на какое-то время решили строить бизнес на создании кинотеатров, а к изобретательской деятельности вернулись только с усилением конкуренции на рынке кинопоказов (Аммосов, 2016). Интерес к новому виду искусства был настолько сильным и массовым, что в некоторых странах появилась идея использовать его в воспитательных целях. Во Франции кинематограф появился в конце

¹ Большая политехническая энциклопедия. М.: Мир и образование, 2011. С. 210.

XIX века, а уже в 1915 году Парламентская комиссия рекомендовала использовать кино в учебе, последовала подготовка кинопедагогов, новое увлечение подверглось тщательному теоретическому анализу. По такому пути пошли многие страны. Например, в Великобритании учредили Образовательную киноассоциацию и Британский киноинститут, которые и сейчас существуют. В СССР кино активно использовалось в педагогике. Существовало научно-популярное и учебное кино. Один из первых русских организаторов кинопроизводства А.А. Ханжонков с 1911 года снимал географические документальные ленты «Черное море», «У Полярного круга», «Владикавказ», «Севастополь». Он выпустил фильмы о физике «Электрический телеграф», «Получение электромагнитных волн», о биологии «Жизнь в капле воды» и другие (Лебедев, 1965, с. 61).

Популярность кино объясняется его зрелищностью и простотой восприятия, однако должно было пройти время, прежде чем появился подготовленный зритель. В фильме «Казнь Марии Шотландской» (1895 г., реж. А. Кларк) изображалась казнь Марии Стюарт. При создании этого короткометражного игрового кино режиссер использовал стоп-кадр: когда палач поднял топор, актрису, игравшую королеву, заменили на манекен, которому и отрубили голову. Этот простой прием произвел сенсацию во время премьеры, многие подумали, что убили реальную женщину. Поэтому, кроме того, что в учебных целях организовывался показ познавательных картин, людей знакомили и с самим процессом кинопроизводства.

В СССР киноклубы создавали в школах, в 1925 году по инициативе Ассоциации революционной кинематографии (АРК) и Главного политико-просветительного комитета Народного комиссариата просвещения РСФСР появилось Общество друзей советского кино (ОДСК), целью которого была кинофикация всей страны. Создавались кинокружки на заводах, фабриках и в учебных заведениях, шли кинопоказы в деревнях. В 1919 году в Москве открыли первую в мире киношколу ВГИК (Всероссийский государственный институт кинематографии). Тогда же в Петербурге появился Высший институт фотографии и фототехники. Говоря о распространении кинофикации в СССР, заметим, что процесс был идеологически мотивированным, что, однако, не делает его исключительным в общемировом контексте. Идеологическая концепция медиаобразования существует наравне с другими и иллюстрирует многообразие целей в изучении разных видов коммуникации.

Когда кино перестало восприниматься в качестве нового вида коммуникации, развитие медиаобразования не остановилось. В Великобритании, Канаде, США и многих других странах было популярным практическое кинообразование. Оно базировалось на том, что обучающиеся снимали короткие документальные и игровые фильмы. Это стало возможно потому, что в 1960-х годах появились недорогие любительские кинокамеры. В школах и университетах стали создавать лаборатории, где можно было проявлять и печатать пленки. В эти годы в Америке появилась Ассоциация деятелей экранного образования (Association for Screen Education). В 1969 году на базе

университетов штатов Юта и Огайо разработали обучающие материалы по развитию «критического видения» (Федоров, Новикова, 2005, с. 16).

Итак, волнообразный принцип распространения медиаобразования: опишем появление кинематографа с точки зрения первой волны, ориентируясь на определение родового понятия. Под «возмущением» будем понимать интерес общества к новому виду коммуникации — к изобретению ученых, которые смогли оживить картинку. За «энергию» возьмем распространение кинофикации, вовлеченность людей в процесс кинопроизводства, а также распространение образования через кинематограф. Поскольку «энергия» — это последствия, которые наступают не только при использовании навыков коммуницирования, но и при их отсутствии, то энергией будем считать и негодование зрителей после просмотра кино «Казнь Марии Шотландской». Сюда же отнесем и легендарную историю, о которой рассказывали братья Льюмьер: в 1896 году во время показа их короткометражки в Париже зрители испытали страх и покидали зал, видя движущийся на них поезд. Наконец, за «конечность скорости» примем результат распространения актуальных знаний о кинематографе, появление подготовленного зрителя, который понимал возможности кинематографа и умело использовал кино для получения знаний и впечатлений. При этом необходимо подчеркнуть, что это произошло, когда кино стало частью повседневности.

Вторая волна: телевидение

Медиаобразование началось с изучения киноискусства, но с появлением телевидения стало еще более востребованным. Старт телеиндустрии дал В. Зворыкин, который в 1919 году уехал из России в США, где продолжил научную работу. В 1923 году он представил миру *The Televisor*. Изобретение телевидения не может быть заслугой одного человека. Более 120 схем телевизионных устройств создал учитель В. Зворыкина — Б. Розинг. Шотландский инженер Дж. Бэрд собрал первую механическую телевизионную систему. Ее вытеснили разработки электронного телевидения В. Зворыкина и Ф. Фарнсуорта, однако разработки Дж. Бэрда — важный вклад в развитие телевидения. Именно он в 1928 году сделал первую в мире цветную телепередачу. В 1928 году в американском Чикаго вышла в эфир первая телестанция на механической развертке, где впервые для передачи изображения и звука использовался один диапазон радиоволн. В СССР с 1931 года заработало экспериментальное вещание (без звука) по 1 часу 12 раз в месяц (Shmakov, 1935, с. 11).

Среди советских радиолюбителей было распространено самостоятельное конструирование механических телевизоров. Радиодиапазоны позволяли им принимать передачи на больших расстояниях. В 1937 году ЦК ВЛКСМ в издательстве детской литературы выпустил брошюру «Самодельный телевизор». Важнейшее для появления традиционного телевидения изобретение описывалось доступным языком. Разъяснялся принцип работы, а также способы создания необходимых устройств. В механическом телевизоре диск

Нипкова насаживается на ось синхронного мотора, который связан с ведущим мотором. Изготовить ведущий мотор автор брошюры Б. Шефер предложил самостоятельно по книжке А. Абрамова и П. Хлебникова «Самодельные электромоторы и трансформатор» (Шефер, 1937, с. 13). В СССР подобные издания, рассказывающие об устройстве телевидения, выполняли задачи формирования медиаграмотности. Актуализировалась не только потребительская, но и практическая концепция медиаобразования, поскольку рассказывалось о принципах работы и разъяснялись способы самостоятельной сборки и использования телевизионного устройства.

На Берлинской Олимпиаде 1936 года уже использовалась телекамера с электронной разверткой. Первый в мире телеканал, вещающий по электронной технологии регулярно, был запущен немецкой телерадиокомпанией в 1934 году. Спустя два года регулярное электронное вещание началось в Великобритании. Работой руководил выходец из Российской империи, инженер И. Шёнберг. Регулярное электронное телевещание в СССР было впервые начато Опытным ленинградским телецентром в 1938 году. В это время в СССР стали организовывать коллективные просмотры во дворцах культуры и заводских клубах. Передачи проводились дважды в неделю. Н.Н. Вилкова в статье «75 лет электронному телевидению в России и первому отечественному электронному телевизору ТК-1» приводит статистику, согласно которой в 1940 году парк телевизоров в СССР составлял 500 штук, а в 1948 году — 4000 штук (Вилкова, 2014). В 1956 году количество телевизоров у населения СССР превысило один миллион. С 1960 по 1970 год парк телевизоров увеличился почти в десять раз: с 4,8 млн до 40 млн штук.

В 1930–1940 годах транслировались документальные и художественные фильмы, музыкальные концерты, актеры читали художественные произведения. В 1940 году был показан документальный фильм об СССР «День нового мира» производства Центральной студии кинохроники². Его снимали 97 операторов кинохроники, текст читал Ю. Левитан.

2 мая 1949 года с ПТС (передвижной телевизионной станции) вышла пробная внестудийная трансляция футбольного матча ЦСКА — «Динамо» (Москва) со стадиона «Динамо». 29 июня была организована официальная трансляция, когда зрители увидели первый прямой репортаж В. Синявского с матча Чемпионата СССР ЦДКА — «Динамо» (Минск). «Не сохранилось информации о том, сколько человек на стадионе и сколько у экранов телевизоров смотрели тогда матч. Цифра была очень скромной, но начало новому типу телепередач было положено» (Волкова, 2015, с. 42). Отметим, что первой в мире телекомпанией, которая организовала прямую трансляцию, стала Германия. Телерадиокомпания RRG транслировала Берлинскую Олимпиаду в 1936 году: из-за небольшого количества телевизоров у населения работали общественные зрительные залы.

---

² День нового мира, 1940 // YouTube. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uh5UnZH4OU> (дата обращения 14.06.2021).

Вслед за Германией в 1936 году регулярные телевизионные трансляции начала Англия. В 1937 году это сделала Франция, а в 1939 году — США. В 1940-х годах у американцев было уже больше миллиона телевизоров, а еще через десять лет — 70 миллионов. Транслировали не только художественный контент, но и информационный, а также коммерческий. Использование приемов манипуляции при создании торговой рекламы, насилие в кино и новостях привело к зарождению в стране движения критического видения. В 1970-х годах правительство США при поддержке Министерства образования профинансировало учебные курсы «критического видения» на всех ступенях общего образования. В это же время в соседней Канаде создали Ассоциацию медиаграмотности, и в борьбе с излишним влиянием американских программ местное правительство ввело квоты на «канадское содержание» в эфире. Сейчас своя ассоциация деятелей медиаобразования работает почти в каждой канадской провинции. Формирование медиаобразования в Канаде началось не в эпоху телевидения, а раньше. Как и во Франции, США и других странах, этот процесс запустил кинематограф. В тоталитарных странах телевидение активно использовалось в пропагандистских целях, в этот период там наблюдалось развитие идеологической концепции медиаобразования.

Таким образом, телевидение вызвало вторую волну распространения медиаобразования. Под «возмущением» будем понимать массовый интерес к телевидению, который способствовал резкому росту числа телезрителей. Были популярны массовые показы, а на индивидуальные телевизионные приемники быстро увеличивался спрос. «Энергия» здесь — это процесс формирования подготовленного зрителя с развитым критическим мышлением, а «конечность скорости» — наличие обоснованных и апробированных программ развития медиаграмотности во многих странах.

Третья волна: новые медиа

Появление новых медиа спровоцировало третью волну распространения медиаобразования. Современные условия схожи с теми, что были при формировании аудитории кинематографа и телевидения. Интернет, и в частности социальные сети, не менее стремительно покоряют аудиторию. К началу 2020 года в мире насчитывалось 4,5 млрд пользователей Интернета, что на 7% больше, чем годом ранее. В социальных сетях зарегистрированы 3,8 млрд, это почти 60% населения всего мира. В обзоре трендов за 2019 год от We Are Social и Hootsuite говорится, что средний интернет-пользователь находится в сети 6 часов 43 минуты каждый день, потребляя при этом 34 ГБ аудиовизуального контента³. Причем современная аудитория не только потребляет, но и производит контент, превратившись в своего рода медиумов

---

³ Digital 2020: Billion People Use Social Media // We are Social. 2020. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (accessed: 07.07.2020).

(Ефанов, 2020). Исследователи Университета Южной Калифорнии США в своей работе исходили из способности человеческого мозга обрабатывать информацию со скоростью 100 кбит/с. Конечно, мозг — система индивидуально изменчивая, но объем информации в мире растет с заметным постоянством. По мнению ученых, изучающих интеллект, увеличение объема передаваемой информации происходит экспоненциально (Еремин, 2005).

При возникновении телевидения журналистские редакции сформировались не сразу. Профессиональные журналисты пришли туда лишь спустя некоторое время, а сначала работниками телевидения становились инженеры и радиолюбители. По похожему пути развиваются новые медиа: со временем появляется все больше интернет-каналов, контент которых создают профессиональные работники медиа, а интернет-каналы популярных блогеров теперь имеют все признаки институционализированного медиа. Как следствие, подобные медиакоммуникационные детерминанты отразились и на правовом регулировании. В 2014 году в России были внесены изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые обязывают обладателей интернет-ресурсов с аудиторией больше 3000 пользователей в сутки регистрироваться в Роскомнадзоре, что влечет за собой ряд ограничений. Как и при возникновении кинематографа и телевидения, современные технологии снова требуют от общества новых навыков, и запрос на медиаобразование возник в обществе с особой силой. Новые знания нужны как аудитории, так и производителям медиаконтента. Когда-то технический прогресс уменьшил и удешевил камеры, и к изготовлению видео смогли прикоснуться непрофессионалы. Сейчас медиапродукты создает чуть ли не каждый пользователь социальных сетей.

Медиаобразование имеет практическую функцию, помогая производить качественный медиаконтент. Защитная функция способна оградить потребителя от низкосортного или опасного медиапродукта, а создателя — уберечь от судебных разбирательств, ведь вместе с коммуникативными технологиями меняется и законодательство. С 2019 года в России введена ответственность за распространение в Интернете заведомо недостоверной информации (появился так называемый «Закон о фейковых новостях»). Людям могут выписать штрафы, но некоторые пользователи даже не знают о наказании за публикацию или репост недостоверных новостей. Фейки распространяются в медиареальности вирусно (Будовская, Волкова, 2012) или по модели игровых коммуникаций (Волкова, 2018). Пользователи пересылают их друг другу, считая правдой, что свидетельствует об отсутствии навыков работы с информацией. Все это отягощается постоянным ростом объема потребляемого контента, порождающего явление информационных шумов.

Медиаобразование дает алгоритмы для обнаружения фейков в медиaprостранстве, однако не сводится только к этому. Оно учит человека мыслить критически, помогает освободиться от страхов, порожденных незнанием, и разобраться в природе медиатекстов. Кроме того, медиаобразование формирует умение анализировать факты, работать с медиа на благо развития

личности (Федоров, 2001, с. 18), предоставляет возможность перейти от простой эмоциональной вовлеченности до способности соотносить восприятие медиатекста с задачей и позицией автора. Такие навыки необходимо развивать. При этом единой универсальной концепции медиаобразования в мире не существует. Все они призваны решать основную задачу — ограждать от манипуляций.

Заключение

Современные медиакommunikационные условия, в которых развиваются новые медиа, схожи с теми, что были при формировании аудитории кинематографа и телевидения: продукты поля Интернета не менее стремительно покоряют аудиторию. Как и сто лет назад, технологии требуют от индивидов подготовки — запрос на медиаобразование возник в обществе с новой силой. Современный медиатизированный мир требует от общества высокого уровня медиакомпетентности и развития критического мышления в контексте экологии человека. В России, продвигающей цифровую экономику, медиаобразование должно стать обязательной частью образовательных программ как на уровне средней, так и высшей школы, а медиа следует участвовать в этом процессе, повышая медиаграмотность своей аудитории. При этом важно подчеркнуть, что профессиональные медиа имеют особый медиаобразовательный потенциал.

Библиографический список

- Аммосов Ю.* Огюст и Луи Люмьеры: на площадке первого кинофильма // Republic. 2016. URL: <https://republic.ru/posts/60379> (дата обращения: 16.06.2021).
- Будовская Ю.В., Волкова И.И.* Распространение медиаконтента в социальных медиа и социальных сетях: теория игр против виральности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5 (49). С. 69–74.
- Волкова Н.Н.* 75 лет электронному телевидению в России и первому отечественному электронному телевизору ТК-1 // Виртуальный компьютерный музей. 2014. URL: <https://computer-museum.ru/articles/televidenie-i-radioveshchanie/188> (дата обращения: 12.06.2021)
- Волкова И.И.* Трансляция игровых событий как предтеча телевизионного репортажа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. I. С. 40–43.
- Волкова И.И.* Экранные игровые коммуникации как индикатор восприятия медиареальности: статусно-поколенческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 4. С. 124–138. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.124138>
- Еремин А.Л.* Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: Советская Кубань, 2005. 356 с.
- Ефанов А.А.* «Закон о фейковых новостях» с позиций методологической корректности // Информационное общество. 2020. № 1. С. 49–56.
- Ефанов А.А.* Социальные последствия медиавоздействия: монография. М.: Флинта, 2019. 272 с.

Лазутова Н.М., Волкова И.И. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111.

Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 годы. М.: Издательство «Искусство», 1965. 583 с.

Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР, 2001. 708 с.

Федоров А.В., Новикова А.А. Медиаобразование в ведущих странах Запада: монография. Таганрог: Изд-во Кучма, 2005. 270 с.

Шефер Б. Самодельный телевизор. М.: Издательство детской литературы, 1937. 247 с.

Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 246 с.

Shmakov P.V. The Development of Television in the USSR // *Television Society Journal*. 1935. № 2. P. 10–28.

References

Ammosov, Y. (2016). Auguste and Louis Lumiere: on the Site of the First Film. *Republic*. (In Russ.) Retrieved June 6, 2021, from <https://republic.ru/posts/60379>

Budovskaya, Yu.V., & Volkova, I.I. (2012). Distribution of media content in social media and social networks: game theory against virality. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 5(49), 69–74. (In Russ.)

Ecosystem of media: digital modifications: Monograph. (Ed. Urazova, S.L.). (2021). Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)

Eremin, A.L. (2005). *Noogenesis and the Theory of Intelligence*. Krasnodar: Soviet Kuban Publ. (In Russ.)

Fedorov, A.V. (2001). *Media Education: History, Theory and Methodology*. Rostov-on-Don: TsVVR Publishing House. (In Russ.)

Fedorov, A.V., & Novikova, A.A. (2005). *Media Education in the Leading Countries of the West: Monograph*. Taganrog: Kuchma Publishing House. (In Russ.)

Lazutova, N.M., & Volkova, I.I. (2017). Screen Media and Human Ecology: From Enchantment to Affiliation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(212), 106–111. (In Russ.)

Lebedev, N.A. (1965). *Essays on the History of Cinema of the USSR. Silent Cinema: 1918–1934*. Moscow: Publishing House Art. (In Russ.)

Schaefer, B. (1937). *Homemade TV*. Moscow: Publishing House of Children's Literature. (In Russ.)

Shmakov, P.V. (1935). The Development of Television in the USSR. *Television Society Journal*, (2), 10–28.

Vilkova, N.N. (2014). 75 years of Electronic Television in Russia and the First Domestic Electronic TV TK-1. *Virtual Computer Museum*. (In Russ.) Retrieved June 12, 2021, from <https://computer-museum.ru/articles/televidenie-i-radioveshchanie/188>

Volkova, I.I. (2015). Broadcast of game events as a forerunner of television reporting. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 6(56), P. I. 40–43.

Volkova, I.I. (2018). Screen-Based Game Communications as an Indicator of the Perception of Media Reality: the Social Status & Generation Aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 4, 124–138. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.124138>

Yefanov, A.A. (2020). Fake News Act from the Standpoint of Methodological Correctness. *Information Society*, (1), 49–56. (In Russ.)

Yefanov, A.A. (2019). *Social Consequences of Media Influence: Monograph*. Moscow: FLINTA Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Пугачев Максим Алексеевич, шеф-редактор службы информационных и тематических программ ТВ и РВ ГТРК «Оренбург». ORCID: 0000-0001-6255-7646; e-mail: pugachevma@mail.ru

Bio note:

Maxim A. Pugachev, chief editor of the information and thematic TV and radio programs service of the State TV and Radio Company “Orenburg”. ORCID: 0000-0001-6255-7646; e-mail: pugachevma@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-158-170

УДК 378

Научная статья / Research article

Технологии peer learning и edutainment в развитии профессиональных компетенций студентов медийных специальностей

В.В. Ильичева¹✉, К.Е. Кузьменкова¹id, Е.Б. Громова²id

¹ *Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2*

² *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе,
Российская Федерация, 299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7*

✉ ilyicheva-vv@rudn.ru

Аннотация. В центре внимания авторов статьи учебно-образовательные проекты (специальные мероприятия) двух вузов: Российского университета дружбы народов и МГУ им. М.В. Ломоносова (филиал в Севастополе). Специальные мероприятия рассматриваются, во-первых, как медиаобразовательные инициативы, развивающие профессиональные компетенции участников и демонстрирующие возможности применения концепции peer learning и технологий edutainment для практического эмоционально-мотивированного обучения студентов медийных специальностей; во-вторых, как элементы внутренней и внешней коммуникаций университетов, как средства событийного маркетинга, формирующие положительный имидж учебного заведения. Авторы представляют методiku подготовки мероприятий применительно к образовательным стандартам, увязывают организационные этапы с формированием конкретных компетенций у студентов. Сделаны выводы об эффективности подобных форм учебной активности, о перспективах их использования в условиях онлайн-образования. Модель репрезентации специальных мероприятий, представленная авторами, универсальна и может использоваться не только в вузах, где есть направления подготовки «Журналистика», «Телевидение», «Реклама и связи с общественностью».

Ключевые слова: медиаобразование, студенческие праздники, профессиональные компетенции, учебные коммуникации, имидж вуза

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 12 октября 2021 г.; откорректирована — 17 ноября 2021 г.; принята к публикации — 1 декабря 2021 г.

Для цитирования: Ильичева В.В., Кузьменкова К.Е., Громова Е.Б. Технологии peer learning и edutainment в развитии профессиональных компетенций студентов медийных специальностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 158–170. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-158-170>

Peer Learning and Edutainment Technologies in the Development of Professional Competencies of Media Students

Valeria V. Ilyicheva¹, Ksenia E. Kuzmenkova¹,
Ekaterina B. Gromova²

¹ Peoples Friendship University of Russia,
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

² Sevastopol's Branch of Lomonosov Moscow State University,
7 Geroyev Sevastopolya St, 299001, Russian Federation

✉ ilyicheva-vv@rudn.ru

Abstract. The article describes and analyzes the educational and training project of the Department of Mass Communications of the Peoples' Friendship University of Russia "Day of Specialties: Journalism, Television, Advertising and Public Relations". Also presented is the experience of organizing and conducting the festival of educational films and training "MediaEnvironment" at the branch of the Lomonosov Moscow State University in Sevastopol. These special educational and cognitive events are considered as elements of internal and external communications of universities, developing the professional competences of participants and demonstrating the possibilities of using the concept of peer learning and edutainment technologies for practical emotional-motivated learning of students of media specialties. The authors describe the methodology of event preparation in relation to educational standards, linking the organizational stages with the formation of specific student competencies. The authors conclude not only about the effectiveness of such forms of educational communication, but also about the prospects of their use in the conditions of online education. Representation model of special events is universal and can be used not only in universities with such directions like "journalism", "television", "advertising and public relations".

Keywords: media education, student holidays, professional competencies, educational communications, university image

Article history: submitted: October 12, 2021; revised: November 17, 2021; accepted: December 1, 2021.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Ilyicheva, V.V., Kuzmenkova, K.E. & Gromova, E.B. (2022). Peer learning and edutainment technologies in the development of professional competencies of Media students. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 158–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-158-170>

Введение

В РУДН и в филиале МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе обучаются будущие специалисты в области медиа (журналисты, рекламщики, PR-менеджеры). Оба университета уделяют большое внимание особым технологиям образования, в том числе *peer learning*. Peer (равнозначный элемент, англ.) плюс learning (обучение, англ.) — одна из современных обучающих концепций, которая подразумевает получение теоретических и практических знаний студентами во время взаимодействия друг с другом при решении образовательной или практической задачи (Boud, Cohen, Sampson, 2001). Под *peer learning* иногда подразумевается и более широкий контекст: корпоративное обучение в целом. К практике *peer learning* можно отнести специальные события, которые организуют сами студенты и где нередко инициируются ситуации с элементами геймификации (Volkova, 2013): руководители учебного процесса выступают на равных с учащимися и даже соревнуются с ними (Десяева, Алгави, Кильпелайнен, Волкова, 2017). При этом студенты сохраняют доверие к наставникам, если они высказывают свое мнение «не в виде замечания или готовой оценки, а в качестве совета и рекомендации, которые даны в рамках творческого процесса, игрового занятия или смоделированной ситуации» (Ильичева, Андрейченко, Кузьменкова, Писарева, 2021, с. 46).

Edutainment — это education (обучение, англ.) плюс entertainment (развлечение, англ.). Если мероприятия создаются в концепции *peer learning*, когда участники «не имеют власти друг над другом в силу своего положения или обязанностей» (Boud, Cohen, Sampson, 2001), *edutainment*-подход, который объединяет обучение и игровые технологии, часто дополняет *peer learning*.

Специальные образовательно-развлекательные события становятся эффективной платформой для закрепления практических навыков, выступают мобилизирующим фактором учебного процесса, где работает не конкуренция, а стратегия сотрудничества. Студенты сверяют свои творческие возможности с коллективной целью — провести мероприятие в намеченные сроки, сделать его максимально массовым, увлекательным, организовать его продвижение в СМИ и социальных сетях.

Главная задача (стратегический аспект), которую преследуют такие специальные события, — медиаобразовательная. А.В. Федоров пишет: «Медиаобразование — это процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) в целях формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, а также обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники, обретения медиаграмотности»¹. Формирование лично-

---

¹ Федоров А.В. Медиаобразование // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/education/text/2197538> (дата обращения: 05.10.2021).

сти через создание креативного пространства (Уразова, Писарева, Волкова, 2020), в том числе на основе мультимедийного портала (Ильичева, Кузьменкова, 2015) — одна из целей медиаобразования. Вузовские специальные мероприятия помогают студентам в преодолении коммуникационных барьеров, которые свойственны поколению, погруженному в цифровую среду (Волкова, 2018), развивают навыки продюсирования (Ильичева, Андрейченко, Кузьменкова, Писарева, 2021).

Следующая задача (практико-тактический аспект) организации факультетских праздников — создание качественного информационного контента. Специальное событие стимулирует появление дебютных творческих работ, у многих студентов наступает осознание себя как журналиста, рекламщика, маркетолога. Для редакций студенческих СМИ (официально существуют в университетах) и учебных медиа (временные проекты на практических дисциплинах) специальные события — своеобразный тренажер по тимбилдингу. Работая вместе, члены творческой команды уточняют портрет своей аудитории, расширяют круг героев и экспертов (студенты и преподаватели других факультетов, гости праздника), проявляют навыки организаторов, решают психологические задачи творческого взаимодействия. Для многих это первый опыт интеграции в реальный трудовой коллектив с целью создания информационного продукта. Во время подготовки подобных событий оттачиваются профессиональные компетенции: умение написать сценарии видеосюжетов и самого праздника, провести оперативную съемку, монтаж, озвучивание видеоматериала.

Далее рассмотрим следующие специальные учебные мероприятия-события «День специальностей» в РУДН (ДС), «Фестиваль учебного фильма» и цикл встреч «МедиаСреда» в филиале МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе. События организованы в соответствии с концепцией *peer learning*, с использованием технологии *edutainment*, проходят в дружеской атмосфере, способствуют созданию позитивной обстановки в вузе и укреплению корпоративной культуры.

День медийных специальностей в РУДН

В 2003 году преподаватели кафедры массовых коммуникаций филологического факультета РУДН разработали план проекта по продвижению образовательных направлений «Журналистика», «Связи с общественностью» (позже добавились «Реклама» и «Телевидение»). Цель продвижения — формирование положительного имиджа кафедры, создание заинтересованного отношения к медийным специальностям филологического факультета РУДН. Достичь этого предполагалось средствами событийного маркетинга, а именно созданием ежегодного мероприятия «День специальностей» (ДС) с демонстрацией творческих и учебных достижений обучающихся. С тех пор ДС стал популярен и вне стен РУДН. «Основная роль событийного маркетинга в определенном вузе заключается в узнаваемости его бренда с поло-

жительной стороны и привлечение потенциальных абитуриентов и их родителей» (Макаров, Чикалова, 2021, с. 126).

«День специальностей» — не просто концерт и поздравление студентов-победителей в учебных номинациях, это многофункциональный проект и многогранное зрелище, здесь проявляются вокальные, танцевальные, ораторские способности участников, реализуются профессиональные навыки будущих режиссеров и сценаристов, операторов и фотографов, сценографов и администраторов. Многофункциональность мероприятия проявляется через реализацию его основных функций. Организационная и консолидирующая функции: установление коммуникации между различными целевыми группами и подразделениями вуза, взаимодействие между студентами и преподавателями. Информационная функция реализуется через сбор необходимого материала для тематического сценария; работу в социальных сетях и на других интернет-платформах. Реализация просветительской и образовательной функций способствуют формированию общих культурологических компетенций и профессиональных навыков у студентов-организаторов и студентов-участников.

Опишем алгоритм обучения во время подготовки, организации и проведения ДС. Для этого разделим процесс на этапы и выделим основные компетенции, которые формируются (табл. 1). За основу взяты компетенции на базе образовательных стандартов высшего образования².

При организации подобных праздников отдельное внимание уделяется формированию коллектива, команды ДС. Коммуникационная структура управления студенческим активом представлена на рис. 1. Отметим, что иерархическая модель тем не менее учитывает горизонтальные коммуникации *peer learning* (в качестве постоянного сопровождения).

Исследуя специфику формирования и развития имиджа образовательного учреждения в условиях цифровой образовательной среды, Т.А. Абрамовских отмечает, что в образовательной организации помимо качественных образовательных услуг должны быть «уникальная организационная культура, которая отражает особую систему ценностей, обычаев, традиций, стилей поведения, оригинальная система воспитательной работы, направленная на развитие творческих способностей, совершенствование личностных качеств» (Абрамовских, 2020, с. 5). «День специальностей» культивирует непрерывную связь выпускников со своим университетом: они ежегодно участвуют в «Декаде мастер-классов» (пятый этап ДС), где делятся опытом с нынешними студентами. Таким образом, миссия ДС — сплотить студентов, инициировать взаимодействие с преподавателями и друг с другом после окончания РУДН, сохраняя тем самым приверженность к университету и кафедре.

---

² ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело» // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/92> (дата обращения: 29.10.2021).

Для участников и организаторов ДС разработана система поощрений и привилегий: оценка за прохождение творческой практики, награждение лучших организаторов на концерте, поощрение стажировками. В итоге студенты становятся более заинтересованными в профилирующих дисциплинах, уделяют время самоподготовке и самодисциплине. Работа в коллективе формирует систему нравственных ценностей.

В 2021 году команда ДС (167 человек) подготовила и провела мероприятие в сложное время: за два года пандемии студенты отвыкли от очных встреч с наставниками, друг с другом. Приоритетной задачей ДС-2021 стало сплочение коллектива кафедры, студентов и преподавателей. Совместная подготовка наладила потерянные связи и вернула некоторые навыки, утраченные в период онлайн-активностей. Практика показывает, что студенты готовы освободиться от интернет-зависимости ради живого общения и возобновления студенческой жизни, для саморазвития и получения новых знаний.

Рис. 1. Коммуникационная модель управления студенческим активом
Источники: составлено авторами.

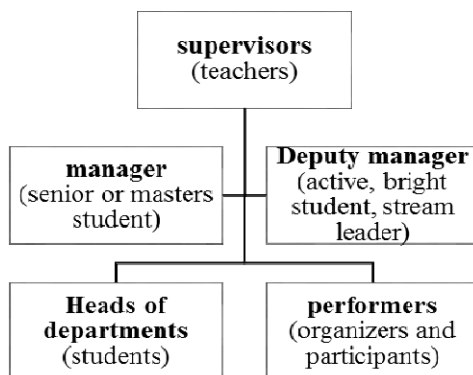

Fig. 1. Communicative model of student's activist group management
Source: compiled by the authors.

Таблица 1

ЭТАПЫ И КОМПЕТЕНЦИИ

Этап и описание	Компетенции по ФГОС 3++ 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью»; 42.03.02 «Журналистика», 42.03.04 «Телевидение»
1-й этап — планирование и обмен идеями. Собирается команда, назначаются руководители отделов. Посредством мозгового штурма определяются тематика мероприятия, название, слоган и цветное решение рекламных материалов	<ul style="list-style-type: none"> • определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из имеющихся ресурсов и ограничений (УК-2) • владеть навыками организационно-управленческой работы с малыми коллективами (ПК-2; 42.03.01)
2-й этап — разработка сценария концертной программы; составление плейлиста и возможных танцевальных и других постановочных номеров. Выбор ведущих (кастинг), отбор вокалистов (кастинг). К принятию решений могут быть подключены выпускники (бывшие ведущие и организаторы ДС)	<ul style="list-style-type: none"> • создавать востребованные обществом и индустрией медиапродукты в соответствии с нормами русского и иностранного языков, особенностями иных знаковых систем (ОПК-1) • использовать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания медиатекстов, медиапродуктов, коммуникационных продуктов (ОПК-3)
3-й этап — разработка PR-акций и формирование пула приглашенных гостей для проведения мастер-классов и вручения наград победителям на церемонии награждения. Выбор статуэток для награждения и составление сметы	<ul style="list-style-type: none"> • осуществлять оперативное планирование и контроль рекламной работы, PR-деятельности, проводить мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг (ПК-1; 42.03.01)
4-й этап — проведение предварительных мероприятий с целью информационного сопровождения «Дня специальных»: акции, флешмобы и демонстрация промороликов	<ul style="list-style-type: none"> • в рамках отведенного времени создавать материалы для массмедиа в определенных жанрах, форматах с использованием различных знаковых систем для размещения на различных мультимедийных платформах (ПК-2; 42.03.04)
5-й этап — проведение «Декады мастер-классов» обучающего, развлекательного и познавательного видов. Для их проведения приглашаются действующие журналисты, представители различных СМИ, специалисты по связям с общественностью и рекламе, а также общественные деятели и популярные у молодежи публичные персоны	<ul style="list-style-type: none"> • осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке РФ и иностранном языке (УК-4) • проводить мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг, оценивать эффективность рекламной деятельности и связей с общественностью (ПК-1; 42.03.01)
6-й этап — проведение «Дня специальностей». Гала-концерт и церемония награждения студентов. Как правило, это мероприятие длится три часа. Проводятся съемка и прямая трансляция. Этап <i>полностью под контролем студенческого коллектива</i>	<ul style="list-style-type: none"> • проводить мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг, оценивать эффективность рекламной деятельности и связей с общественностью (ПК-1; 42.03.01)
7-й этап — аналитический. Проводится информационный аудит. Выявляются ошибки, фиксируются эффективные действия, интересные идеи	<ul style="list-style-type: none"> • учитывать эффекты и последствия своей профессиональной деятельности, следуя принципам социальной ответственности (ОПК-7; 42.03.02)

Источники: составлено авторами.

Table 1

STAGES AND COMPETENCIES

Stage and Description	Competences according to the Federal State Standard of Higher Education 3++ 42.03.01 Advertising and public relations; 42.03.02 Journalism; 42.03.04 Television
Stage 1 — Planning and exchange of ideas. Tutor teachers recruit a team, appoint heads of departments. The organizers determine the theme, title, slogan and colour scheme for the event, using a brainstorming technique	<ul style="list-style-type: none"> • To determine the range of problems within the set goal and choose the best ways to solve them, taking into account the available resources and constraints (universal competence N 2) • To have skills in organizational and management work with small teams (professional competence N 2; 42.03.01)
Stage 2 — Developing the script for the concert programme; drawing up a playlist and possible dance and stage show. At this stage, presenters and vocalists are being cast. Alumni who have previously been involved in organizing the event can be involved in the decision-making process	<ul style="list-style-type: none"> • To create media products demanded by society and industry in accordance with the norms of Russian and foreign languages, as well as the specificities of other sign systems (general professional competence N 1) • To use the diversity of domestic and global cultural achievements in the process of creating media texts, media products and communication products (general professional competence N 3)
Stage 3 — Development of PR-actions and formation of the guest pool for master-classes and awarding the winners at the ceremony. Organizers draw up a budget for the event, select award merchandise	<ul style="list-style-type: none"> • To carry out timely planning and control of promotional work, PR activities, measures to improve the image of the organization, promotion of goods and services (professional competence N 1; 42.03.01)
Stage 4 — Conducting preliminary activities to support the “Day of specialties”: actions, flash mobs and the demonstration of promotional videos	<ul style="list-style-type: none"> • To create media materials in specific genres and formats within the allotted time, using various iconic systems for placement on various multimedia platforms (professional competence N 2; 42.03.04).
Stage 5 — educational, entertaining, and informative workshops. The organizers invite journalists, media representatives, PR-specialists, as well as public figures and public figures popular with young people	<ul style="list-style-type: none"> • To communicate orally and in written form in the official language of the Russian Federation and a foreign language (universal competence N 4) • To carry out activities to improve the organization’s image, promote products and services, assess the effectiveness of advertising activities and public relations (professional competence N 1; 42.03.01)
Stage 6 — holding a Day of Specialties. Gala concert and student award ceremony takes place. The event usually lasts three hours. There is filming and live streaming. The stage is entirely under the control of the student body	<ul style="list-style-type: none"> • To carry out activities to improve the organization’s image, promote products and services, assess the effectiveness of advertising activities and public relations (professional competence N 1; 42.03.01)
Stage 7 — analytics. Organizers conduct information audits, identify mistakes, record effective actions, interesting ideas	<ul style="list-style-type: none"> • To consider the effects and consequences of their professional activity, following the principles of social responsibility (general professional competence N 7; 42.03.02)

Source: compiled by the authors.

«Фестиваль учебного фильма» и «МедиаСреда» в МГУ

В 2019–2020 учебном году в филиале МГУ им. М.В. Ломоносова был проведен «Фестиваль учебного фильма». Главные требования «Положения о фестивале»: фильм, длительностью не более десяти минут, может использоваться в образовательном процессе как методическое видеопособие. Организовывали фестиваль студенты кафедры журналистики историко-филологического факультета Д. Приходько и А. Колмагорова. Заявки на участие подали студенты-журналисты, а также творческие команды экономического, психологического и географического факультетов. Среди участников были студенты Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (журналисты и юристы), школьники из секции «Журналистика» северо-польского отделения «Малой академии наук». Многих воодушевило, что в «Положении о фестивале» образовательный потенциал фильма был определен как главный критерий, который был приоритетом по отношению к техническим требованиям.

Наиболее ярко была раскрыта обучающая история в фильмах «Экзотические процессы в районе пляжей Учкюевка», «Фермерское виноделие в Крыму», «Здоровое питание на стипендию», «Крымский рейв: электронная сцена», «Профессия „актер театра“», «Крым, открытый блогерами», «Социальные сети». По мнению жюри, эти фильмы могут применяться в качестве видеолекций. Они были подготовлены в разных жанрах: от репортажа и интервью до расследования и мини-спектакля. Общее, что было отражено в фильмах, — желание авторов показать предмет и тему обучения *средствами документального кино*. Например, студенты-психологи в проекте «Психологион» предлагали абитуриенту разобраться в себе, понять, действительно ли нужна ему выбранная профессия, это был фильм о преодолении стереотипов.

Одним из самых неожиданных моментов фестиваля было участие в нем студентов-юристов из Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Они подготовили фильмы-пособия для кафедры криминалистики о процедуре опознания преступника и о следственных мероприятиях («Роковые детали — негативные обстоятельства» и «По цифровым следам»).

Серьезным уроком оказалась встреча студентов-журналистов, которые обучались созданию документального видеоконтента на курсах «Организация телеэфира», «Тележурналистика», с ребятами других направлений подготовки, интуитивно осваивающих навыки тележурналистов и режиссеров. Многие будущие журналисты воочию убедились, что их творческие достижения подчас проигрывают проектам непрофессионалов. Тем более, что первый приз этого фестиваля присудили школьнице, слушателю северо-польского отделения «Малой академии наук», ее фильм члены жюри выделили как лучшую видеолекцию о космосе, снятую в блогерской манере *edu-*

tainment, с уместной и веселой компьютерной графикой, доступной подачей учебного материала.

Еще одно успешное начинание (в рамках технологии проектного обучения *peer leaning*) в филиале МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе — клуб журналистов «МедиаСреда», где студенты учатся в неформальной обстановке. Главное при таком процессе — эмоциональная поддержка и обмен опытом при выполнении профессиональной задачи. Еженедельные заседания «МедиаСреды» организуют и проводят студенты третьего курса. Они выбирают и формулируют тему самостоятельно, приглашают гостей, готовят сценарий (вопросы интервью, презентацию и т.д.), обеспечивают информационное сопровождение — размещают анонсы и материалы о событии в студенческих и учебных медиа, в социальных сетях. Главные гости на заседаниях — профессионалы медиаиндустрии (журналисты, специалисты по связям с общественностью и рекламе, фотожурналисты, блогеры). Эту форму работы начал использовать заместитель директора севастопольского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова Д.В. Жуков, а доцент Т.В. Тришина сделала ее традиционной. В начале года студенты формируют календарь на предстоящий семестр, коллективно обсуждают кандидатуры гостей. Обстановка на «МедиаСреде» демократичная, без официальных речей. Каждый студент отвечает за свой участок работы: разработка дизайна афиши, определение формата каждой встречи (это может быть интервью с гостем, ток-шоу, игра, круглый стол, телемост, конкурс). Продюсеры встречи готовят раздаточный материал: статьи, журналы, различные публикации о госте. Студенты по очереди становятся продюсерами встречи и заполняют чек-лист, в котором перечислены все подготовительные шаги и регламент события (от напоминания гостю о дате встречи до общей фотографии с ним всей группы). В удаленном формате к этому событию присоединяются школьники и слушатели «Малой академии наук», преподаватели и студенты других факультетов.

Отражение «Фестиваля учебного фильма» и «МедиаСреды» происходит на нескольких медиаплатформах, что позволяет увеличить пользовательский трафик. Сайт вуза рассматривается как официальная площадка, однако значительная часть текстов о мероприятиях размещается в социальных сетях. Развлекательность увеличивает виральность контента и его аттрактивность для внешних аудиторий. Результаты, в том числе освещение в СМИ, анализируются по методике SWOT-анализа на практических занятиях.

Заключение

Практику *peer learning* при реализации специальных событий, организованных студентами, можно рассматривать как моделирование профессиональной жизни. Студенты чувствуют особую ответственность, поскольку каждый на своем месте отвечает за общий результат. Организованное событие позволяет откорректировать профессиональные компетенции и навыки,

закрепить привычки тайм-менеджмента, понять механизмы работы в коллективе, избавиться от неуверенности в себе. Специальные мероприятия РУДН и МГУ «День специальностей», «Фестиваль учебного фильма», «МедиаСреда», существующие в разных форматах (от клубной встречи до фестиваля), созданные согласно концепции *peer learning*, способствуют профессиональному взрослению студентов и при этом формируют имидж высшего учебного заведения как комфортного и эффективного пространства для подготовки специалистов медийных специальностей.

Для вуза весь объем работы, сделанный студентами на добровольной основе, — ценный опыт внутренней и внешней коммуникации, помогающий привить (внедрить, усвоить, воспитать) корпоративные ценности и улучшать имидж. При этом формирование имиджа вуза происходит в двух направлениях: внутреннем (студенты, преподаватели, администрация) и внешнем (общественное и бизнес-окружение). Представленные в статье мероприятия проводятся с участием гостей: партнеров, коллег, родителей студентов и будущих абитуриентов, представителей бизнес-структур, выпускников прошлых лет, состоявшихся в профессии. Студенческие СМИ и социальные сети, информируя об этих мероприятиях, поддерживают имидж вуза и за пределами университета. Таким образом, обязательные в корпоративной среде процессы: «информирование, влияние, формирование лояльности и солидарности, внедрение корпоративной культуры, консолидация основных участников образовательного процесса, „обратная связь“, маркетинг и управление организацией» (Муравьева, 2006, с. 101) происходят одновременно. Поэтому для любого высшего учебного заведения специальные мероприятия будут ценным опытом повышения имиджа.

Вместе с тем студенты оттачивают навыки оперативного продюсирования, учатся основам тайм-менеджмента. Осваивается набор инструментов для вовлечения аудитории: учащиеся размещают посты в социальных сетях, ведут тематические блоги, создают лонгриды, анимацию, инфографику. Модель репрезентации таких событий может пригодиться и тем вузам, где нет направлений подготовки «Журналистика», «Телевидение», «Реклама и связи с общественностью». Творческие отчеты с таких специальных событий играют роль учебного пособия и инструмента медиаграмотности для всех студенческих СМИ и пресс-центров.

Библиографический список

Абрамовских Т.А. Формирование и развитие имиджа образовательной организации в условиях цифровой образовательной среды // Современное педагогическое образование. 2020. № 5. С. 4–8.

Волкова И.И. Экранные игровые коммуникации как индикатор восприятия медиареальности: статусно-поколенческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 124–138.

Волкова И.И., Десяева Н.Д., Кильпелайнен Е.С., Алгави Л.О. Геймификация в образовании: поединок с боссом // Образовательное пространство в информационную эпоху

(EEIA-2017): сборник научных трудов междунар. научно-практ. конференции, Москва, 7–8 июня 2017 г. М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2017. С. 330–340.

Ильичева В., Андрейченко Л., Кузьменкова К., Писарева М. Радиожурналистика: учеба и реальность // Проблемы современного радиовещания: материалы VII научно-практической конференции, Москва, 27 мая 2021 г. / под ред. В.В. Барабаша. М.: РУДН, 2021. С. 43–47.

Ильичева В.В., Кузьменкова К.Е. Мультимедийный портал как площадка для развития профессиональных навыков // Проблемы современного радиовещания: материалы I научно-практической конференции. Москва, 9 апреля 2015 г. / под ред. В.В. Барабаша. М.: РУДН, 2015. С. 32–38.

Макаров А.А., Чикалова Л.С. Мероприятия «событийного» маркетинга в высших учебных заведениях: обзор практики и перспектив применения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (50). С. 126–131.

Муравьева Н. Вузовские медийные ресурсы // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 99–102.

Уразова С.Л., Писарева М.Н., Волкова И.И. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81.

Boud D., Cohen R., Sampson J. *Peer Learning in Higher Education*. Routledge, 2001.

Volkova I.I. Four Pillars of Gamification // *Middle-East Journal of Scientific Research*. 2013. № 1. P. 149–152.

References

Abramovskih, T.A. (2020). The formation and development of the image of the educational organization in the digital educational environment. *Modern Pedagogical Education*, (5), 4–8. (In Russ.)

Boud, D., Cohen, R., & Sampson, J. (2001). *Peer Learning in Higher Education*. Routledge Publ.

Ilyicheva, V., Andreichenko, L., Kuzmenkova, K., & Pisareva, M. (2021). Radio journalism: study and reality. In V. Barabash (Ed.), *Problems of modern radio broadcasting. Proceedings of VII scientific-practical conf., May 27, 2021* (pp. 43–47). Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)

Ilyicheva, V.V., & Kuzmenkova K.E. (2015). Multimedia portal as a platform for the development of professional skills. In V. Barabash (Ed.), *Problems of modern radio broadcasting: Proceedings of the I scientific-practical conf., April 9, 2015* (pp. 32–38). Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)

Makarov, A.A., & Chikalova L.S. (2021). Events of event marketing in higher educational institutions: review of practice and prospects of application. *Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2(50), 126–131. (In Russ.)

Muravyeva, N. (2006). University media resources. *Higher Education in Russia*, (7), 99–102. (In Russ.)

Urazova, S.L., Pisareva, M.N., & Volkova, I.I. (2020). Criteria for the formation of communicative space in the student environment: immersion in creativity. *Scientific Notes of Zabaikalsky State University*, 15(1), 75–81. (In Russ.)

Volkova, I.I. (2013). Four Pillars of Gamification. *Middle-East Journal of Scientific Research*, (1), 149–152.

Volkova, I.I., Desyaeva, N.D., Kilpelyaynen, E.S., & Algavi, L.O. (2017). Gamification in education: boss fight. *Educational space in the information age (EEIA-2017): collection of scientific papers of the international scientific-practical conference, Moscow*,

June 7–8, 2017 (pp. 330–340). Moscow: Institute for Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education Publ. (In Russ.)

Volkova, I.I. (2018). Screen game communications as an indicator of the perception of medareality: status-generational aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*, (4), 124–138. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ильичева Валерия Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0003-4013-9237; e-mail: ilyicheva-vv@rudn.ru

Кузьменкова Ксения Евгеньевна, тьютор по учебной работе филологического факультета, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-8064-3828; e-mail: kuzmenkova-ke@rudn.ru

Громова Екатерина Борисовна, старший преподаватель кафедры журналистики историко-филологического факультета филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе. ORCID: 0000-0003-4705-4180; e-mail: katya-64@inbox.ru

Bio notes:

Valeria V. Ilyicheva, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia. (RUDN University). ORCID: 0000-0003-4013-9237; e-mail: ilyicheva-vv@rudn.ru

Ksenia E. Kuzmenkova, tutor for educational work, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-8064-3828; e-mail: kuzmenkova-ke@rudn.ru

Ekaterina B. Gromova, Senior Lecturer, Department of Journalism, Faculty of History and Philology, Sevastopol Branch of M.V. Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-4705-4180; e-mail: katya-64@inbox.ru

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-188

УДК 070.19

Научная статья / Research article

**Особенности формирования имиджа России
на медиаплатформах Сербии**З. Кунич¹, В.Л. Музыкант¹, Н. Панасенко²

¹ *Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2*

² *Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве,
Словакия, 91701, Трнава, пл. Й. Герду, 2*

 vmouzyka@mail.ru

Аннотация. Любая сетевая медиаплатформа, как целостная многофункциональная мультимедийная система, априори обладает совокупностью технологических преимуществ для трансляции общественно значимой информации, при этом медиатекст является ключевым элементом интернет-коммуникаций. В связи с этим медиаплатформу можно рассматривать как одно из наиболее эффективных средств формирования имиджа государства. Авторы проверяют эту гипотезу на эмпирическом материале конкретных медийных платформ Сербии: изучаются медиатексты 2020–2021 годов, посвященные России (ее политике, культуре, истории). Исследовательский вопрос связан с выявлением особенностей формирования и продвижения имиджа России на «цифровой территории» родственного народа. Существует междисциплинарная как теоретическая, так и практическая потребность в изучении медиатекста сетевых платформ как феномена, активно осваивающего мультимедийный формат и различные каналы дистрибуции. Авторы используют лингвистический анализ текстов о России, выявляя стереотипы, присущие жителям Балкан относительно россиян. Было установлено, что на современный имидж Российской Федерации в этом регионе влияют стереотипы, отраженные в текстах, размещенных на сербских медиаплатформах. Особое внимание уделено медиатекстам, отражающим период укрепления международного авторитета России как независимого, последовательно реализующего свою внешнюю политику государства.

Проведенное исследование актуально для объективной оценки отношения Балкан к России в контексте вековых межгосударственных связей и традиций славянского мира. Тексты сербских онлайн-медиа демонстрируют понимание авторами ценности общего национально-культурного наследия, лингвокультуры русского и сербского народов. Функционирование современных медиа на Балканском полуострове, выходящих на сербохорватском языке, рассматривается применительно к формированию национального гражданского общества, заинтересованного не только в родном языке, но и в интеграции в славянскую культуру в целом, в развитии эффективного сотрудничества с Россией. Используя технологические возможности медиаплатформ, было установлено, что моделирование имиджа России в сербских медиа в период 2020–2021 гг. является элементом комплексного мультимедийного воздействия на их аудиторию. Результаты проведенного исследования показывают, что репрезентация имиджа России проводилась системно — с учетом ценностей, потребностей и предпочтений южнославянских народов.

Ключевые слова: Сербия, медиаплатформа, имидж, онлайн-СМИ, медиатекст, славянская культура

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 19 октября 2021 г.; откорректирована — 1 ноября 2021 г.; принята к публикации — 1 декабря 2021 г.

Для цитирования: *Кунич З., Музыкант В.Л., Панасенко Н.* Особенности формирования имиджа России на медиаплатформах Сербии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 171–188. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-188>

Formational Features of the Image of Russia on the Serbian Media Platforms

Zvezdan Kunich¹, Valerii L. Muzykant¹, Nataliya Panasenko²

¹ Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

² University of SS Cyril and Methodius in Trnava,
2 Nam. J. Herduš, Trnava, 91701, Slovakia

 vmouzyka@mail.ru

Abstract. Any network media platform, as an integral multifunctional multimedia system, a priori has a set of technological advantages for broadcasting socially significant information, at the same time, media text is a key element of Internet communications. In this regard, the media platform can be considered as one of the most effective means of state image formation. The authors test this hypothesis on the empirical material of specific media platforms in Serbia: they study media texts for the period of 2020–2021 highlighting Russia (its politics, culture, history). The research question consists in the formational features identification and promotion of the image of Russia on the «digital territory» of the kindred

peoples. There is both an interdisciplinary theoretical and practical need to study media text of network platforms as a phenomenon that actively assimilates the multimedia format and various distribution channels. The authors use a linguistic analysis of texts about Russia, revealing the stereotypes inherent in the inhabitants of the Balkans in relation to Russians. It was found out that the modern image of the Russian Federation in this region is influenced by stereotypes reflected in the texts posted on Serbian media platforms. Special attention is paid to media texts reflecting the period of strengthening of the international authority of Russia as an independent state that consistently implements its foreign policy. Our research is relevant for an objective assessment of the attitude of the Balkans to Russia in the context of age-old interstate relations and traditions of the Slavic world. The texts of the Serbian online media demonstrate the authors' understanding of the value of the common national cultural heritage, linguocultural basics of Russian and Serbian peoples. The functioning of modern media in the Balkan Peninsula, published in the Serbo-Croatian language, is considered in relation to the formation of a national civil society interested not only in the native language, but also in integration into Slavic culture in general, in the development of effective cooperation with Russia. Having used the technological capabilities of media platforms, it was established that the image of Russia in Serbian media modelling in the period of 2020–2021 is an element of the complex multimedia controlled impact on their audience. The results of our research show that the representation of the image of Russia was carried out systematically — taking into account the values, needs and preferences of the South Slavic peoples.

Key words: Serbia, media platform, image, online media, media text, Slavic culture

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: October 19, 2021; revised: November 1, 2021; accepted: December 1, 2021.

For citation: Kunich, Z., Muzykant, V.L. & Panasenko, N. (2022). Formational features of the image of Russia on the Serbian Media Platforms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 171–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-188>

Теоретическая база исследования

В эпоху информационного общества политическая активность переместилась в виртуальное пространство: одним из приоритетов внешней политики государства является создание положительного имиджа страны, призванного продвигать государство через международные каналы коммуникации. По мнению американского ученого Джозефа Найя, ресурсы «гибкой власти», то есть культура, политические ценности и внешняя политика, обладающие моральным авторитетом, формируют имидж политики страны (Най, 2006, с. 222). Исследования в сфере медиакоммуникаций (Bielik, Višňovský, 2021), связей с общественностью, политологии, психологии, культурологии, посвященные теоретическому и практическому изучению имиджа и медиаобраза различных государств (Greguš & Kačincová Predmerská, 2020), формируемых в российских и зарубежных СМИ, имеют определенную историю и конкретные тематические доминанты. В качестве примера укажем

лишь некоторые работы, которые представляют направления исследований. Это теоретические аспекты сравнения понятий «имидж», «образ» и «медиаобраз» (Хочунская, 2016), изучение экологии восприятия медиаобраза аудиторией (Экосистема медиа, 2021), структурные акценты феномена медиаобраза (Громова, 2016), сравнение стратегий и тактик формирования имиджа отдельных стран (Волкова, Ашур, 2021). При этом минимально количество работ, в которых анализируется медиаобраз России в зарубежных СМИ (Грабельников, Нгуен, 2017). Отметим, что пока не было статей, где прицельно изучался бы имидж России в балканских медиа. Незначительное количество работ связано с теорией медиаплатформ (Красноярова, 2016). Отдельный пласт литературы, характеризующей сербскую ментальность, преимущественно культурно-исторического профиля, также был предварительно изучен (Епископ Афанасий, 2009; Музыкант, Кунич, Марьянович, 2021). Имиджевые медиатексты, выполняющие функцию управления информационными потоками, максимально поликодированы или креолизованы. Поэтому авторы использовали (в качестве теоретического основания) источники по структуре и эффективности поликодированных текстов в контексте сетевых политических коммуникаций (Быков, 2013), учитывая современные направления и вызовы онлайн-журналистики (Višňovský & Radošinská, 2017) в эру мультимедийных платформ (Mináriková, Blahút & Višňovský, 2020). Также были рассмотрены статьи о структурной модели имиджа государства (Гавра, Савицкая, 2006), которые представляют интерес для журналистов, лингвистов и политтехнологов, создающих подобные тексты, сознательно планируя тот или иной перлокутивный эффект и способы медийной подачи информации.

В результате сравнительно-сопоставительного освоения массива теоретических источников была выдвинута следующая гипотеза: авторы материалов сербских медиаплатформ (государства Сербия и Республика Сербская) формируют положительный имидж России в интересах двух стран, представляющих единую славянскую ментальность. Это, в свою очередь, способствует пониманию контекста и подтекста публикуемых статей.

Эмпирический материал и методика исследования

Достоверность исследования обеспечивается обширным эмпирическим материалом и системой его изучения. Использовался сравнительный метод, включающий сопоставление различных типов контента, а также контекстуальный анализ с элементами контент-анализа. Анализ включал около 36 000 сообщений СМИ Сербии и Республики Сербской об иностранных субъектах (Европейский союз, Америка, Россия и Китай), которые были отмечены в новостях и утренних программах национального телевидения *RTS*, *Pink*, *Prva*, *Happy*, на порталах: *Blic*, *b92*, *Kurir*, *Telegraf i Novosti*, в том числе в ежедневных газетах *Blic*, *Kurir*, *Večernje novosti u Informer* (авторский перевод с сербского языка на русский З. Кунича). Затем отдельно были

сгруппированы и изучены тексты о России, размещенные на популярных медиапорталах.

В соответствии с рейтингом (данные *Gemius*, крупнейшей европейской исследовательской компании в области Интернета) самыми посещаемыми порталами и веб-сайтами за 2020 год являются *Kurir*, *Blic* и *Telegraf* (табл. 1).

Таблица 1

Топ 5 самых посещаемых веб-сайтов в Сербии в 2020 г.

№	Веб-сайты	Количество пользователей
1.	<i>Blic</i>	3 037 965
2.	<i>Kurir</i>	2 884 863
3.	<i>Telegraf</i>	2 728 626
4.	<i>Alo</i>	2 388 259
5.	<i>Srbijadanas</i>	2 361 518

Источник: TOP 10 lista najposećenijih sajtova u Srbiji.
URL: <https://nativemedia.rs/blog/top-10-lista-najposecenijih-sajtova-u-srbiji/>
(дата обращения: 10.10.2021).

Table 1

Top 5 most visited websites in Serbia, 2020

N	Websites	Number of users
1.	<i>Blic</i>	3 037 965
2.	<i>Kurir</i>	2 884 863
3.	<i>Telegraf</i>	2 728 626
4.	<i>Alo</i>	2 388 259
5.	<i>Srbijadanas</i>	2 361 518

Source: Top 10 most visited websites in Serbia.
URL: <https://nativemedia.rs/blog/top-10-lista-najposecenijih-sajtova-u-srbiji/>
(accessed: 10.10.2021).

Обсуждение результатов исследования

Как следует из количественных данных, представленных в табл. 1, самыми популярными изданиями (по состоянию на 2021 год), публикующими материалы на сербскохорватском языке, остаются сербские медиапорталы *Blic* и *Kurir*. По этой причине выборка иллюстративного материала проводилась главным образом из этих медиаресурсов.

В 2020–2021 гг. нами было отобрано 258 текстов о России из 300: в *Blic* 170 заметок, интервью и статей в *Kurir* — 130.

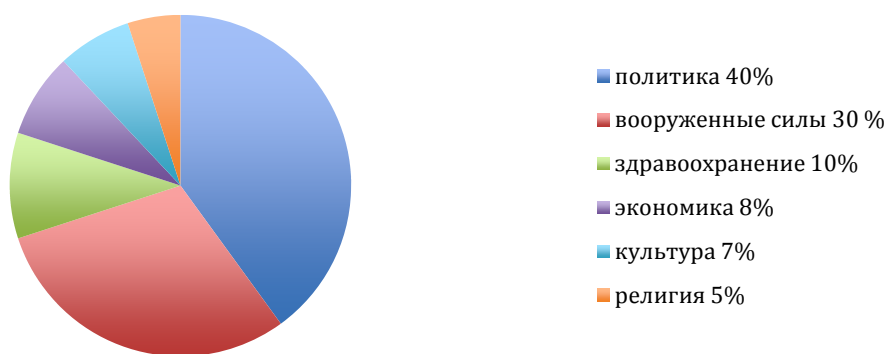
Основные рубрики *Blic* — это новости, политика, бизнес, развлечения, страна, мир, общество, коронавирус, судьбы, знаменитости, спорт; тогда как

основные рубрики *Kurir* — это новости, знаменитости, спорт, регионы, планета, развлечения, образование.

На онлайн-платформе *Blic* 100% материалов, формирующих имидж России, сопровождаются текстами с фотографиями, без видео.

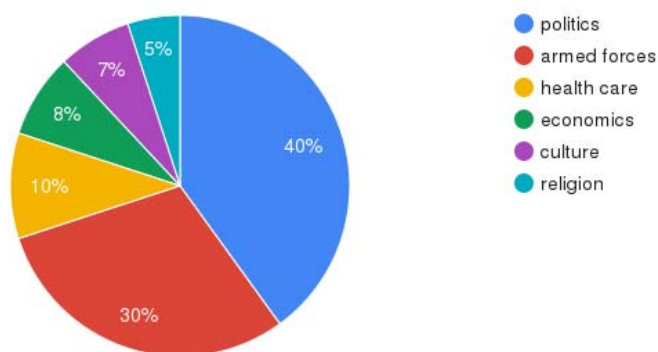
На онлайн-платформе *Kurir* 65% материалов, формирующих имидж России, сопровождаются текстами с видео и фото в равной пропорции, 35% текстов с фото, без видео. Медiateкстов без фотографий и видео, без гиперссылок — не обнаружено.

Проанализированные в исследовании материалы онлайн-платформ, в которых целенаправленно формируется имидж Российской Федерации, ориентированы на политику (40%), вооруженные силы (30%), здравоохранение (10%) (рис. 1).

Рис. 1. Общая направленность проанализированных материалов на сербохорватском языке

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. General focus of the analyzed materials in Serbo-Croatian

Source: compiled by the authors.

Тексты о России (учитывались заголовки, стиль, лексика), размещенные на двух медиаплатформах, изображают Россию по-разному: 70% — позитивное повествование, 30% — негативное.

Продвижение имиджа Российской Федерации осуществляется на онлайн-платформах ряда Балканских государств. В Сербии, где 6,57 млн пользователей Интернета, около 3,7 млн участников социальных сетей. В Боснии и Герцеговине 2,37 млн интернет-пользователей; при этом 1,7 млн предпочитают общение на сербскохорватском языке соцсетях. Из 628 тыс. интернет-пользователей в Черногории — 477 тысяч пользователей социальных сетей, в Хорватии из 3,1 млн интернет-пользователей — 2,8 млн пользователей социальных сетей¹.

Прежде чем мы рассмотрим полученные нами данные более подробно, считаем целесообразным напомнить, какие существуют способы подачи информации в СМИ и как можно классифицировать источники информации. По мнению Т.Г. Добросклонской, «моделирование механизма отображения реальных событий средствами массовой информации позволяет выделить **три основных типа медиапрезентаций**, которые условно можно обозначить как **отражение, реконструкция, миф**» (Добросклонская, 2014, с. 56). Данные типы медиапрезентаций могут быть использованы как при анализе медиасообщений, принадлежащих к эмоционально окрашенным текстам (см., например: Panasenko, Greguš & Zabuzhanska, 2018, p. 141), так и при анализе нашего языкового материала (см. «Мифологизация»). Что касается источников информации, то при отборе текстов следует учитывать медиа-порталы, которые могут быть источником официальной информации, источники с серьезной репутацией и порталы так называемой желтой прессы, или таблоидов (Panasenko N., Krajčović P. & Stashko, 2021, p. 126). Отбирая наш иллюстративный материал, мы обращались главным образом к первым двум источникам.

Анализ материала исследования показывает, что для формирования образа России используются такие стратегии, как мифологизация, замена целей, позиционирование, эмоционализация, метафоризация, детализация, визуализация и некоторые другие. При этом ряд применяемых стратегий имеют вербальные репрезентации и могут формировать в зависимости от контекстуального наполнения как положительную, так и отрицательную оценку. Проведенное исследование выявило определенную корреляцию между применяемым типом стратегии и содержательным наполнением продвигаемого имиджа (табл. 2).

Проиллюстрируем данные стратегии на ряде типичных примеров.

Мифологизация имиджа России — прием, применяемый в тех случаях, когда общество получает недостаточное количество информации о политике страны, деятельности политических лидеров. Отсутствие информации заме-

---

¹ Сербия: Интернет-абоненты, на 100 человек. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Serbia/Internet_subscribers_per_100_people/ (дата обращения: 01.21.2021)

няется стереотипами, домыслами и слухами. В таком случае мифологизация имеет негативный характер. Однако мифологизация также может быть целенаправленной и иметь позитивную коннотацию в том случае, если тот или иной миф поддерживается и распространяется в целях улучшения имиджа.

Таблица 2

Типы стратегий и содержательное наполнение имиджа Российской Федерации в традиционных СМИ и медиатекстах на сербохорватском языке

Типы стратегий	Наполнение имиджа
<i>Мифологизация</i>	Чаще негативное
<i>Замена целей</i>	Чаще негативное
<i>Позиционирование</i>	Чаще позитивное
<i>Эмоционализация</i>	Негативное-позитивное
<i>Метафоризация</i>	Позитивно-негативное
<i>Детализация</i>	Позитивно-негативное
<i>Визуализация</i>	Чаще негативное
<i>Вербальные репрезентации</i>	Чаще позитивное

Источник: составлено авторами.

Table 2

Types of strategies and content of the image of the Russian Federation in traditional media and media texts in Serbo-Croatian

Types of strategies	Filling the image
<i>Mythologization</i>	<i>More often negative</i>
<i>Change of goals</i>	<i>More often negative</i>
<i>Positioning</i>	<i>More often positive</i>
<i>Emotionalization</i>	<i>Negative-positive</i>
<i>Metaphorization</i>	<i>Positive-negative</i>
<i>Detailing</i>	<i>Positive-negative</i>
<i>Visualization</i>	<i>More often negative</i>
<i>Verbal representations</i>	<i>More often positive</i>

Source: compiled by the authors.

Пример мифологизации отрицательного имиджа Российской Федерации находим в боснийских медиа: «Такие сообщения, похоже, нацелены на страны, которым Россия хочет продавать свою вакцину Sputnik V. <...> необоснованные сообщения и кампании представляют угрозу для здоровья человека <...> террористические организации, такие как ИГИЛ, также злоупотребляют вмешательством в сознании людей во время пандемии» (*Buka*

Magazine, 30 декабря 2020 г.). Использование сравнения способствует демонизации России. В целом сравнение действий Российской Федерации с действиями ИГИЛ (запрещенной в России террористической организацией — *авт.*) является характерным приемом для *Buka Magazine*. Создание подобного имиджа подкрепляется соответствующими лексическими единицами: *угроза, злоупотребление*.

Замена целей предполагает, что основной целью политической системы является эффективное реагирование на импульсы внешней среды, а при появлении внешнего врага население сразу собирается вокруг лидера (Почепцов, 2009, с. 17). Со временем цели государства могут меняться. Этому способствуют различные события, начиная от политических преобразований в стране и заканчивая геополитическими процессами. Задача государства в процессе изменения целей — сохранить положительный имидж.

Образ внешнего врага, борьба с которым выходит на первый план, а граждане собираются вокруг лидера, в приеме *замена целей*, обнаружен нами в материале, посвященном проблеме коронавируса: «Некоторые страны, такие как Россия и Китай, активно проводят такую деятельность и пытаются подорвать нашу демократическую систему, основанную на таких ценностях, как свобода, плюрализм и разделение властей» (*Buka Magazine*, 30 декабря 2020). Материал формирует негативный имидж Российской Федерации, т. е. цель смещается с проблемы коронавируса на конфликт западных стран с Россией. Для укрепления негативного имиджа России здесь применяется противопоставление: Россия и Китай как альтернатива свободе, плюрализму, разделению властей.

Позиционирование как передача реципиентам объективной информации, связанной с реальными фактами и событиями, происходящими в государстве, включает в себя трансляцию объективной информации о деятельности государства обществу с целью его информирования о текущем положении дел. Пример позиционирования в контексте построения позитивного имиджа Российской Федерации применяется в половине исследуемых черногорских онлайн-медиа: «Россия поддерживает политику Демократического фронта, которая ориентирована на ценности традиционной Черногории и сохранение братских и дружеских отношений между Черногорией, Сербией и Россией, а также между сербским и русским народами. Об этом было объявлено после встречи депутатов Демократического фронта Йована Вучуровича и Милуна Зоговича с <...> Натальей Поклонской и <...> Сергеем Павловичем Цековым» (*vesti.me*. 06.12.2019). Позитивный имидж России создается с помощью использования таких лексических единиц и словосочетаний, как *поддерживает, традиционные ценности, сохранение, братские отношения, дружеские отношения*.

Эмоционализация имиджа государства позволяет адресату чувственно переживать новость. Подобная потеря объективности позволяет СМИ управлять не только эмоциями адресатов: «За постыдным молчанием Сербии по поводу событий в Минске скрывается страх перед Россией» (*NI*.

30.05.2021). Эмоционализация имиджа России достигается с помощью эмоционально окрашенной лексики, имеющей негативную коннотацию, а именно: *постыдный, страх*.

Метафоризация имиджа государства создается с помощью PR-технологий и является одним из психологических способов влияния на отношение реципиента к государству, поскольку она основана на архетипах, способствующих идентификации человека с субъектом политической метафоризации. Метафоризация в СМИ тесно связана с мифологизацией. Она находит отклик в массовом сознании, так как символические интерпретации облегчают восприятие имиджа государства, делают его понятным, предсказуемым. Метафоры позволяют наполнить имидж государства или лидера государства позитивными или негативными коннотациями с помощью метафор советского прошлого, природы, медицины, театра, цирка, литературы, войны, спорта и др.

Гипертрофированный эмоционально окрашенный образ власти создается при помощи метафор, тесно связанных с культурным кодом народа, используется в заметке «Шаг врага: Россия возмущена сотрудничеством БиГ с НАТО» (*Vecernji*. 20.03.2021); формирует негативный имидж, подчеркивая, «мы приглашаем друзей в БиГ хорошенько подумать», прежде чем ввязаться в психолого-пропагандистскую игру, которая «...ведется за счет БиГ и Сербии, которые являются заложниками ситуации. Когда все направлялись в НАТО, мы оказались между молотом и наковальней в игре Россия–НАТО» (*Vecernji*. 20.03.2021). Используя метафоры *психолого-пропагандистская игра* и *находиться между молотом и наковальней*, Боснию и Герцеговину представляют в качестве угнетенной стороны, где Российская Федерация — угнетатель.

В четверти проанализированных публикаций используется прием *детализации* имиджа государства, связанный с дополнительными имиджевыми технологиями, которые являются вспомогательными в процессе создания имиджа государства, закрепляя в сознании уже существующие характеристики, придающие имиджу новые характеристики, дезориентируя адресата.

Рассмотрим, как детализируется имидж России в сербских СМИ. В статьях о российских военных за 2020–2021 годы встречаются следующие заголовки: *Русские показали силу, этот снимок облетел весь мир: четыре ракеты «Булава» впервые запущены с атомной подводной лодки «Владимир Мономах»* (*Kurir*. 12.12.2020), *Российские ядерные бюджеты в действии: самый мощный в мире снаряд разрушает здание* (*Kurir*. 11.04.2021), *Вот как русские уничтожают исламистов: одним ударом в Сирии ликвидировано 200 джихадистов* (*Kurir*. 19.04.2021). Данные заголовки способствуют детализации имиджа Российской Федерации как государства, обладающего значительной военной мощью.

Визуализация связана прежде всего с формированием имиджа на основе специально созданных событий, где реальность, рассматриваемая по ча-

стям, разворачивает картину особого псевдомира. Специально созданные события имеют своей целью визуализировать положительные черты имиджа государства, убедить общество в том, что его лидер думает о своем народе и заботится о нем. Имидж государства включает в себя имидж его лидера, ведущих политических деятелей, ученых, способных своим авторитетом убедить адресата в правильности сделанного выбора. В качестве примера приведем крупнейший опрос, повлиявший на формирование имиджа России в балканских СМИ, организованный хорватской газетой *Jutarnji list* для выяснения уровня доверия читателей по отношению к российской вакцине *Sputnik V*. Из 7566 человек 82% проголосовали за покупку Хорватией российской вакцины от коронавирусной инфекции под влиянием «мощного канала воздействия на социум» (*Jutarnji list*. 17.02.2020).

Важным моментом при формировании образа России является оценочный компонент. Категория оценки, эмотивности, модальности и некоторые другие необычайно важны для такого оформления медиатекста, который может способствовать формированию определенного общественного мнения (Panassenko & Kryachkov, 2020).

Наибольшее количество положительных новостей о России было зафиксировано в декабре 2020 года во время визита министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Сербию и доставки российской вакцины «Спутник V»².

С целью создания положительного имиджа России наиболее часто используемые словосочетания: *русские фигуристы, гуманитарная помощь, вакцина Спутник-V*, тогда как словосочетания *русские хакеры, разгон митингов, вмешательство в выборы* наделяют имидж России негативными вторичными характеристиками.

Вербальные репрезентации имиджа России в сербском медийном пространстве формируются на базе стереотипов, архетипов и ожиданий реципиентов. Национальные и этнические стереотипы дифференцируются на экзоэтностереотипы — усеченные представления о конкретном народе, свойственные другим странам, и эндоэтностереотипы — усеченное собственное представление о своей стране, народе, личности. Они являются неотъемлемым инструментом манипулирования общественным мнением в процессе имиджирования.

Экзостереотипы способны дополнить положительный имидж России: «Русские никогда не болеют! Русские известны как народ с давними традициями в отношении холодной воды. Холодная вода и холодный душ имеют давние традиции во многих культурах, особенно в России, и не без оснований — они приносят множество преимуществ для здоровья» (*Kurir*. 01.05.2021). Данный пример отражает культурные и географические экзо-

---

² Mediji u Srbiji znatno pozitivnije o Kini i Rusiji nego o EU i SAD, 4.03.2021. URL: <https://europeanwesternbalkans.rs/mediji-u-srbiji-znatno-pozitivnije-o-kini-i-rusiji-nego-o-eu-i-sad/> (accessed: 29.11.2021).

стереотипы о России и русских: они не боятся холода, следовательно, здоровые и имеют хороший иммунитет. Очевидно, что не все граждане Российской Федерации отличаются превосходным здоровьем, однако вербализация данного экзостереотипа в материалах СМИ способствует созданию положительного образа россиян в сознании реципиентов, что наполняет имидж России положительными чертами.

Можно отметить ряд имевших успех в Сербии медиапроектов, мультисериалы «Маша и Медведь», телесериал «Кухня», фильмы «Балканский рубеж», «Т-34» и «Холоп». Присутствие российских социальных сетей с такими актерами и инфлюэнсерами, как Милош Бикович и Эмир Кустурица в качестве послов доброй воли, сближающих различные аудитории России и Сербии, способно придать продвижению проектов в сербском медиaproстранстве новый импульс. Российские *Спутник* и *Russia Beyond* существуют в менее популярных форматах и имеют весьма низкую узнаваемость, но открытие российского сербскоязычного канала способно изменить ситуацию, хотя рекламный рынок Сербии весьма ограничен.

Сербские медиа называют Россию и ее народ представителями единственной большой страны, исповедующей православие и сохранившей православную культуру. Этот эндостереотип находит свое отражение в сербскохорватском экзостереотипе о русских. Учитывая, что носители сербскохорватского языка преимущественно исповедуют православие, в подавляющем большинстве сербских исследований по имиджу России отмечается, что она «защищает интересы православия» и «готова поставить авторитет и мощь своего государства для обороны единоверного народа». Этот российский эндостереотип полностью совпадает с сербским экзостереотипом о России, представляющим страну главным поставщиком газа и нефти в мире. Подтверждая данную трактовку имиджа России, сербское издание *Глас Српске* констатирует, что его главная составляющая — «абсолютное лидерство в мировой энергетике» (Милошевич, 2009, с. 61).

Отметим, что упоминание здорового тела и духа активно присутствует и в современных российских новых медиа, принадлежащих российской православной церкви и описывающих жизнь сербских героев: «Георгий рос среди густого леса на берегу реки Рачи, с малых лет привыкал он к жарко палящему солнцу, суровому холодному ветру, снегу и дождю. Отважный, мужественный, с искренней верой, зная молитву с малых лет, он рос истинным сербским витязем. За свою жизнь он осознал, что серб может и хочет идти на разные уступки, чтобы избежать насилия, то есть платить оброк и налог. Но образ Божий цены не имеет, и рабом человек может только Богу быть, и только такая жизнь называется жизнью, а когда вопрос встает о чести и образе, тогда серб безусловно выбирает смерть земную ради вечной жизни. В том духе тогда росло все поколение сербов, и Бог даровал им день освободительного восстания и великого вождя Карагеоргия» (Святитель Николай Сербский, 2020). Данные примеры сербских и российских новых

медиа отражают культурные и географические экзостереотипы как о россиянах, так и о сербах: русские и сербы не боятся холода.

Сербы часто приписывают русским такие качества, как «цивилизованность (честность, деловитость, бережливость, законопослушность, добросовестность в деле, способность к самодисциплине); активность (оптимизм, терпимость, противоположность холодности, энергичность, непокорность, общительность, безответственность); амбициозность (расчетливость, стремление управлять, тяга к известности)» (Нистратов, Тарасов, 2018, с. 229–241).

Нередко в СМИ встречаются тексты, выпадающие из данной шкалы ценностей. Они появляются как реакция на какое-то неожиданное или нехарактерное событие или действие; такие тексты могут наполнять имидж государства концептуально новыми чертами. Примером спонтанных имиджеобразующих текстов могут послужить тексты о предполагаемой резиденции В.В. Путина, встречающиеся в массмедиа в начале 2021 года: «Разрушенный миф. Что говорит о нем дворец Путина: Российский лидер — не гений-мачо, а ВЗРОСЛЫЙ». Жителей Запада всегда восхищал образ президента России Владимира Путина как мачо. Вождь, который катается без рубашки и играет в хоккей, стал мемом. Область воображения также была воспламенена идеями о его силе — он макиавеллистский лидер и блестящий стратег, всегда на шаг впереди других» (*Blic*. 05.05.2021).

Заключение

Определяя имидж государства как совокупность имиджей институтов власти, политических партий, политической оппозиции, отметим две концептуально значимые парадигмы: внутреннюю – восприятие образа страны ее гражданами и международную – восприятие образа страны другими государствами. Основной контент имиджевого арсенала могли бы составлять российские телепередачи, сериалы, фильмы, мультфильмы и музыкальные клипы с сербскими субтитрами и оригинальные программы на сербском языке (новости, интервью и ток-шоу), успешно используя опыт сербоязычного *YouTube*-канала проекта *Russia Clarified* и телеканала «*TB-Мост*».

В целом мониторинг Бюро социальных исследований (BIRODI) в период с 01.12.2020 по 31.01.2021 года, проведенный в коллаборации с Европейским союзом сербских онлайн-СМИ, подтверждает, что имидж РФ продвигался достаточно нейтрально: события освещались без эмоциональной окраски, на уровне фактов. Сербия является в некотором роде идеальной страной для продвижения имиджа Российской Федерации и культивации пророссийского общества. Русская православная церковь, Русский дом, являющиеся по сути главными организациями, наделенными ресурсами и полномочиями продвигать российскую культуру в Сербии, неполностью используют свой потенциал.

Примечательно, что, исследуя проблему продвижения имиджа России на Балканах, сербские авторы неизменно обращаются к проблеме сохране-

ния сербского языка. Зоран Милошевич (Zoran Milošević), научный советник, профессор теоретической социологии Института политических исследований из Белграда, изучающий результаты международной интеграции Сербии, отмечает, что сербский язык остался на лингвистических картах мира, несмотря на «агрессивное влияние западных языков — в первую очередь, английского... Следует учить русский, поднимая все новые лингвокультурные исторические пласты» (Милошевич, 2020).

Для формирования образа России в сербских медиа используются такие стратегии, как мифологизация, замена целей, позиционирование, эмоционализация, метафоризация, детализация и визуализация. Ряд изученных нами стратегий связан с текстовыми категориями, в большей степени — с категорией оценки — и соответственно формируют главным образом положительную, менее часто — отрицательную, в очень редких случаях — нейтральную оценку.

Примером могут служить новостные программы Сербии на рубеже 2020–2021 годов, в которых преобладает позитивное информирование о России, где в центре внимания президент РФ В.В. Путин — символ «православной непокорности перед американской гегемонией для определенных слоев сербского общества, наравне со старыми концепциями, такими как «Москва — Третий Рим» и «Россия — защитница»³, при этом отсутствует какая-либо информации о действиях российской политической оппозиции.

Социальные сети как важнейшая площадка для общения СМИ и социума формируют имидж государства на международном уровне (Карпова, Захаренко, 2019; Котлер, Асплунд, Рейн, Хайдер, 2005). Так, веб-сайт Similarweb, анализирующий трафик в сети Интернет⁴, показывает, что на первых местах по популярности в странах Балканского региона находятся видеохостинги и социальные сети. Данные сайты со своими мобильными приложениями становятся информационными платформами, на которых представлены не только отдельные личности, но и организации, а также государства.

Таким образом, в ходе исследования выявлены особенности формирования и продвижения имиджа Российской Федерации в конвергентных медиа братского сербского народа, демонстрирующего в основном положительное отношение к событиям в России. Выявлены ключевые стереотипы, присущие жителям Балкан относительно россиян. Имидж Российской Федерации на Балканах подвержен влиянию широкого спектра стратегий, все еще базирующихся в целом на положительных стереотипах, составлявших современную основу материалов сербских медиаплатформ. В большинстве публикаций сербских авторов демонстрируется в качестве главной ценности общность национально-культурного наследия русских и сербов.

³ Руд Э.А. Как вернуть Россию в Сербию? 24.06.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-vernut-rossiyu-v-serbiyu/> (дата обращения: 29.11.2021)

⁴ Официальное измерение диджитал пространства. Similarweb. URL: <https://www.similarweb.com/ru/> (дата обращения: 24.05.2021)

Библиографический список

- Быков И.А.* Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2013. 200 с.
- Волкова И.И., Аишур Х.Ю.Д.* Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации» // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 39–50. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50)
- Гавра Д.П., Савицкая А.С.* Структурная модель имиджа государства / региона // Петербургская школа PR и рекламы: от теории к практике. Вып. 4: сб. статей / отв. ред. А.Д. Кривоносов. СПб.: Роза мира, 2006. С. 24–43.
- Грабелъников А.А., Нгуен Тхи Зу.* Образ России во вьетнамских сетевых СМИ // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 114–127.
- Громова Т.Н.* Структура медиаобраза России: внешнеполитический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4(21). С. 62–67.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. Москва: Флинта, 2014. 203 с.
- Епископ Афанасий (Евтич).* Духовная жизнь сербов // Pravmir. 20.10.2009. URL: <https://www.pravmir.ru/duhovnaya-zhizn-serbov/> (дата обращения: 01.04.2021).
- Карпова С.В., Захаренко И.К.* Брендинг: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 439 с.
- Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / пер. с англ. Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.
- Красноярова О.В.* Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификация // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 45–57.
- Милошевич Б.* Современная пресса Боснии и Герцеговины о России // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 1. С. 58–62.
- Милошевич З.* Русский язык в демократической Сербии. 14 марта 2020. URL: <https://regnum.ru/news/society/2884163.html> (дата обращения: 23.06.2021).
- Музыкант В.Л., Кунич З., Марьянович Д.* Духовный стих в российско-сербской лингвокультурной традиции: стилистика речевых ресурсов // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 248–267. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-248-267>
- Най Дж.С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.
- Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф.* Психологический анализ авто- и гетеростереотипов русских // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 229–241.
- Почепцов Г.Г.* Имиджелогия. М.: СмартБук. 6-е изд., стер. 2009. 575 с.
- Святитель Николай Сербский (Велимирович).* За крест честной и свободу золотую. Бог даровал сербам вождя Карагеоргия // Вестник Свято-Пафнутьева Боровского монастыря. 2020. № 30. URL: <http://www.pafnuty-abbey.ru/publishing/6333/> (дата обращения: 21.11.2021).
- Хочунская Л.В.* Медиаобраз как инструмент ценностной и социальной идентификации // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. М.: Российский университет дружбы народов. 2016. С. 316–320.
- Экосистема медиа: цифровые модификации:* монография / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 246 с.

Bielik P., Višňovský J. Explanatory journalism — a new way how to communicate in digital era // *Media literacy and academic research*. 2021. Vol. 4. № 1. P. 24–37.

Greguš L., Kačincová Predmerská A. The foreign news and media image of the European Union in current television news production // *Communication today*. Vol. 11. 2020. № 2. P. 84–102.

Mináriková J., Blahút D. & Višňovský J. Hi-tech and eye-catching alike: information in the multiplatform era // *European journal of media, art & photography*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 118–126.

Panasenko N., Greguš L., & Zabuzhanska I. Conflict, confrontation, and war reflected in mass media: semantic wars, their victors and victims. // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. 2018. Vol. 3. № 2. P. 132–163. <https://doi.org/10.2478/lart-2018-0017>

Panasenko N., Kryachkov D. Some text categories in media communication // *Text – Sentence — Word. Studies in English Linguistics*. Vol. IV. / A. Uberman & A. Trinder (Eds.). Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020. P. 85–97.

Panasenko N., Krajčovič P. & Stashko H. Hard news revisited: a case study of various approaches to the incident at the primary school reflected in the media // *Communication today*. 2021. Vol. 12, № 1. P. 112–128.

Višňovský J., Radošinská J. Online journalism: current trends and challenges // *The evolution of media communication* / B.P. Acuña (Ed.). Rijeka: InTech, 2017. P. 3–22.

References

Bielik, P., & Višňovský, J. (2021). Explanatory Journalism — a New Way How to Communicate in Digital Era. *Media literacy and academic research*, 4(1), 24–37.

Bykov, I.A. (2013). *Network Political Communication: Theory, Practice and Research Methods*. Monograph. SPb.: SPbSUITD Publ. (In Russ.)

Dobroslonskaya, T.G. (2008). *Medialinguistics: a Systematic Approach to the Study of the Language of the Media: Modern English Media*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)

Ecosystem of media: digital modifications / Ed. S.L. Urazova. Chelyabinsk: SUSU Publ., 2021. (In Russ.)

Episkop Afanasij (Evtich). *Spiritual Life of Serbs*. Retrieved from <https://www.pravmir.ru/duxovnaya-zhizn-serbov/> (In Russ.)

Gavra, D.P., & Savitskaya, A.S. (2006). Structural Model of the Image of the State / Region. In A.D. Krivososov (Ed.), *St. Petersburg School of PR and Advertising: from Theory to Practice*. Issue 4: Collection of articles (pp. 24–43). Saint Petersburg: Rose of the World. (In Russ.)

Grabelnikov, A.A., & Nguyen Thi Ziu. (2017). The image of Russia in the Vietnamese Network Media. *Social and Humanitarian Knowledge*, (8), 114–127. (In Russ.)

Greguš, L., & Kačincová, Predmerská A. (2020). The Foreign News and Media Image of the European Union in Current Television News Production. *Communication Today*, 11(2), 84–102.

Gromova, T.N. (2016). The Structure of the Media Image of Russia: Foreign Policy Aspect. *Znak: the problem field of media education*, 4(21), 62–67. (In Russ.)

Karpova, S.V., Zakharenko, I.K. (2019). *Branding: Textbook and Workshop for Applied Bachelor's Degree*. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publ. (In Russ.)

Khochunskaya, L.V. (2016). Media image as a tool of value and social identification. In *Mass media in a multipolar world: problems and prospects*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 316–320. (In Russ.)

Kotler, Ph., Asplund, Ch., Rein, I., & Haider D. (2005). *Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and*

Nations in Europe. Translated from English. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, (In Russ.)

Krasnoyarova, O.V. (2016). New Media Platforms: Principles of Functioning and Classification. *Questions of theory and practice of journalism*, 5(1), 45–57. (In Russ.)

Milosevic, B. (2009). Modern press of Bosnia and Herzegovina about Russia. *Bulletin of the Cherepovets State University*, (1), 58–62. (In Russ.)

Milosevic, Z. (2020). *Russian in Democratic Serbia*. Retrieved from <https://regnum.ru/news/society/2884163.html>

Mináriková, J., Blahút, D., & Višňovský, J. (2020). Hi-tech and Eye-catching Alike: Information in the Multiplatform Era. *European Journal of Media, Art & Photography*, 8(2), 118–126.

Muzykant, V.L., Kunich, Z., & Maryanovich D. (2021). Spiritual Verse in the Russian-Serbian Linguacultural Tradition: Stylistics of Speech Resources. *Bulletin of Slavic Cultures*, (59), 248–267. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-248-267>

Nistratov, A.A., & Tarasov, E.F. (2018). Psychological Analysis of Auto- and Heterostereotypes of Russians. *Man: Image and essence. Humanitarian aspects*, 1–2(32–33), 229–241.

Nye, J.S. (2006). *Flexible Power: How to Succeed in World Politics*. Novosibirsk; Moscow: Foundation for Socio-Prognostic Research «Trends». (In Russ.)

Panasenko, N., Greguš, L. & Zabuzhanska, I. (2018). Conflict, Confrontation, and War Reflected in Mass Media: Semantic Wars, Their Victors and Victims. *Lege artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow*, 3(2), 132–163. <https://doi.org/10.2478/lart-2018-0017>

Panasenko, N., & Kryachkov, D. (2020). Some Text Categories in Media Communication. In A. Uberman & A. Trinder (Eds.), *Text — Sentence — Word. Studies in English Linguistics* (Vol. IV, pp. 85–97). Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.

Panasenko, N., Krajčovič, P. & Stashko, H. (2021). Hard News Revisited: a Case Study of Various Approaches to the Incident at the Primary School Reflected in the Media. *Communication Today*, 12(1), 112–128.

Pocheptsov, G.G. (2001). *Imageology*. M.: Refl-book Wackler. 2nd ed., corrected and supplemented. (In Russ.)

Svjatitel' Nikolaj Serbskij (Velimirovich). (2020). For the honest cross and golden freedom. God bestowed on the Serbs the leader Karageorgiya. *Bulletin of St. Paphnutius of Borovsk Monastery*, (30). Retrieved from <http://www.pafnuty-abbey.ru/publishing/6333/> (In Russ.)

Višňovský, J., & Radošinská, J. (2017). Online Journalism: Current Trends and Challenges. In Acuña B.P. (Ed.), *The Evolution of Media Communication* (pp. 3–22). Rijeka: InTech Publ.

Volkova, I.I., & Ashur, Kh.Yu.D. (2021). The Media Image of Jordan in the Internet Media of the Runet: Features of “Non-personalization”. *Theoretical and practical issues of journalism*, 10(1), 39–50. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50)

Сведения об авторах:

Кунич Звездан, аспирант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов. ORCID: 0000-0003-0582-5450; e-mail: zvvezdan@mail.ru

Музыкант Валерий Леонидович, доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов. ORCID: 0000-0001-9422-351X; e-mail: vmouzyka@mail.ru

Панасенко Наталия, доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации факультета массмедиаальной коммуникации Университета Свв. Кирилла

и Мефодия в Трнаве. ORCID: 0000-0003-4377-9088; Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56026113100>; ResearcherId: <https://publons.com/researcher/3759808/nataliya-panasenko>; e-mail: lartispanasenko@gmail.com

Bio notes:

Zvezdan Kunich, post-graduate, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0000-0003-0582-5450; e-mail: zvvezdan@mail.ru

Valerii L. Muzykant, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Mass Communication Department, Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0000-0001-9422-351X; e-mail: vmouzyka@mail.ru

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Chair of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava. ORCID: 0000-0003-4377-9088; Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56026113100>; ResearcherId: <https://publons.com/researcher/3759808/nataliya-panasenko>; e-mail: lartispanasenko@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-189-199

УДК 070

Научная статья / Research article

Процесс адаптации контента интернет-газеты *Lenta.ru* к пространству социальных сетей

А.А. Грабельников¹, Чжеюань Е²

¹ *Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2*

² *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, Моховая ул., 9, стр. 1*

 grab@mail.ru

Аннотация. В настоящее время интернет-газеты, деятельность которых соответствует журналистским стандартам, вынуждены достаточно быстро адаптироваться к стремительно развивающейся цифровой среде. Это, прежде всего, связано с переходом большей части читательской аудитории в пространство социальных сетей и мессенджеров, выступающих сегодня в роли поставщиков новостей. В сложившейся ситуации редакциям СМИ приходится осваивать новые, непривычные для них стратегии и технологии подачи новостного контента. Целью исследования является выявление особенностей процесса адаптации коммуникационной структуры средства массовой информации к пространству социальных сетей и мессенджеров в изменяющейся информационной среде на примере интернет-газеты *Lenta.ru*. В статье приводится характеристика социальной сети и мессенджера в качестве площадок для деятельности сетевого издания. Исследуются способы подачи материала и стратегии, используемые редакцией на указанных интернет-ресурсах с учетом процесса слияния журналистики и маркетинга, характерного для осуществления деятельности СМИ в социальных сетях.

Ключевые слова: средства массовой информации, социальная сеть, мессенджер, медиаконтент, продвижение в социальных сетях, маркетинг

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 29 июня 2021 г.; откорректирована — 25 августа 2021 г.; принята к публикации — 10 сентября 2021 г.

Для цитирования: *Грабельников А.А., Е Чжеюань.* Процесс адаптации контента интернет-газеты *Lenta.ru* к пространству социальных сетей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 189–199. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-189-199>

The Process of Adapting Content of the Online Newspaper *Lenta.ru* Towards the Social Media Space

Alexander A. Grabelnikov¹ , Zheyuan Ye²

¹ Peoples Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation;

² Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

 grab@mail.ru

Abstract. Currently, online newspapers whose activities meet journalistic standards are forced to adapt quite quickly to the rapidly developing digital environment. This is primarily due to the transition of the majority of the readership to the space of social networks and messengers, acting today as “news providers”. In the current situation, media editors have to master new, unusual strategies and technologies for presenting news content. The purpose of the study is to identify the features of the process of transformation of the communication structure of the mass media to the space of social networks and messengers in a changing information environment, using the example of an online newspaper *Lenta.ru*. This article describes the characteristics of a social network and messenger as platforms for the activities of the online publication. The article examines the ways of presenting the material and the strategies used by the editorial staff on these Internet resources, taking into account the process of merging journalism and marketing, which is characteristic of the media activities in social networks.

Keywords: mass media, social network, messenger, media content, promotion in social networks, marketing

Article history: submitted: June 29, 2021; revised: August 25, 2021; accepted: September 10, 2021.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Grabelnikov, A.A. & Ye, Zheyuan. (2022). The process of adapting content of the online newspaper *Lenta.ru* towards the social media space. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 189–199. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-189-199>

Введение

Задачей данного исследования является выявление актуальных черт процесса адаптации новостного контента средства массовой информации к современным социальным сетям и месседжерам. Научный интерес обусловлен тем фактом, что интернет-платформы динамично трансформируются и развиваются, расширяя спектр возможностей для деятельности изданий. Развитие цифровых технологий, социальных сетей и мессенджеров, их влияние на СМИ и распространение медиаконтента системно изучаются российскими учеными (Вартанова, 2018; Щепилова, 2014; Дмитриев, 2020; Амзин, 2013;

Круглова, Болотова, 2020; Волкова, Будовская, 2012). Зарубежные исследователи также уделяют особое внимание указанной проблематике (Kosonen & Ellonen, 2010; Van der Naak, Parks & Castells, 2012; Megele & Buzzi, 2020). Активно данная тема освещается в научных журналах *Humanities & Social Sciences Communications* (Великобритания), *International Journal of Communication* (США), *Knowledge Management Research & Practice* (Великобритания) и других изданиях.

Читательская аудитория социальных сетей постоянно растет за счет того, что информацию оттуда получать значительно проще, нежели из печатной версии газеты, с ее сайта или порталов информационных агентств. Площадки соцсетей изначально предлагают определенные формы для подачи материала и позволяют публиковать контент тезисно с добавлением визуального/аудиовизуального ряда. Подобный формат является привлекательным для аудитории благодаря простоте подачи и высокой скорости получения и распространения новостей. По данным аналитики (начало 2021 г.), количество пользователей социальных сетей в России составляет 99 млн человек (Сергеева, 2021, с. 3). В связи с этим социальные сети стали рассматриваться СМИ как площадки для осуществления их деятельности и продвижения в интернет-пространстве. С.Л. Уразова отмечает: «Основой целеполагания деятельности СМИ, все чаще именуемых средствами массовой коммуникации (СМК) и массмедиа, становится научение рефлексивному мышлению представителей разных социальных слоев, групп, субкультур, привитие навыка критически оценивать информацию, чтобы человек мог скорректировать свои ментальные и мировоззренческие представления о содержательности цифровой эпохи» (Уразова, 2019, с. 479).

Сегодня социальные сети являются лидером по общему количеству пользователей онлайн-ресурсов, к тому же здесь происходит группировка людей по признакам аудитории (пол, возраст, семейное положение, место проживания, интересы, социальный статус и т.д.), что позволяет СМИ из общей массы пользователей той или иной соцсети выбирать именно свою аудиторию.

Перед конвергентными СМИ сегодня стоит ряд задач по адаптации контента на каждой из платформ социальной сети или мессенджера, где присутствует издание, в соответствии с их правилами, маркетинговыми стратегиями продвижения и трендами, появляющимися в обществе. Все эти задачи требуют решения с целью повышения уровня доверия читателя к газете и формированию лояльной аудитории. При этом редакциям также необходимо учитывать сокращение дистанции до читателей, особенности выстраивания коммуникации, чтобы, с одной стороны, расположить к себе, а с другой — не превратиться из официального средства массовой информации в субъективный блог.

Однако зачастую интернет-издания не исследуют в достаточной степени специфику работы в социальных сетях, психологию пользователей, действенные способы продвижения, что приводит к неэффективности процесса

адаптации. В этой связи представляется важным изучение и оценка алгоритма адаптации контента издания к пространству социальной сети на примере конкретного издания. Как отмечает исследователь О.А. Дмитриев: «Социальные сети являются самой простой и эффективной моделью публикации новостной информации: пользователь может размещать сообщение в любом формате и объеме как у себя на странице, так и на ресурсах других участников» (Дмитриев, 2020, с. 568).

Методы и материалы исследования

Исследование выстраивалось на основе ситуативного анализа. Нами были рассмотрены эмпирические материалы, касающиеся конкретного события — запуска ракеты *Falcon 9* (май 2019 года). Запуск примечателен тем, что имел частный характер, — проект был реализован известным изобретателем и бизнесменом Илоном Маском.

Были изучены материалы, касающиеся этой темы, опубликованные на платформе сетевого издания *Lenta.ru* (электронная периодическая интернет-газета). Также были рассмотрены соответствующие заметки, представленные *Lenta.ru* на своих аккаунтах в социальной сети Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) и мессенджере Telegram. Выбор эмпирического материала был обусловлен тем, что правила подачи контента на представленных интернет-ресурсах различны, но имеют при этом схожие черты. Отметим также, что тематика материалов также не случайна: издание *Lenta.ru* довольно часто публикует новости, связанные с деятельностью Илона Маска в рубрике «Наука и техника».

Результаты

На официальном сайте газеты была опубликована новостная заметка под заголовком «США впервые за девять лет отправили людей на МКС» (30 мая 2020 года). Внутри текста есть три гиперссылки на предшествующие материалы, тематически связанные с событием: два на *Lenta.ru* и один на сайте *Space Exploration Technologies Corporation* (SpaceX — американская компания, основанная Илоном Маском). Заметку иллюстрирует выразительная цветная фотография со ссылкой на SpaceX. Материал можно прослушать (функция аудиовоспроизведения). К ноябрю 2021 года аудиторией было сделано 11 перепостов в соцсеть «ВКонтакте» и 19 — в «Одноклассники».

В этот же день на Telegram-канале газеты (он называется «Лента дня») появилось несколько коротких постов, посвященных данному событию, два из них сопровождалось фотографиями, а пост «Начинаем прямую трансляцию второй попытки запустить Crew Dragon 2» содержал гиперссылку на текст, расположенный на официальном сайте. Сообщения, посвященные данному событию, были просмотрены читателями «Ленты дня» 81,7 тыс.

раз, среднее количество просмотров составило 11,1 тыс. При общем количестве подписчиков канала — 53 275 человек (в ноябре 2021 года — 67 369).

Обнаружено, что новостной контент был адаптирован для канала, однако его трансформация и итоговый вид более подходят социальной сети Twitter: короткие сообщения в 1–2 предложения, отсутствие заголовка, обезличенность. Кроме того, на канале тогда еще не было технической возможности (появилась в сентябре 2020 года) комментирования новостей читателями, что, по сути, сохранило традиционную для газет одностороннюю коммуникацию.

Что касается аккаунта *Lenta.ru* в социальной сети Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена), там были размещены лишь две публикации, посвященные этому событию. Текстовая часть в обоих постах составила один абзац текста без заголовка. Причем, если первый пост сопровождался совместным фото Илона Маска с астронавтами и был в русле указанной проблематики, то второй носил, скорее, развлекательный и саркастический характер. Для иллюстрации был использован фотоколлаж другого пользователя сети — сверху изображается взлетающая ракета, а снизу пожары и беспорядки в Миннеаполисе. Instagram-аккаунт (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) не соответствует качественному общественно-политическому изданию: нет единого стиля в оформлении визуального материала, используются некачественные иллюстрации, изображающие пострадавших от насилия людей (в крови, во время избиения и т.д.), отсутствуют заголовки, а если они есть, то ориентированы на негативные эмоции, страх или низменные потребности. Такие способы обратить внимание аудитории ведут лишь к отторжению и неприятию публикаций у образованного сегмента аудитории.

Теоретическое осмысление результатов

Современные издания стремятся оптимально использовать возможности, которые предоставляет Интернет в пространстве соцсетей. Для этого, как правило, средствами массовой информации практикуется присутствие на всех популярных онлайн-платформах, что позволяет совершить охват максимально широкой аудитории. Однако в данном подходе закрадывается ошибка с точки зрения маркетинговых стратегий продвижения, согласно которым все усилия и внимание следует направлять именно на целевую аудиторию, поскольку только она даст наибольший отклик. С началом освоения изданием социальных сетей его облик неуклонно трансформируется, что связано со спецификой этих онлайн-ресурсов, чья изначальная задача заключалась в выстраивании коммуникации между пользователями. Исследователь Е. Панченко отмечает: «Возникает феномен социальной журналистики: все большее участие в процессе производства новостей принимают читатели, получая возможность влиять на содержание повестки дня, распростра-

няя новости по каналам межличностной коммуникации в социальных сетях» (Панченко, 2011, с. 87). То есть происходит процесс медиаконвергенции, формируется новая медиасистема, в которой выстраиваются непривычные для традиционных изданий способы коммуникации.

Говоря о целях, которые преследуют СМИ, проводя адаптацию новостного контента к социальным сетям, О.В. Дьяченко подчеркивает «перенаправление пользователей непосредственно на сайт <...> промотирование в пространстве социальной сети, вовлечение пользователей в интерактивное общение <...> Особенно важным является то, что эти цели реализуются одновременно, в совокупности друг с другом, и достижение одной из них невозможно без достижения второй. Стремление СМИ не только увеличить посещаемость своих сайтов, но и использовать эти ресурсы для формирования сообщества лояльной аудитории, продвижения брендов собственных изданий очень показательно. Оно говорит о том, что в сайтах социальных сетей сегодняшние журналисты видят средство, которое поможет поддержать издание, донести свой голос до читателей и сохранить свою значимость в мире, где информацию все чаще собирают, обрабатывают и распространяют при помощи программного обеспечения или силами представителей гражданской журналистики» (Дьяченко, 2014).

Важные отличительные черты СМИ – актуальность, регулярность, упорядоченность и достоверность информации, в отличие от блогов, которые «как источник информации отличаются внезапностью, бесконтрольностью и отсутствием требований к достоверности материалов. В блогах нет установок относительно объема, содержания, качества, источников информации» (Панюшева, 2010, с. 112). Однако при этом следует учитывать, что подача материала в социальной сети должна иметь более субъективный характер, в котором присутствуют эмоции. Другими словами, журналисту, которому предстоит адаптировать контент для соцсети, необходимо использовать такую подачу (слова, выражения, построение обращения к читателю и т.д.), которая будет пересекаться с мыслями и чувствами целевой аудитории.

Еще один аспект адаптации связан с тем, что в социальных сетях работает правило уменьшения текста в пользу увеличения визуального ряда. Это позволяет привлечь внимание большего количества читателей (Некляев, 2010, с. 58–59). Отметим также, что довольно часто как традиционные СМИ, так и блоги используют один и тот же контент в своих сообществах на разных платформах соцсетей. Но подобный подход ошибочен, поскольку не учитывает особенностей конкретной платформы и специфики аудитории. Необходимо адаптировать контент под каждую социальную сеть и мессенджер отдельно.

Одна из целей, ради которой СМИ выстраивают двустороннюю коммуникацию с аудиторией посредством социальных сетей, заключается в предоставлении читателям возможности обсудить общественно значимые проблемы, события или явления, то есть развитие гражданской журналистики, когда издание предоставляет какой-то факт, поднимает проблему, а ее чита-

тели, осмыслив представленную информацию, добавив свое мнение или дополнительные данные, распространяют информацию уже самостоятельно. Однако «развитие гражданской журналистики нужно начинать с восстановления культурного уровня народа, обучения его правилам дискуссии и хорошим манерам» (Грабельников, 2011, с. 26), при этом важна экология коммуникаций в экранном пространстве (Лазутова, Волкова, 2017). Сегодня материалы читателей СМИ зачастую не выдерживают критики. «С помощью новых технологий аудитория получила возможность наравне с профессиональными журналистами оказывать определенное воздействие на общественное сознание, влиять на общественное мнение. Это способствует развитию гражданской активности населения, построению гражданского общества. Разрушая монополизм традиционных СМИ на освещение и трактовку тех или иных явлений, аудитория как субъект журналистики заставляет массмедиа искать новые пути к сохранению и укреплению своих позиций в обществе, повышать конкурентоспособность и качество своей информационной продукции. Можно сказать, что принцип народности получил с помощью интернет-технологий второе дыхание» (Грабельников, Савенков, 2018, с. 49).

Характеристика социальной сети Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) и мессенджера Telegram как пространства для СМИ

Социальная сеть Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) создавалась как платформа для публикации фото- и видеоконтента с коротким текстовым комментарием. Количество активных пользователей сети в России в 2020 году составило около 43 млн человек (Сергеева, 2021, с. 4). В основном сеть используется в качестве мобильного приложения для смартфонов, однако существует интернет-версия сайта Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена), хотя его функционал несколько ограничен, по сравнению с приложением. Первоначальную аудиторию этой социальной сети составила молодежь, которая занималась размещением фотографий и коротких видео о себе и своей жизни. Постепенно, с ростом количества пользователей, начал появляться более качественный текстовый контент. В Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) стали открываться странички газет и журналов, причем издания сначала практически не адаптировали подаваемый материал. Следствием этого стала низкая активность аудитории, так как не были учтены особенности и принципы подачи информации (заголовки, привлекающие внимание, короткие предложения, буллиты в тексте и т.д.). Тексты с официальных сайтов требовали серьезной переработки, необходимо было учитывать технические и маркетинговые особенности сети: грамотное создание сообщества в фирменном стиле издания, использование читабельного логотипа, хештегов, продуманное описание и т.д.

Telegram является кроссплатформенным мессенджером, позволяющим производить обмен сообщениями разного формата: текст, аудио, фото, видео. Данная платформа работает в качестве мобильного приложения для смартфона, а также может быть установлена на стационарный компьютер или ноутбук. Для СМИ Telegram интересен прежде всего тем, что позволяет создавать так называемые «каналы», функционирующие по аналогии с сообществами в социальных сетях. Telegram удобен в использовании, поскольку не имеет технических жестких ограничений по адаптации контента, хотя ведение и успешное развитие канала также подчиняется общим правилам маркетинговых стратегий продвижения. Одним из преимуществ Telegram является то, что новостную ленту канала невозможно читать, пока не подпишешься на сам канал. Это значительно упрощает исследование и анализ аудитории.

Заключение

Адаптация новостного контента СМИ в социальных сетях представляет собой достаточно сложный и трудоемкий процесс, требующий не только технических знаний, но и понимания маркетинговых стратегий продвижения в цифровой медиасреде (Волкова, Гужвий, 2017; Грабельников, 2013), а также навыков создания качественного и интересного материала, который способен вызвать отклик у конкретной целевой аудитории. СМИ, совершая переориентацию на социальные сети и мессенджеры, часто допускают типичные ошибки, характерные также для блогеров, не учитывают специфику ни аудитории и работы с ней, ни самих платформ, на которых размещается материал.

Изучая освещение новостей в социальных сетях интернет-газеты *Lenta.ru* (на конкретном эмпирическом материале), мы смогли проанализировать процесс адаптации новостного контента издания для медиaprостранства. На Telegram-канале «Лента дня» редакция сумела качественно трансформировать контент. При этом аккаунт издания в Instagram (деятельность на территории Российской Федерации запрещена), освещающая то же событие, отошел от стандартов общественно-политического СМИ.

Библиографический список

Амзин А.А. О переоценке важности новых форматов в российских онлайн-медиа // Новые медиа в гуманитарном образовании: сб. статей к научно-практической конференции / ред. М. Корнев. М.: РГГУ, 2013. С. 9–12.

Вартанова Е.Л. Об основных понятиях «поля цифровых медиа» в российских исследованиях СМИ // МедиаАльманах. 2018. № 2. С. 8–16.

Волкова И.И., Будовская Ю.В. Распространение медиаконтента в социальных медиа и социальных сетях: теория игр против виральности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5. С. 69–74.

Волкова И.И., Гужвий Д.А. Интегративный подход к измерению эффективности контента новых медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 532–543. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-532-543>

Грабельников А.А. Народная журналистика и социальные сети // Вестник Университета Российской академии образования. Филология и журналистика. 2011. № 1. С. 21–26.

Грабельников А.А. Особенности конвергентной журналистики // Вестник Университета Российской академии образования. 2013, № 3. С. 79–83.

Грабельников А.А., Савенков В.Д. Аудитория как субъект гражданской журналистики // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 41–55.

Дмитриев О.А. Классификация альтернативных медиа // Российский университет дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 567–575. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-567-575>

Дьяченко О.В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook (деятельность на территории Российской Федерации запрещена) и в «ВКонтакте»: практики взаимодействия // Электронный журнал «Медиаскоп». URL: <http://www.mediascope.ru/1615> (дата обращения: 26.05.2021).

Круглова Л.А., Болотова Е.А. Контент радиостанций Business FM, «Вести FM» и «Коммерсантъ FM» в социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2020. № 3. С. 56–78. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2020.5678>

Лазутова Н.М., Волкова И.И. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111.

Некляев С.Э. Инфографика: принципы визуальной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 53–65.

Панченко Е. Интеграция Интернет-СМИ и социальных сетей в Рунете: Новая публичная сфера или пространство контроля? // Цифровые символы: Исследования в российских, евразийских и центральноевропейских новых медиа. 2011. № 5. С. 87–88.

Панюшева М.М. Блогосфера: традиционные СМИ vs нетрадиционные // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 106–122.

Сергеева Ю. Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (дата обращения: 28.10.2021).

Уразова С.Л. Экосистема медиа в проекции технологических инноваций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 477–485. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-477-485>

Щепилова Г.Г. Потребность аудитории в интернете и традиционных СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2014. № 5. С. 45–54.

Kosonen M., Ellonen H.-K. From ivory towers to online bazaars? The internet, social media and competing discourses in the newspaper industry // Knowledge Management Research & Practice. 2010. № 8 (2). С.135–145. <https://doi.org/10.1057/kmrp.2009.37>

Megele C., Buzzi P. Social Media and Social Work: Implications and Opportunities for Practice. Bristol, Policy Press, 2020. 236 p.

Van der Haak B., Parks M., Castells M. The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age // International Journal of Communication. 2012. № 6. P. 2923–2938.

References

Amzin, A.A. (2013). On the reassessment of the importance of new formats in Russian online media. *New media in humanitarian education. Sat. articles for the scientific-practical conference* (pp. 9–12). Moscow: RSUH. (In Russ.)

- Grabelnikov, A.A. (2013). Features of convergent journalism. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. Philology and Journalism*, (3), 79–83. (In Russ.)
- Grabelnikov, A.A. (2011). People's journalism and social networks. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. Philology and Journalism*, (1), 21–26. (In Russ.)
- Grabelnikov, A.A., & Savenkov V.D. (2018). Audience as a subject of civic journalism. *Journal of Social and Humanitarian Knowledge*, (8), 41–55. (In Russ.)
- Dmitriev, O.A. (2020). Classification of alternative media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(3), 567–575. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-567-575>
- Dyachenko, O.V. (2014). Russian mass media in social networks Facebook (Activities on the territory of the Russian Federation are prohibited) and VKontakte: interaction practices. *Mediascope*, (4). Retrieved from <http://www.media-scope.ru/> 1615 (In Russ.)
- Kosonen, M., & Ellonen, H.-K. (2010). From ivory towers to online bazaars? The internet, social media and competing discourses in the newspaper industry. *Knowledge Management Research & Practice*, 8(2), 135–145. <https://doi.org/10.1057/kmmp.2009.37>
- Kruglova, L.A., & Bolotova, E.A. (2020). Content of radio stations Business FM, Vesti FM and Kommersant FM in social media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (3), 56–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2020.5678>
- Lazutova, N.M., & Volkova, I.I. (2017). Screen media and human ecology: from enchantment to attachment. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(212), 106–111. (In Russ.)
- Megele, C., & Buzzi, P. (2020). *Social Media and Social Work: Implications and Opportunities for Practice*. Bristol: Policy Press.
- Nekliev, S.E. (2010). Infographics: principles of visual journalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (4), 53–65. (In Russ.)
- Panchenko, E. (2011). Integration of Internet media and social networks in Runet: A new public sphere or a space of control? *Digital Symbols: Research in Russian, Eurasian and Central European New Media*, (5), 87–88. (In Russ.)
- Panyusheva, M.M. (2010). Blogosphere: traditional media vs non-traditional. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (4), 106–122. (In Russ.)
- Sergeeva, Y. Internet and social networks in Russia in 2021 — all statistics. Retrieved October 28, 2021, from: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/> (In Russ.)
- Shchepilova, G.G. (2014). Demand of the audience in the Internet and traditional media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (5), 45–54. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (2019). The media ecosystem in the projection of technological innovations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 477–485. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-477-485>
- Van der Haak, B., Parks, M., & Castells, M. (2012). The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age. *International Journal of Communication*, (6), 2923–2938.
- Vartanova, E.L. (2018). On the basic concepts of the «field of digital media» in Russian media research. *Media Almanach*, (2), 8–16. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Budovskaya, Yu.V. (2012). Distribution of media content in social media and social networks: game theory against virality. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, (5), 69–74. (In Russ.)
- Volkova, I.I., & Guzhviy, D.A. (2017). An integrative approach to measuring the effectiveness of new media content. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22(3), 532–543. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-532-543>

Сведения об авторах:

Грабельников Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0003-1415-824X; e-mail: grab@mail.ru

Е Чжеюань, аспирант кафедры новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: gm_shengye@qq.com

Bio notes:

Alexander A. Grabelnikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-1415-824X>; e-mail: grab@mail.ru

Zheyuan Ye, graduate student, Department of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism, Moscow State University; e-mail: gm_shengye@qq.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-200-208

UDC 0.70

Research article / Научная статья

News Media Trust and Sources of Political Information in West Africa: Mainstream vs. New Media in Ghana and Nigeria

Jamiu M. Mustapha¹, Marina G. Shilina^{2,3},
Obiri S. Agyei¹, Carbukie R. Ocansey⁴

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bld 2, Moscow, 117198, Russian Federation

² Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Ln, Moscow, 115093, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

⁴ University for Professional Studies, Accra (UPSA),
New Rd, Madina, Ghana

 mustafa-md@rudn.ru

Abstract. Like many other developed democracies, most democratic countries in West Africa are facing challenges of trust in news media for political information, particularly with the emergence of the non-mainstream media — new social media. Previous research revealed that alternative news media trust is correlated with lower levels of trust in news in Africa and that the presence of private media have failed to offer alternative sources to government media. This paper for the first time seeks to investigate reasons for the increase in distrust in news media among the mainstream and non-mainstream media in West African Ghana and Nigeria, which is the main source for political information in the region. We conducted the study through online surveys for the audience of news media in Ghana and Nigeria who are interested in political news and are frequent users of both mainstream media and new social media for political information. We found out that even though people in these two countries use social media as an alternative source of obtaining political information, yet, they largely still trust mainstream media news for political information rather than social media.

Keywords: political information, news trust, West African media, mainstream media, new social media, uses and gratification theory

Conflicts of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: September 24, 2021; revised: October 19, 2021; accepted: November 21, 2021.

For citation: Mustapha, M.J., Shilina, M.G., Agyei, S.O., & Ocansey, R.C. (2022). News Media trust and sources of political information in West Africa: Mainstream vs. New Media in Ghana and Nigeria. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 200–208. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-200-208>

Доверие к новостным СМИ как источникам политической информации в Западной Африке: признанные vs. новые медиа в Гане и Нигерии

М.Д. Мустафа¹✉, М.Г. Шилина^{2,3}id, С.О. Агьеи¹id, Р.К. Оканси⁴id

¹ *Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 10, корп. 2*

² *Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный переулок, 36*

³ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9*

⁴ *Университет профессиональных исследований, Аккра (UPSA), Гана, Мадина, New Rd*

✉ mustafa-md@rudn.ru

Аннотация. Как и многие развитые демократии, большинство демократических стран Западной Африки сталкиваются с проблемами доверия к средствам массовой информации как источникам политической информации, особенно с появлением новых социальных медиа. Проведившиеся ранее исследования показали, что доверие к альтернативным средствам массовой информации коррелирует с более низким уровнем доверия к новостям в Африке и что частные медиа не являются альтернативой государственным СМИ. В данной статье впервые делается попытка исследовать причины роста недоверия к официальным и новым медиа в Западной Африке, Гане и Нигерии, как основным источникам политической информации в регионе. Метод исследования: онлайн-опрос аудитории средств массовой информации в Нигерии и Гане, которая интересуется политическими новостями и использует как официальные, так и новые медиа для получения политической информации. Результаты исследования показали, что хотя респонденты в Гане и Нигерии используют новые медиа в качестве альтернативного источника получения политической информации, однако в целом доверяют политическим новостям не в социальных сетях, а в официальных СМИ.

Ключевые слова: политическая информация, доверие к новостям, западноафриканские СМИ, официальные СМИ, новые социальные медиа, теория использования и удовлетворения

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 24 сентября 2021 г.; откорректирована — 19 октября 2021 г.; принята к публикации — 21 ноября 2021 г.

Для цитирования: *Mustapha M.J., Shilina M.G., Agyei S.O., Ocansey R.C.* News Media trust and sources of political information in West Africa: Mainstream vs. New Media in Ghana and Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 200–208. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-200-208>

Introduction

Like many other democratic societies, most democratic countries in West Africa also face challenges of trust in news media for sources of information, particularly mainstream media with the emergence of non-mainstream, new social media for political information. While previous research revealed that alternative news trust is correlated with lower levels of trust in the mainstream (Moehler & Singh, 2011), yet the presence of private media in Africa does not equate to alternative sources to government media. What about the emergence of new media as an alternative for source of political information, since there is no firm trust in the two mainstream media — government and private? Even with the opportunity of alternatives which tend to give citizens choice and are supposed to be a solution to their less trust in existing media, this alternative also seems not to be performing to their expectation, in fact, less than the expectation of government media.

Results from research conducted by Moehler and Singh (Moehler & Singh, 2011) in sixteen countries in Africa, showed that “there is considerable variation across countries in the degree to which citizens think their private media sources are less credible than public sources.” This has led to an increase in distrust in institutions, low interest in political participation, and the new case on online misinformation and disinformation during elections, which continues to contribute to unrest and political chaos in the region, posing a great threat to sustainable democracy and trust in institutions is strongly linked to a meaningful practice of democracy (Kalogeropoulos, Suiter, Udris & Eisenegger, 2019).

Although there have been numerous research on news trust and sources of political information, it is equally important to note that the emergence of new media and the uncertainties surrounding technologies have made it imperative to explore whether people trust the new media as a source of news. The level of mistrust nowadays seems to be much higher than before which calls for special attention to the investigation as to what are the causes and in what best ways can it be mitigated. In Western democracies, for instance, it is believed that trust in the news continues to decline and the role of journalism keeps on changing day by day and particularly, research on media trust is being revisited (Kalogeropoulos, Suiter, Udris & Eisenegger, 2019; Ardèvol-Abreu & Gil De Zúñiga, 2017).

There is a low level of research conducted in this area in the context of Africa because there are not enough research institutes in the region and these methods in which data are being gathered cannot be compared to other developed countries in the West (Newman, Fletcher, Kalogeropoulos & Nielsen, 2019); an online survey may not be adequate to gather data in Africa due to limited usage of technologies,

etc. There is no research on the topic of West African media, Ghanaian and Nigerian in particular.

Ghana and Nigeria were chosen because both countries share similar commonalities in their governmental system and are formerly British colonies, thus adopting English as their official language; both countries have similar level on democracy development.

This is the very first research on the problem of trust in political news media, both mainstream and new social. The paper is structured by exploring the problem of trust in news media and its connection with the emergence of new media and media pluralism in Ghana and Nigeria.

RQ1: What are the main characteristics of mainstream and new media as sources of political information in Ghana and Nigeria?

RQ2: What are the parameters of trust in the case of mainstream and new media as sources of political information there?

In answering these research questions, the following are the hypotheses tested through our survey: H1 — the emergence of non-mainstream media is correlated to distrust mainstream media in Ghana and Nigeria, H2 – the political and commercial interference (not independent) in the mainstream media is negatively associated with distrust in mainstream media, H3 – using mainstream or new media as the main source of political information will impact the audience trust.

The study employed the quantitative method grounded on uses and gratification theory and concepts of news trust and choice of media. We questioned people in Ghana and Nigeria (n = 200, 2021), whether peoples' trust in the usage of mainstream media has shifted to online media despite of some limitation problems of research in Africa (Rice, Winter, Doherty & Milner, 2017; Andrade, 2020).

THEORETICAL FRAMEWORK

Media trust in the digital era and Uses and Gratification theory

While scholars have defined trust in several ways, others believe that the term “trust” is too vague (Otto & Köhler, 2018). Trust is an element of public engagement (Williams, 2012), said to be a belief in a thing or a person (Otto & Köhler, 2018) with an expectation to serve a certain outcome or to serve a need (Park, Fisher, Flew & Dulleck, 2020).

In today's digitalized world, trust has become a significant element of everyday life: Trust in institutions, media, businesses, family, and every area of life. For a very long time, trust and truth have been a strong element of journalistic practice in liberal democracies (Heinecke, 2019; Park, Fisher, Flew & Dulleck, 2020). However, public trust in the media has declined in recent years (Sterrett, Malato, Benz, Kantor, Tompson, Rosenstiel & Loker, 2019). This trust is the key target of the populist politician agenda nowadays to continue attacking just to divert the trust of people to themselves (Kalogeropoulos, Suiter, Udris &

Eisenegger, 2019; Ardèvol-Abreu & Gil De Zúñiga, 2017). Pingree, R.J. et al. noted that media criticism or gatekeeping criticism is one of the many factors that contribute to a decrease or increase in news media trust and choice for political information (Pingree, Quenette, Tchernev & Dickinson, 2013). A study also cited bridges in ethics and rules in journalism practice among the reasons for continued mistrust since media trust is perceived to be correlated to the credibility and trustworthiness of mass media (Pingree, Quenette, Tchernev & Dickinson, 2013). More so, in less than two decades, trust in news media has experienced a series of changes before and after the internet while digitalization gives room to alternative sources of information (Heinecke, 2019).

Uses and gratification theory suggests that individuals seek out media content to satisfy personal objectives and that they are aware of their motivations for media use (Kim, Jones-Jang & Kenski, 2020) and successfully fulfil them in playing a crucial part in the choice of today's audience trust in news media. People do not follow media just for news again, they follow media for choices like changing channels on TV or radio for particular programs that suit their needs or serve their interests. Thus, some people choose a particular media for politics, entertainment, education, or information. The new media is increasingly used to access political information.

The use of alternative media in this paper refers to the audiences' choice of choosing one particular media over another to serve an intended purpose. Evidence shows that the emergence of non-mainstream media and media pluralism is not the beginning of the rise of trust in news media in Africa, rather it has been in the system from the inception of media in the region (Moehler & Singh, 2011). Moehler and Singh stressed that the case of choice in the media could be related to the era of the authoritarian government versus people's trust. The authors argued that the only media available for people to acquire information was through the government media; the content was censored and journalists had little say in the information being churned out of the government media.

In the research (Moehler & Singh, 2011) in sixteen African countries, only five countries seem to trust private media more than the government. One could argue that people tend to trust media houses that follow these three trust models which most private media in Africa are failing to offer: informing, controlling, and providing a platform for debate (Kalogeropoulos, Suiter, Udris & Eisenegger, 2019). However, after the emergence of private media, people tend to be more comfortable with the government's media more than the private and tend to trust government-owned media than private ones, while in a less democratic society, citizens trust private-owned media more than the governmental (Tsfati & Ariely, 2014).

Methodology

Our study used the quantitative approach which provides a means for testing objective theories by examining the relationship among variables (Creswell,

2014). We synthesised the uses and gratification theory with existing literature on news trust and choice of media (Kalogeropoulos, Suiter, Udris & Eisenegger, 2019; Newman, Fletcher, Kalogeropoulos & Nielsen, 2019).

We used an online survey which is defined as a tool that allows the researchers to distribute and obtain information quickly, easier, allows gathering data anonymously, and reaches larger people regardless of the location in the world compared to traditional survey methods (Rice, Winter, Doherty & Milner, 2017; Andrade, 2020). In this case, we used the One-Click Survey (1ka), a web survey tool that provides advanced support for conducting research and analysis (<https://www.1ka.si/d/en>).

We also adopted some questions from the questionnaire of Kalogeropoulos, A., Suiter, J., Udris, L. & Eisenegger, M. (Kalogeropoulos, Suiter, Udris & Eisenegger, 2019) for the one that applies to the hypothesis adapted. The survey questionnaire comprised eleven questions. The respondents comprised audience members from Nigeria and Ghana, n = 200, 193 males and 7 females. The stratified random sampling technique was appropriate for this research since the participants are distributed across a large geographical area and can easily be reached through this technique.

Results and Discussion

This section presents the results of the primary data obtained from the survey and discussion of findings based on hypotheses formulated. Respondents that completed the survey were 96.5% (193) males and 3.5% (7) females. Forty-three (43%) of the respondents have a bachelor's degree; 18% of the respondents have a postgraduate degree while another 18% also have completed high school. Almost all the respondents were interested in political information.

Hypothesis 1: *The emergence of non-mainstream media is correlated to distrust of mainstream media in Ghana and Nigeria.*

In our first hypothesis, the study sought to find out whether the emergence of new media has led to the distrust of the traditional media in West Africa's political environment. Journalists always strive to gain trust and credibility from the public. For this reason, they always select their news items over other available information and then the judgement is left to the audience to decide which news from the different media to trust or distrust (Kohring & Matthes, 2007). Thus, the audience shapes the agenda of information as opposed to the agenda-setting by the media. Citizen journalism, to a large extent, has become important and is challenging mainstream journalism (Goode, 2009; Livingstone & Markham, 2008).

The study found that the national media is seen as the best medium through which people still rely upon for political information. It was evident in the study that 37% of the respondents trust the national media. New social media recorded the lowest in this category with 12% of respondents. We found that most people trust mainstream news as compared to online news as in developed democracies

(Osei-Appiah, 2019). Further, the study revealed that when it comes to the frequency of accessing political information, they use social media (47% of respondents) while only 26% of respondents use the national media to access political information.

Hypothesis 2: The political interference and commercial (not independent) in the mainstream media is negatively associated with distrust in mainstream media.

The study revealed that people are of the view that politics has infiltrated the media space which undermines the trust that the people have in the media. In Ghana and Nigeria, politicians especially those in government or those who are connected to the government in power have easy access to obtain a license to set up a media house. The journalists, to a large extent, do not unearth the corruption that goes on in the government, this undermines the checks and balances that the news media should have on the politicians or the government.

The respondents (36%) disagree that the news media is independent of political or government influence while 17% agree that the news media is not influenced by any political or government influence.

The business or commercial environment has also infiltrated the media space. 36% disagree that the business or commercial community does not have an undue influence on the media landscape, however; 17% agree that the business or commercial community has undue influence on the media space. The private media are more concerned about making profits that will sustain their business to meeting the needs of the citizens (Osei-Appiah, 2019) in providing them with balanced and trustworthy political news. In effect, people do not trust the media when it comes to political information which will search for other sources for their political news which may either be credible or not.

Hypothesis 3: Using mainstream or new media as the main source of political information will impact the audience trust.

The study sought to find out whether the audience trusts the news media for political information. 37% of respondents tend to agree that they can trust the mainstream media for their political news. Although people use the internet to get information, they still have a bit of trust in the mainstream media as compared to the non-mainstream media. The non-mainstream media is, however, a veritable trove to get access to political information, thus, 62% responded that they used new social media to get access to political news, but when it comes to trusting political news they normally rely on the mainstream media to get a confirmation or an endorsement from the mainstream media whether what they have read or watched is true or false.

Conclusion

While there is large evidence through the literature on declining trust in media, there is still little work on the audience members' choice of media usage in West Africa. This study for the first time answered the key research questions on trust in mainstream and new media in West African Ghana and Nigeria.

It revealed that new media is becoming one of the main sources through which citizens obtain their information on politics which will also help shape the kind of information being shared online by the traditional media.

The study found out that the private media has become more preferable to the government-owned media as the audience view the government media as a tool for the government's statements.

Our research revealed that the audiences have become the centre of the news and they are rather shaping the agenda-setting of the media due to the emergence of the new media.

The research concluded that people use new media as an alternative media to obtain political information, nevertheless, mainstream media still plays a vital role in providing political information in Ghana and Nigeria.

References

- Andrade, C. (2020). The Limitations of Online Surveys. *Indian Journal of Psychological Medicine*, 42(6), 575–576.
- Ardèvol-Abreu, A., & Gil De Zúñiga, H. (2017). Effects of editorial media bias perception and media trust on the use of traditional, citizen, and social media news. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 94(3), 703–724.
- Creswell, J.W. (2014). *Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches* (4th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Goode, L. (2009). Social news, citizen journalism and democracy. *New media & society*, 11(8), 1287–1305.
- Heinecke, S. (2019). The Game of Trust: Reflections on Truth and Trust in a Shifting Media Ecosystem. In *Media Trust in a Digital World* (pp. 3–13). Cham: Springer.
- Kalogeropoulos, A., Suiter, J., Udris, L., & Eisenegger, M. (2019). News Media Trust and News Consumption: Factors Related to Trust in News in 35 Countries. *International Journal of Communication*, 13(22), 3672–3693.
- Kim, D. H., Jones-Jang, S.M., & Kenski, K. (2020). Why Do People Share Political Information on Social Media? *Digital Journalism*, 2, 1–18.
- Kohring, M., & Matthes, J. (2007). Trust in news media: Development and validation of a multidimensional scale. *Communication Research*, 34(2), 231–252.
- Livingstone, S., & Markham, T. (2008). The contribution of media consumption to civic participation. *The British journal of sociology*, 59(2), 351–371.
- Moehler, D.C., & Singh, N. (2011). Whose news do you trust? Explaining trust in private versus public media in Africa. *Political Research Quarterly*, 64(2), 276–292.
- Newman, N., Fletcher, R., Kalogeropoulos, A., & Nielsen, R. (2019). *Reuters institute digital news report 2019* (Vol. 2019). Reuters Institute for the Study of Journalism.
- Osei-Appiah, S. (2019). News Media Logic and Democracy: Strange Bedfellows in Political News-making Practices of Private Radio Stations in Ghana. *African Journalism Studies*, 40(3), 57–72.
- Otto, K., & Köhler, A. (Eds.). (2018). *Trust in media and journalism: Empirical perspectives on ethics, norms, impacts and populism in Europe*. Springer.
- Park, S., Fisher, C., Flew, T., & Dulleck, U. (2020). Global mistrust in news: The impact of social media on trust. *International Journal on Media Management*, 1–14.
- Pingree, R.J., Quenette, A.M., Tchernev, J.M., & Dickinson, T. (2013). Effects of media criticism on gatekeeping trust and implications for agenda-setting. *Journal of Communication*, 63(2), 351–372.

Rice, S., Winter, S.R., Doherty, S., & Milner, M. (2017). Advantages and disadvantages of using internet-based survey methods in aviation-related research. *Journal of Aviation Technology and Engineering*, 7(1), article 5.

Sterrett, D., Malato, D., Benz, J., Kantor, L., Tompson, T., Rosenstiel, T., Sonderman, J. & Loker, K. (2019). Who shared it?: Deciding what news to trust on social media. *Digital Journalism*, 7(6), 783–801.

Tsfati, Y., & Ariely, G. (2014). Individual and contextual correlates of trust in media across 44 countries. *Communication Research*, 41(6), 760–782.

Williams, A.E. (2012). Trust or bust?: Questioning the relationship between media trust and news attention. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 56(1), 116–131

Bio notes:

Jamiu M. Mustapha, Lecturer of the Department of Mass Communication, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), ORCID: 0000-0001-8239-5808; e-mail: mustafa-md@rudn.ru

Marina G. Shilina, Professor, Plekhanov Russian State University of Economics, Lomonosov Moscow State University, ORCID: 0000-0002-9608-352X; e-mail: marina.shilina@gmail.com

Obiri S. Agyei, PhD Candidate of the Department of Psychology and Pedagogy Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), ORCID: 0000-0002-7409-7584; e-mail: stephenobiri99@gmail.com

Carbukie R. Ocansey, Lecturer at Department of Communication Studies, University for Professional Studies, Ghana, ORCID: 0000-0001-9740-8894; e-mail: ruth.ocansey@upsamail.edu.gh

Сведения об авторах:

Мустафа Мухаммед Джамуи, ассистент кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет Российского университета дружбы народов, ORCID: 0000-0001-8239-5808; e-mail: mustafa-md@rudn.ru

Шилина Марина Григорьевна, профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова, МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID: 0000-0002-9608-352X; e-mail: marina.shilina@gmail.com

Агъеи Стивен Обири, аспирант кафедры психологии и педагогики филологического факультета Российского университета дружбы народов, ORCID: 0000-0002-7409-7584; e-mail: stephenobiri99@gmail.com

Оканси Рут Карбуки, преподаватель кафедры коммуникационных исследований, Университет профессиональных исследований, Гана, ORCID: 0000-0001-9740-8894; e-mail: ruth.ocansey@upsamail.edu.gh

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-209-212

УДК 821.161.1

**Новая книга о Булгакове.
Рецензия на книгу: Урюпин И.С. Творчество
М.А. Булгакова в национально-культурном контексте
эпохи. М.: Флинта, 2020. 572 с.**

Б.В. Соколов

*Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI),
Российская Федерация, 107207, Москва, Чусовская ул., 11, корп. 7*

✉ bvsokolov@yandex.ru

История статьи: поступила в редакцию — 16 июля 2021 г.; откорректирована — 24 августа 2021 г.; принята к публикации — 23 сентября 2021 г.

Для цитирования: *Соколов Б.В.* Новая книга о Булгакове. Рецензия на книгу: Урюпин И.С. Творчество М.А. Булгакова в национально-культурном контексте эпохи. М.: Флинта, 2020. 572 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 209–212. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-209-212>

**New Book about Bulgakov.
Book Review: Urupin, I.S. (2020). M.A. Bulgakov's Works
in the National-Cultural Context of the Epoch.
Moscow: Flinta. 572 p. (In Russ.)**

Boris V. Sokolov

*Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI),
37 office., 7 build, 7, 11 Chusovskaya St, 107207, Moscow, Russian Federation*

✉ bvsokolov@yandex.ru

Article history: submitted: July, 16 2021; revised: August 24, 2021; accepted: September, 23, 2021.

For citation: Sokolov, B.V. (2022). New book about Bulgakov. Book review: Urupin, I.S. (2020). M.A. Bulgakov's works in the national-cultural context of the epoch. Moscow: Flinta. 572 p. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 209–212. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-209-212>

В книге доктора филологических наук И.С. Урюпина М.А. Булгаков рассматривается как русский национальный писатель, творивший в послереволюционную эпоху 1920–1930-х годов. Представляется весьма разумной данная автором классификация работ, посвященных булгаковскому творчеству, данная по используемому российскими исследователями методу. Он выделяет биографический метод, которого придерживались первые исследователи, писавшие о Булгакове в 1960–1970-е годы, историко-генетический метод, популярный в 1980–1990-е годы, структурно-семантический метод (или направление), господствовавшее в 1990–2000-е годы. Параллельно с ним существует мистико-метафизический метод (или ракурс). При этом работы одного и того же исследователя могут принадлежать одновременно к нескольким направлениям (С. 3–7). Урюпин рассматривает творчество Булгакова с точки зрения использования писателем таких национально-культурных архетипов, как «русский бунт», «самозванства», «русской смуты», «мастера и мастерства». Он подчеркивает, что «*русский Логос и русская Душа* — центральные в русской классической литературе — были осевыми и для художественной Вселенной писателя» (С. 5). Очень важным представляется вывод о том, что «очевидная ложь, ставшая основой официально-государственной идеологии, тотальное самозванство, проникшее во все сферы общественной жизни, забвение национальных традиций и пренебрежение непреходящими нравственно-этическими ценностями Православия – все это вызывало у М.А. Булгакова резкое неприятие, усиливало тоску об утраченной гармонии, рождало мысли о преодолении смуты, навеивало исторические воспоминания и ассоциации» (С. 115). Также автор отмечает, что

«М.А. Булгаков вносит чрезвычайно важный смысловой нюанс в развитие темы самозванства — присвоения чужого *имени = вещи*. Уже в повести «Собачье сердце» обнаруживается определенная закономерность, которая с разными вариациями встретится в других произведениях писателя: герой-самозванец непременно оказывается вором» (С. 104–105). Тут стоит добавить, что Булгаков также широко использует общечеловеческие архетипы, в частности троичность, причем не только в связи с христианской Троицей. Вся структура «Мастера и Маргариты» строится на взаимодействии трех миров; древнего ершалаимского, современного московского и вечного потустороннего. Но и уже в романе «Белая гвардия» мы читаем: «Инстинкт: гонятся настойчиво и упорно, не отстанут, достигнут и, достигнув совершенно неизбежно, — убьют. Убьют, потому что бежал, в кармане ни одного документа и револьвер, серая шинель; убьют, потому что в бегу раз свезет, два свезет, а в третий раз — попадут. Именно в третий. Это с древности известный раз» (С. 286).

Урюпин в специальном параграфе, на основе данных местных архивов, рассказывает об орловских предках Булгакова (С. 230–236) и делает вывод о том, что писатель «бережно хранил в своем сердце свет отцов и дедов, неутомимо стяжавших сокровища Духа в самом онтологическом ядре русского Подстепья — Орловском крае, ставшем родиной крупнейших отечественных писателей и богословов» (С. 236). С этой памятью автор также связывает повышенный интерес Булгакова к творчеству русских религиозных философов С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и др., и связи булгаковского творчества с их работами уделено в монографии много места. Урюпин справедливо полагает, что в «Мастере и Маргарите» был осуществлен синтез русской и зарубежной мифологии, причем «в образе Воланда, князя тьмы, писатель причудливо соединил черты древнего Змия/дракона, апокалиптического зверя, с восточнославянскими представлениями о повелителе теней, являющемся на землю в виде «черной тучи», которая в романе «Мастер и Маргарита» накрывает Ершалаим и Москву и разражается очистительным ливнем, смывающим пороки погрязшего во зле мира» (С. 567).

С Урюпиным можно поспорить насчет пьесы «Батум». Он полагает, что Булгаков «демонстрирует генетическую и типологическую близость главного героя — Сталина — образу Пугачева, а следовательно, соотносит его с национальным архетипом самозванца. В мнимой апологии вождя Сталин представлен как мнимый пророк, глубоко прячущий свою демоническую сущность, то есть выступает в роли „мистического самозванца“» (С. 557). Следуя за А.М. Смелянским и М.С. Петровским, он также полагает, что «черты вселенского зверя, узурпировавшего власть в России и творящего беззакония под видом благодеяний, усмотрел М.А. Булгаков в советском тиране Сталине, о котором написал пьесу «Батум» (1939) <...> Мнимость, будучи свойством «выворотного мира», дьявольским обманом, прельщающим человечество, в «Батуме» становится структурно-семантическим элементом, определяющим содержание (мнимая апология вождя) и форму произведения (мнимая юби-

лейная пьеса)» (С. 54–55 и след.). Однако следует иметь в виду, что Булгаков писал «Батум» не как пьесу для чтения, а как пьесу для постановки к юбилею Сталина на сцене МХАТа. Поэтому вкладывать в пьесу какой-то антисталинский подтекст было не только опасно (Сталин должен был стать главным читателем «Батума» перед разрешением постановки), но и бессмысленно, поскольку ни актеры, ни режиссеры МХАТа этот подтекст не смогли бы ни увидеть, ни тем более сыграть. Возможно, отрицательное отношение Булгакова к Сталину и проявилось в каких-то деталях на уровне подсознания, но сознательно строить образ Сталина как сатирический (пусть даже в скрытой форме, на основе подтекста) драматург не мог. В чисто художественном же отношении пьеса получилась откровенно слабой, что и вызвало ее запрет Сталиным. Сколько-нибудь разработан только образ Сталина, но он лишен каких-то ярких сценических черт и какого-либо развития по ходу действия. Другие положительные герои играют по отношению к нему роль статистов, а отрицательные герои, вроде императора Николая II, представляют собой карикатуры. При этом отсутствует какая-либо интрига,двигающая действие.

Но наличие подобных дискуссионных мест несколько не умаляет значение работы И.С. Урюпина, которая показывает нам значение творчества М.А. Булгакова для развития русской национальной культуры.

Библиографический список

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Белая гвардия / сост., вступ. статья и комм. Б.В. Соколова. Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2013. 1085 с.

References

Bulgakov, M.A. (2013). *The Master and Margarita. The White Guard*. Comp., introd. article and comment by B.V. Sokolov. Kharkov; Belgorod: Klub Semejnogo dosuga publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). ORCID: 0000-0001-8147-4918

Bio note:

Boris V. Sokolov, Dr. hab. in Philology, PhD in History, Senior researcher of Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI). ORCID: 0000-0001-8147-4918

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-213-217

УДК 070

Экология медийного пространства как стратегия современной жизни. Рецензия на книгу: Экосистема медиа: цифровые модификации / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с.

А.М. Шестерина^{ID}

*Воронежский государственный университет,
Российская Федерация, 394068, ул. Хользунова, 40А*

✉ shesterina8@gmail.com

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 9 ноября 2021 г.; откорректирована — 23 ноября 2021 г.; принята к публикации — 1 декабря 2021 г.

Для цитирования: Шестерина А.М. Экология медийного пространства как стратегия современной жизни. Рецензия на книгу: Экосистема медиа: цифровые модификации / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 213–217. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-213-217>

**Ecology of Media Space as a Strategy of Modern Life.
Book Review: Urazova, S.L. (Ed.). (2021).
Ecosystem of Media: Digital Modifications.
Chelyabinsk: SUSU Publ. 252 p. (In Russ.)**

Alla M. Shesterina^{ID}

*Voronezh State University,
40A Kholzunova St, Voronezh, 394069, Russian Federation*

✉ shesterina8@gmail.com

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: November 9, 2021; revised: November 23, 2021; accepted: December 1, 2021.

For citation: Shesterina, A.M. (2022). Ecology of media space as a strategy of modern life. Book review: Urazova, S.L. (Ed.). (2021). Ecosystem of media: Digital modifications. Chelyabinsk: SUSU Publ. 252 p. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 213–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-213-217>

«В любом случае, конечной целью всякой школы журналистики должно стать... восстановление журналистики в ее изначальной функции общественного служения», — сказал когда-то известный писатель и журналист Габриэль Гарсия Маркес (Маркес, 1997). Сегодня мысль о возвращении журналистике ее истинного предназначения актуальна как никогда. Медиафера стала важной частью нашего жизненного пространства как на индивидуальном, так и на глобальном уровне. Такие слова, как «медиареальность», «медиакультура», «медиаобразование», «медиапедагогика», «медиапсихология», «медиаграмотность», давно уже вошли в нашу жизнь, а введенный в научный оборот термин «медиаполис» (Современный российский медиаполис, 2012) как нельзя лучше характеризует то жизненное пространство, в котором первая реальность и медиареальность неразделимы. Действительно, в последнее время мы все чаще используем такие категории, как «медиагигиена» и «медиаэкология». И это не случайно! О́йкос (жилище, место нашего обитания) сегодня во многом переместилось в медийное пространство и подчиняется его законам. В силу этого исследование различных аспектов функционирования экосистемы медиа, изучение ее трансформации под влиянием новых технологий представляется чрезвычайно актуальным и стратегически важным не только для медиаферы, но и для всех аспектов жизни современного человека и социума. Как и в первой, объективной, реальности, в медиареальности с точки зрения информационной экологии все взаимосвязано. Как медиа влияют на нашу жизнь? Каковы последствия этого влияния? Какие медийные практики актуальны сегодня и в чем их специфика? Монография пяти авторов, докторов филологических наук по специальности «журналистика» — И.И. Волковой, И.Н. Кемарской, Л.К. Лободенко, С.Л. Уразовой и Л.П. Шестеркиной «Экосистема медиа: цифровые модификации» предлагает ответы на эти и многие другие исследовательские вопросы. Это коллективный труд ученых трех исследовательских школ: Российского университета дружбы народов, Академии медиаиндустрии и Южно-Уральского государственного университета.

Авторы в своем исследовании обобщают наиболее значимые тенденции развития современных медиа и обозначают ключевые тренды. Важно, что изучение медиаполя проводится с учетом тех современных процессов цифровизации, которые, безусловно, повлияли на развитие информационного и коммуникативного пространства и сформировали принципиально новые законы функционирования как традиционных, так и новейших медиа. Как отмечают авторы, монография «фиксирует так называемые „реперные“ точки, на которых выстраиваются преобразования современных медиаструктур» (Экосистема медиа..., 2021, с. 7).

В монографии подробно рассматриваются такие аспекты бытования медиа, как развитие цифровых форматов, формирующих мультиреальность, элементы игореализации в медиафере, новейшие форматы с позиций современности и в ретроспективе, развитие интернет-СМИ региона. Они получают емкую и всестороннюю оценку, что представляется особенно важ-

ным в ситуации, когда каждый из нас становится не только зрителем, но и публикатором. «В последнее время телевидение существует в условиях массового проникновения зрителей в телевизионные программы. Режим „включенности аудитории“ реализуется в разных форматах», — писала В. Зверева (Зверева, 2005). Сегодня мы можем наблюдать активизацию этого процесса: слияние аудитории и медиа во всех типах их бытования. Это свидетельствует о формировании принципиально нового пространства, в котором медиа и человек неразделимы. Широкая палитра затрагиваемых авторами вопросов позволяет получить стереоскопическое представление о тех актуальных изменениях, которые протекают в сфере этого пространства и в которые сегодня вовлечен едва ли не каждый из нас.

Так, в первой части монографии исследователи определяют ключевые векторы трансформации медиaprостранства и социальной среды, доказывают взаимосвязанность и даже взаимозависимость этих процессов и справедливо отмечают, что «под влиянием информационных потоков происходит корректировка ментальных представлений нашего современника об окружающем мире, изменяется его отношение к самоидентификации» (Экосистема медиа..., 2021, с. 15). Авторы подчеркивают те масштабные выборы, перед лицом которых сегодня оказалось человечество. Станем ли мы людьми информационными или людьми медийными? Будет ли погружение в информацию содействовать нашему развитию или повлечет за собой деградацию? Какой будет формируемая медиакультура — гармоничной или конфликтной? Уже сама постановка этих и других подобных вопросов позволяет говорить о глубине предлагаемого читателю исследования. Но еще большим достоинством монографии можно считать попытку дать обоснованные и научно доказанные ответы на эти вопросы.

Подобный же глубокий уровень проникновения в проблему мы наблюдаем и в разделах монографии, посвященных различным аспектам проявления игрореализации в медиасфере: игра на уровне формы, игра на уровне содержания и игра на уровне профессиональных практик; игра как цель и как средство передачи информации; игра как шоу и как технология влияния.

Перед нами ретроспектива различных игровых форматов, каждый из которых получает многоаспектную оценку. Значительное внимание авторы уделяют формам проявления игры в сетевой среде, и это не случайно — «виртуальное пространство является потенциально игровым» (Экосистема медиа..., 2021, с. 77). Сетевые медийные практики показывают нам, каким огромным воздействующим потенциалом обладают игровые элементы. Игра — одно из самых эффективных средств привлечения и удержания внимания аудитории. Являясь неотъемлемой частью развития человеческой цивилизации, игра сегодня во многом объединяет мир реальный и виртуальный, а потому исследование форм ее воплощения в медиасфере представляется актуальным. Примечательно, что авторы не ограничиваются лишь разбором технологий, но поднимают и серьезные этические вопросы, связанные с игровыми коммуникациями.

Развитие мысли о необходимости формирования новой этики мы находим и в следующей главе исследования, посвященной современному этапу развития телевидения. Авторы задаются вопросом: «Что именно составляет ценность программы, что именно воруют или покупают» (Экосистема медиа..., 2021, с. 114). Любому, кто связан с современным медиаторчеством, понятно, насколько этот вопрос актуален и важен. Разрыв, который, к сожалению, существует между профессионализмом, высоким уровнем телевизионного контента и подлинными интересами аудитории, отмечается многими исследователями. Как часто случается так, что видеоматериал низкого качества приобретает популярность у аудитории, а интересное по форме и содержанию произведение не находит отклика у зрителя. Почему? Какие процессы лежат в основе этого феномена? Монография предлагает нам возможные варианты ответов.

Наконец, заключительная глава обращает нас к анализу того, что происходит в регионах. Здесь пространство взаимодействия медиа и других сфер жизни общества обретает конкретные формы и становится предельно предметным. Очевидно, что региональные медиа в последнее время проходят этап цифровых изменений: с выходом в Сеть они получают новые возможности и потенциально новую аудиторию. В связи с этим само понятие «региональное интернет-СМИ» вызывает вопрос: можем ли мы считать региональными те медиа, доступ к которым ограничен разве что масштабами планеты? Монография содержит ответ и на этот вопрос: авторы обобщают результаты исследования концептуальной модели интернет-СМИ региона, учитывающей многоуровневые связи медиа с окружающей средой.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что предлагаемая исследователями картина развития медиасистемы формирует целостное представление о роли массовой информации в современном мире и о том, какими средствами эта роль реализуется. Жан Бодрийяр озаглавил одну из своих работ «Реквием по масс-медиа» (Бодрийяр, 2006). Авторы же монографии рассматривают трансформацию медийной сферы не как финальную точку ее развития, а как процесс выстраивания экологических взаимосвязей внутри нового социокультурного пространства, в котором медиа играют все более значимую роль.

Национальная ассоциация исследователей массмедиа (НАММИ) совместно с факультетом журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова ежегодно проводит международный конкурс медиаисследований: это экспертная поддержка фундаментальных и прикладных научных разработок в области СМИ, коммуникации и журналистики. Авторы монографии «Экосистема медиа: цифровые модификации» получили диплом победителя конкурса «НАММИ — 2021».

Книга находится в открытом доступе на электронном ресурсе eLibrary.ru: Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа: электронная публикация / Центр гуманитарных технологий. 23.08.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/82> (дата обращения: 30.11.2021).

Зверева В.В. Истории, рассказанные для всех. Обычный человек в ток-шоу // Искусство кино. 2005. № 10. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2005/10> (дата обращения: 30.11.2021).

Маркес Г.Г. Самая лучшая работа на свете // Индекс. 1997. № 2. С. 173–175.

Современный российский медиаполис / ред. С.Г. Корконосенко. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2012. 324 с.

Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / ред. С.Л. Уразова. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с.

References

Baudriyard, J. (2006). *Requiem for mass media*. Electronic Publication: Center for Humanitarian Technologies. Aug. 23, 2006. Retrieved from <https://gtmarket.ru/library/articles/82> (In Russ.)

Korkonosenko S.G. (Ed.). (2012). *Modern Russian mediapolis*. St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.)

Marquez, G.G. (1997). The best job ever. *Index*, (2), 173-175. (In Russ.)

Urazova, S.L. (Ed.). (2021). *Ecosystem of media: digital modifications: monograph*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)

Zvereva, V.V. (2005). Stories told for everyone. An ordinary person in a talk show. *Art of cinema*, (10). Retrieved from <https://old.kinoart.ru/archive/2005/10>. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шестерина Алла Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации Воронежского государственного университета. ORCID: 0000-0001-7270-2376; e-mail: shesterina8@gmail.com

Bio note:

Alla M. Shesterina, Doctor of Philology, Professor of the Department of Electronic Media and Speech Communication, Voronezh State University. ORCID: 0000-0001-7270-2376; e-mail: shesterina8@gmail.com

ГРАНИЦЫ СМЫСЛОВ И ЕДИНСТВО МИРА

**О научном творчестве Веры Вахтанговны Шервашидзе
(1953–2021)**

THE SCOPE OF MEANINGS AND THE UNITY OF THE WORLD

**On the academic work of Vera Vakhtangovna Shervashidze
(1953–2021)**

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы РУДН Вера Вахтанговна Шервашидзе умерла 19 сентября 2021 г., вернувшись из родной Абхазии, полная сил, замыслов, солнечная, освеженная воздухом Пицунды и дружеских встреч...

Но планам не суждено было сбыться. Теперь она живет в пространстве памяти — коллег и друзей, студентов, близких — всех, кто знал, любил и любит ее. Это пространство выходит далеко за отведенные нам, ее современникам, земные пределы, поскольку речь идет о большом человеке, ученом-литературоведе, оставившем глубокий след в науке.

Вера Вахтанговна окончила факультет романо-германской филологии Тбилисского университета по специальности «филолог, преподаватель французского языка и литературы». После аспирантуры при кафедре зарубежной литературы филологического факультета МГУ в 1975 году она защитила кандидатскую диссертацию о творчестве А. Мальро, а в 1989 году там же защитила докторскую диссертацию «От романтизма к экзистенциализму (творчество А. Камю)» и получила звание профессора.

В ее послужном списке заведование кафедрой зарубежной литературы Абхазского госуниверситета (1982–1992), а с 1994 года по настоящее, так трагически оборвавшееся время, она — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов.

Вера Вахтанговна, в первую очередь, специалист по французской литературе XX века, но в действительности это лишь верно отчасти. Она посвящала свои труды творчеству французских писателей не только XX, но и XXI века, творчеству писателей разных стран и эпох. Таких материалов, выходящих далеко за пределы проблематики французской литературы, в ее наследии много.

Вера Вахтанговна — автор нескольких учебников, множества статей и ряда монографий, среди них: «Романы Андре Мальро» (Тбилиси: изд-во Тбилисского университета, 1986), «А. Камю. Путь к роману „Посторонний“»

(Сухуми, 1987), „От романтизма к экзистенциализму (творчество А. Мальро и А. Камю)“ (М.: РУДН, 2005), «Реальность и время во французской литературе: от декаданса к современности» (М.: РУДН, 2015), «Столетие французской литературы: кануны и рубежи» (М.: Флинта, 2015).

Масштаб исследований становился все шире, охватывая весь XX век и устремляясь в XXI. В ряду имен, которые литературовед ввела в отечественную науку, новые и малоизученные: А. Мальро, П. Киньяр, Ж. Перек, А. Жарри, П. Клодель, Б. Виан, автор трилогии «Кульм „Я“» М. Баррес и др. Не раз отмечались ее заслуги, связанные с исследованием роли экспериментальной группы УЛИПО, создавшей жанр «интерактивной» литературы, предвосхитившей компьютерные игры.

Дополняя картину разнообразных достижений, надо отметить выполненный Верой Вахтанговной перевод иронического детектива — романа Сан-Антонио «Княжеские трапезы» (М.: Новости, 1995).

В.В. Шервашидзе всегда была на передовых рубежах литературоведения, публиковала свои труды в ведущих научных журналах, изданиях и издательствах, в том числе за рубежом.

Изучая творчество романистов, поэтов, драматургов, она вводила исследуемых авторов в широкий контекст мировой литературы, анализируя творчество каждого в единстве с философскими, эстетическими исканиями предшествующих и современных эпох, изучала «пороговые» явления, обусловленные кризисами личностного и общественного сознания. Так, в преамбуле к монографии «Реальность и время во французской литературе: от декаданса к современности» (2015) автор писала: *«Методология подхода обусловлена законом „границ и переходов“ Бахтина; границы организуют все пространство семиосферы, ее иерархию и функционирование. Инновационные субструктуры или „пограничные“, маргинальные явления (М. Фуко) приводят к бифуркации, к „большому взрыву“. Достаточно вспомнить об эстетических революциях, непрерывно „взрывающих“ культурное поле — декаданс / авангард / модернизм / постмодернизм / литература „переходного“ периода. Маргинальные явления, вызревающие на границах, обновляют литературу / искусство, интегрируя хаос и конструирование»*. Сложность, многомерность смыслов, поэтика, семиотика, нарративы, «смыслоутраты» и эсхатология, гибридность, маргинальность и т.д. — изучались в динамике личностных эстетических трансформаций, в разных проявлениях и специфике. Литературовед исследовала феномены «эстетических революций», непрерывно взрывающих культурное поле, — декаданс / авангард / модернизм / постмодернизм / литература нулевых...

Особое внимание в научном наследии В.В. Шервашидзе уделено истокам, традициям, преемственным связям литературы XX–XXI веков с романтизмом. Так, в книге «От романтизма к экзистенциализму. Творчество Андре Мальро и Альбера Камю» (М.: РУДН, 2002) Вера Вахтанговна исследовала генетические связи творчества Мальро, экзистенциализма с романтизмом. Она видела во французском экзистенциализме, в мире, пронизанном «смыслоутратой», переосмысление и видоизменение созвучной писателю

«картины романтического искусства и романтической философии жизни начала XIX в., устанавливала связи Мальро с Ницше, подчеркивая тяготение к универсализму, роль романтического мифотворчества, романтической иронии. *«Используя эстетическое новаторство сюрреалистов и отчасти кубистов, Мальро в первых произведениях... («Бумажные луны», «Королевство фарфеля», «Текст для идола с рожком») создавал мир прихотливой фантазии и мистификации, размывающий границы времени и пространства, действительности и вымысла. Этот мир представляет собой модификацию романтической сказки, где, благодаря слиянию идеального с реальным, происходят невероятные события и приключения».* В отличие от Новалиса *«с его романтической сказкой, восстанавливающей утраченное единство мира, Мальро создавал гротескный образ абсурдности, неясности жизни. Фантастика, гротеск, символ, являясь жанрообразующими формами романтического произведения, приобретают новые функции... подчеркивая алогизм происходящего, резкое преувеличение реальных деталей и явлений, пародирующих действительность, развенчивая ее объективные ценности»*... В романах Мальро литературовед обнаружила гофмановские традиции изображения «своевольцев», богоборческие, байронические мотивы, связанные с романтическим пафосом свободы, где одержимость какой-либо грандиозной идеей, вытесняющей из поля зрения внешний мир, ведет «к провозглашению независимости личности, готовой «преступить черту».

Анализируя типологическое сходство поэтологического принципа субъективизации в «магическом идеализме» Новалиса и «магической действительности» Г. Гессе, Вера Вахтанговна видит в произведениях Новалиса и Гессе разные модели мира: стихию сказки как идеального и пророческого изображения «Золотого века», гармонию, созданную воображением поэта, — у Новалиса и *«обобщенно-символическое воспроизведение разных аспектов индивидуального опыта писателя»* — у Г. Гессе. *«Синтез психологической модели многоликости внутренней жизни, философии буддизма и даосизма создал уникальную в европейском романе двадцатого века недурную модель мира, управляемого законом равновесия — «одно во всем и все в одном».* Уравновешенность противоположных начал „инь“ и „ян“ и непротиворечивый вид связи обуславливают существование на равных правах разного отношения к жизни. Ни одна из истин не утверждается в качестве абсолюта... Взаимопроницаемость противоположностей позволяет избежать раздвоения, отчуждения от мира», — пишет Вера Вахтанговна.

Изучая теорию патафизики великого экспериментатора и мастера языковой игры Альфреда Жарри, исследовательница обосновывает мысль о том, что парадоксальность принципов патафизики, разрушающая стереотипы обыденного сознания, иронически пародирующая современную и предшествующую культурные традиции, предваряет теорию тирании дискурсов Рене Барта; а стилистика контрастов, отрицание приоритета одних смыслов над другими, предваряют теорию децентрации Жака Деррида. *«Утрированный, гротескный образ „пожирателя мира“ Убу стал пророческим воплощением социальных закономерностей двадцатого столетия, а из его „гро-*

мального брюха “родился весь европейский театр авангарда двадцатого века — от сюрреализма, А. Арто до Беккета и Ионеско».

Однако внимание В.В. Шервашидзе привлекало не только изучение истоков и традиций, входящих в трансформированном виде в литературу XX в., но и перспективы развития художественной прозы в ситуации постмодерна. Будучи ученицей известного ученого, профессора МГУ Леонида Григорьевича Андреева, под руководством которого Вера Вахтанговна писала и кандидатскую, и докторскую диссертации, она считала честью и долгом участвовать в ежегодных «Андреевских чтениях» — конференции памяти Л.Г. Андреева, проходивших после кончины ученого в 2001 году на филологическом факультете УРАО. В своих докладах и статьях по материалам этих докладов В.В. Шервашидзе обращалась к современным литературным явлениям — французским романам 1990–2000-х годов с их своеобразным взаимоотношением с поэтикой постмодернизма, исследуя «приключения письма» в романах Ж. Эшноза, играющего с детективом — жанром массовой литературы; анализируя «стихию банальности» в прозе Ж.-Ф. Туссена, посредством которой писатель вел напряженный эстетический поиск, пытаясь решить онтологические проблемы бытия; открывая новое для российского читателя имя Антуана Володина в процессе изучения его «пост-экзотизма»; изучая «поэтику следа» и «эстетику анаморфизма» в творчестве Ж. Руо; «эстетику двойного зрения» в поэтике романов «современного мифотворца» Мишеля Турнье: ремифологизация, специфика жанра «экстимного» (овнешненного) дневника, идея фории, инверсия, карнавализация и т.д.

В последние годы внимание исследовательницы привлекла проблема нарративной идентичности, ставшая остро актуальной после работ Поля Рикера 1980–1990-х годов, она замышляла проследить этот феномен в автофикциональных произведениях французских писателей последних десятилетий, сопоставляя их с тем синтезом вымышленного и автобиографического пластов, который определяет поэтику романов М. Пруста. Вера Вахтанговна собиралась подготовить совместно со своей коллегой из МГУ монографию, посвященную этой проблеме. В заявке на получение гранта от РФФИ авторы будущей монографии писали:

*Поиск новых форм нарративной идентичности, обусловленный радикальной сменой парадигм, изменил панораму литературной жизни Франции, начиная с рубежа XIX–XX вв. Коренная перестройка «традиционного искусства», его образных структур, вызванная изменением статуса пишущего субъекта, сопровождается кризисным состоянием литературы, определяемым в терминологии Ж.-М. Шеффера как «распад», «девиация», «разрушение». В настоящее время акценты смещаются в сторону антропологических, социологических и психологических источников массового распространения фикциональной автобиографии. Одним из неразрешенных вопросов является вопрос различения автобиографического и автофикционального. Эпоха «конца человеческой исключительности» (термин Шеффера) и новые формы репрезентации индивидуальности, неотрывной от «*altérité*» («другости», скрывающейся в каждом «Я»), породили настоящую по-*

требность в активной дальнейшей разработке обозначенной проблемы. Осмысление теоретических аспектов автофикционального нарратива в процессе анализа отдельных авторов и произведений позволит создать общую панораму литературного процесса и станет материалом коллективной монографии.

К сожалению, этот интересный научный проект не осуществился: когда заявка была окончательно оформлена, не стало РФФИ, а затем оборвалась жизнь Веры Вахтанговны...

Краткий очерк дает лишь общее и очень неполное представление о широте научных интересов, научном наследии Веры Вахтанговны Шервашидзе. Масштаб и актуальность разрабатываемых концепций и идей обусловлены талантом, глубиной эрудиции автора, методологическими подходами, соответствующими актуальным запросам стремительно меняющегося гуманитарного знания.

Труды Веры Вахтанговны — часть достижений не только отечественной, европейской филологической мысли. Они созданы ученым, наделенным эмоциональным и этическим интеллектом, целостностью, глубиной гуманистических и эстетических прозрений, достойно воплотившим в жизни и профессии традиции своего славного княжеского рода.

Красивая женщина, замечательный педагог, она отличалась добротой, готовностью прийти на помощь. ореол добра, доброты, достоинства, порядочности, излучаемого духовного богатства всегда окружал ее. Такой ореол бывает у одаренных людей, наделенных большим сердцем, они пробуждают в окружающих доверие, симпатию и любовь.

Облик, образ Веры Вахтанговны Шервашидзе остаются с нами, ее наследие живет и будет жить как важное, весомое, яркое явление отечественной науки, сохраняющее живую актуальность.

Вечная память...

Литвиненко Н.А., Пахсарьян Н.Т., Шевякова Э.Н.